

The background of the cover features a knight in full plate armor riding a horse. The knight has a purple and yellow striped surcoat and holds a long polearm. Behind him is a stone tower with battlements. The sky is cloudy.

ЮРИЙ НИКИТИН

ВОЗВРАЩЕНИЕ ТОМАСА БАШНЯ-2

ТРОЕ ИЗ ЛЕСА

ВОСЬМАЯ ДИЛОГИЯ ЛЕГЕНДАРНОГО ЦИКЛА -
ВПЕРВЫЕ ПОД ОДНОЙ ОБЛОЖКОЙ!
СУММАРНЫЙ ТИРАЖ ПРИБЛИЖАЕТСЯ
К ПЯТИ МИЛЛИОНАМ!

Юрий Александрович Никитин

Возвращение Томаса.

Башня-2 (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6444128

Возвращение Томаса. Башня-2 / Юрий Никитин: Эксмо; Москва; 2013

ISBN 978-5-699-66736-9

Аннотация

Сэр Томас Мальтон возвращается на родину из далекого похода, перед которым самые влиятельные сеньоры королевства на воинском совете избрали его королем. Но по пути в свой родовой замок рыцарь узнает, что на трон теперь претендует другой человек – более надежный, как посчитал народ, – который не покинет свою страну, когда ей как никогда нужна крепкая рука...

Яфет, глава Семи Тайных, планирует осуществить проект «Башня-2», благодаря которому жизнь человечества кардинально изменится. Для осуществления этого плана в дело идет все – от лучших агентов спецслужб до небольших армий. Но не надо забывать про Олега...

Содержание

Возвращение Томаса	6
Предисловие	6
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	32
Глава 4	42
Глава 5	52
Глава 6	61
Глава 7	74
Глава 8	82
Глава 9	93
Глава 10	103
Глава 11	113
Глава 12	121
Глава 13	133
Глава 14	144
Глава 15	156
Глава 16	167
Глава 17	177
Глава 18	192
Глава 19	203
Глава 20	216

Глава 21	228
Глава 22	238
Глава 23	245
Часть II	256
Глава 1	256
Глава 2	266
Глава 3	276
Глава 4	285
Глава 5	295
Глава 6	307
Глава 7	319
Конец ознакомительного фрагмента.	329

Юрий Никитин

Возвращение Томаса.

Башня-2 (сборник)

© Никитин Ю., 2013

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Возвращение Томаса

Предисловие

Любители non-stop экшена скажут с разочарованием, что Никитин ударился в религию и закатил зануднейшую проповедь о Добре и Зле. Ишь, даже Олег, на что уж упертый язычник, и тот о христианских ценностях! Нет чтобы автору забалдеть отпадный роман о вампирах, оборотнях, некромантах, ведьмах. Революционно подоказывать, как и стадо других продвинутых, что нет Добра и Зла, что такие понятия – фигня, все относительно, вампиры могут быть добрыми и замечательными, ну как уже стали добрыми и замечательными киллеры, проститутки, наркоманы, воры, насильники, извращенцы и прочая вчерашняя дрянь, а сегодня – эталон для подражания.

Но нет уж, никакой читательский интерес и никакие тиражи не заставят писателя написать хоть строчку о «добрых некромантах», если он, конечно, писатель, а не... И никакие вампиры не могут быть хорошими по определению. Вообще романы о хороших вампирах, как и прочих персонажах «Стороны Зла», могут читать только те, кто разбивает лампочки и зеркала в лифте, срет в подъездах и на лестнице, расписывает стены похабщиной, разбивает бутылки возле до-

мов. Что, этого еще не делаете? Ничего, будете. Уже первый шаг сделали, если читаете о «хороших» вампирах или о «хорошей» нечисти, о некромантах, а не отдергиваете с омерзением от таких книг руки в книжных магазинах.

Никакая революционность не может оправдать пропаганду зла, насилия, воровства, предательства, вероломства. Всегда будут Добро и Зло, всегда. Писать, что проститутки или вампиры могут быть хорошими, – это доказывать, что можно не учиться, не ходить в школу вообще, не работать, а подворовывать, приторговывать наркотой, что можно грабить и стать богатым и уважаемым членом общества.

Да, у таких книг толпы благодарных читателей, как же – выразили тайные чаяния! Но это всего лишь рубить бабки на жадном интересе подростков к якобы «запретному», на их страсти спорить с общепринятым, опровергать авторитеты и вообще бунтовать везде и против всего.

Не интерес к христианству заставил написать эту книгу, а растущая популяризация Зла. Она заметна в обилии книг, фильмов и байм о хороших оборотнях, о хороших киллерах, о хороших мафиози, об удачливых грабителях, о замечательных наркоторговцах, которые с нуля заработали миллиарды и ничего им за это не было!!! Не противясь этому злу, вы дадите ему разрастаться, но как-то забываете, что и самим придется жить в этом зле, где проституткой будет не одна шлюшка из вашего класса, а все, в том числе и ваша невеста, жена, а потом станет ею дочь, а сынок начнет приторговывать нар-

котиками, но подцепит СПИД и склеит лапы раньше, чем разбогатеет... если не повезет попасть за решетку.

Как человек старой школы, у которого непоколебимые нравственные принципы постоянно руководят творческим процессом, и я написал эту книгу. И хрен с теми читателями, что предпочитают о хороших вампирах, прелестях Зла, благородных некромантах и честных проститутках. У меня ни один герой НИКОГДА не станет на ту сторону. И никогда не будет поэтизировать то, что за гранью.

Никитин

Может быть, для Господа Бога вообще лучше, чтобы в него не верили и всеми силами боролись против смерти, не обращая взоры к небесам, где царит молчание.

КАМЮ Альбер

Часть I

Глава 1

В небе блеснуло золотыми искрами, тут же набежавшее облачко скрыло крылатую колесницу Ильи-пророка. Олег задумчиво смотрел вслед бывшему богу, а Томас перевел ликующий и в то же время растерянный взор на подаренных ему и его невесте коней. Огромные, черные, как ночь, у обоих роскошные гривы и хвосты цвета заката, земля вздрагивает от нетерпеливых ударов их копыт. Даже не осматриваются в незнакомом мире, настоящие гуннские кони. Олег огляделся, пронзительно свистнул. Послышался частый стук копыт.

Он нахмурился, расправил плечи. Нелегкая жизнь в крестовом походе и постоянные сражения не на жизнь, а на смерть нарастили мышцы на и без того хорошо развитой фигуре, а сейчас, после победного возвращения с небес, сердце бьется ликующе, во всем теле разливается некая непобедимость и несокрушимость. Не случайно еще перед этим походом самые влиятельные сеньоры королевства на воинском совете избрали его королем...

Конь, красный, как раскаленная глыба металла, звонко заржав, подбежал к Олегу. Волхв ласково потрепал его по ще-

ке, Лилит надула губы и обиженно потрогала свою щеку.

Гуннские кони захрапели, беспокойно переступали с ноги на ногу. Лилит подошла к Олегу, Яра не отрывала радостный взгляд от своего доблестного жениха.

– Что случилось? – спросила Лилит. – Так беспокоятся...

– У меня не забалуешь, – буркнул Олег. – Чуют.

Томас прикидывал, как добираться до ближайшего села или города, где добудут еще коня, а желательно так и вовсе повозку для благородных дам, однако Олег похлопал красного коня по холке, тот замер, могучее тело волхва взметнулось в привычном прыжке. Конь чуть присел от обрушившейся тяжести, повернул голову и окинул седока огненными глазами.

– Знакомые места? – спросил Олег с высоты седла. – Томас, до твоего родового замка всего две-три плаки.

Томас переспросил озадаченно:

– Плаки?

– С десяток миль, – поправился Олег. – А плаками мерили здесь пикты. Или одксы?... Мельтешат, мельтешат...

Его могучая длань приглашающе простерлась в сторону Лилит. Томас с завистью смотрел, как тонкие пальцы удивительной женщины скользнули в широкую, как лопата, ладонь. Волхв небрежно дернул, и черноволосая красавица, как бабочка, впорхнула на круп его коня.

– Яра, – сказал Томас с облегчением. – Позволь мне...

Он с достоинством преклонил колено, Яра, как и подоба-

ет княгине немалого княжества, царственно оперлась о широкое и сверкающее металлом плечо рыцаря, так же величаво поднялась на коня и опустила в вышитое золотом гуннское седло.

Томас поклонился, он не этот дикарь, который все же друг, вставил ногу в стремя и с достоинством благородного человека поднялся в седло оставшегося коня. Подошвы грубых солдатских сапог уперлись в хорошо подогнанные стремена. Коленями ощущал могучего зверя, который чувствует хозяина и готов драться с ним вместе.

Конь под волхвом переступил с ноги на ногу. Олег ощутил, как к спине прижалось горячее и упругое. Тонкие быстрые пальцы пробежали по широким пластинам его твердой, как гранитная плита, груди, сместились на выпуклые мышцы живота. Над ухом прозвучал довольный смешок:

– Отшельничек, ты в самом деле из Леса. Весь как из дерева. Едем к тебе?

– Размечталась, – ответил он. – Сперва к Томасу.

– Живешь у него?

– Его дядя отложил для меня пару редких книг.

– Фу, книги...

– Не дуй в ухо, – буркнул он. – Ссажу.

– Грубый, – жарко шепнула она снова в ухо.

– Да, – согласился он довольно, – я умею с женщинами разговаривать.

В сторонке бок о бок ехали Томас и Яра. Их ноги в стре-

менах касались, позвякивали, чудесные черные кони идут ровно, красиво, копыта едва касаются земли. Красные гривы слегка треплет ветерок.

– Красивый, – сказала Лилит оценивающе. Ее черные глаза пробежали по прямой спине золотоволосой красавицы. – И эта... тоже красивая. Под стать друг другу.

– Бла-а-а-агародные, – ответил Олег, зевая. – Белая кость, голубая кровь, тонкая шкура...

Томас услышал, покосился укоризненно больше на Лилит, к уколам этого грубого человека привык, что со скифа возьмешь, а вот эта красавица, хоть и ведьма, может подумать о нем черт-те что.

– Во всяком случае, – заметил он с достоинством, – благородный не станет распахивать пасть перед дамой, обдавая ее зловонным дыханием, не станет чесаться, как бабуин... а ты вообще черт знает где чешешься!.. не станет... э-э... многое из того, что ты творишь, не станет!

Олег почесал затылок, уже чисто по-славянски, спросил озадаченно:

– А что, женщина не человек?

– Она лучше, чем человек, – ответил Томас с тем же достоинством высокороджденного. – Потому в ее присутствии надо вести себя, как в храме! Не лаяться, не скоблить себя, перекосив рожу, не плевать во все стороны, а только налево, где Враг рода человеческого... а пусть не стоит там, дурак, не... да что перечислять? Вечности не хватит счесть того,

что сэр калика делает не то и не так! Все равно ему хоть кол на голове теши, хоть орехи коли.

Олег сказал озадаченно:

– Да... Это ж сколько надо предков заиметь, чтобы такой кодекс обрести?

– Много, – ответил Томас скромно. – У меня, к примеру, двенадцать поколений рыцарь на рыцаре! Из них половина доблестно пала в сражениях, треть красиво искалечена в турнирах, двое героически утопли, одного казнили по заведомо ложному обвинению, а еще треть отдали жизни из-за любви...

Олег удивленно качал головой. Если даже пропустить мимо ушей сбой в арифметике – в Европе даже короли неграмотны, а чтоб посчитать до двух десятков – снимают сапоги, – то все равно благородное происхождение Томаса видно за милю.

Лилит весело фыркала в ухо, дула, хрюкала, мявкала. Олег мотал головой, снова пообещать прибить, он же не рыцарь, ему можно, он человек свободный, это вон Томас скован по рукам и ногам догматами и цепями веры, женщину пальцем не тронет, дурак, если уж говорить между нами, умницами...

Лилит захохотала, красиво потряхивая гривой волос, такой же роскошной, как у их коня, только черной, как ночь. Глаза, крупные и с огромной радужной оболочкой, смотрели на Олега с обожанием, но он, к счастью, видел только доро-

гу, что мчится навстречу и торопливо проскакивает под копытами.

Томас покосился в их сторону.

– Берегитесь этого человека, – предостерег он, – высоко-
читимая леди Лилит.

– Почему? – удивилась она.

– Он ни во что не верит, – сказал Томас сокрушенно и
перекрестился. – А человек без Бога в душе – страшен.

Олег фыркнул.

– Если верить твоему отражению в луже, ты мелок и гряз-
зен. Так что не всему надо верить.

Томас сказал благочестиво:

– Все, что я увидел во время моих скитаний по Святой
Земле, учит меня верить Творцу по поводу всего, чего я не
видел.

– Все должны во что-нибудь да верить, – согласился
Олег. – Я, например, верю в то, что если эта зараза за мо-
ей спиной еще раз плюнет в ухо... как не плевала? А дул
кто? Кто кричал гнусным голосом, будто толстая жирная ут-
ка?.. Вообще, верить в наше время нельзя никому. Даже се-
бе. Мне – можно.

Томас морщился, закоренелый язычник увиливает от се-
рьезного разговора про Божьи дела, но после того, где толь-
ко что побывали, самое время поговорить всерьез и доказать
ему ложность языческих заблуждений.

– Отсутствие веры, – сказал он трубным голосом, – уже

лишает человека души!

Олег спокойно смотрел на бегущую навстречу дорогу, на выпад рыцаря Храма проворчал в полнейшем равнодушии:

– Вера... Верить можно только в то, чего нет. Или что еще не свершилось. Например, можно верить, что если будем настигать коней, то к вечеру приедем в замок сэра Торвальда. Может быть, он даже угостит нас ужином в честь возвращения сына с невесткой. Можно верить в то, что если свернем вон в тот лесок, то отыщем ручей с хорошей водой, разведем костер и переночуем без всякой спешки.

Яра, что прислушивалась к их дружеской перепалке, повернулась в седле и сказала с ясной улыбкой:

– Можно верить, что у нас с Томасом будет сын, что вырастет великим воином... Нет, что у нас будет много детей и что все они будут умные и красивые!

Томас посмотрел с удивлением и некоторым испугом.

– Много?

– Ну да, – ответила она уверенно. – Или ты против?

– Да вообще-то нет, – промямлил он, – просто как-то не думал об этом... особенно. Не до того как-то...

– Ты ведь король, – сказала она уверенно. – У нас будет королевский замок. И большой сад. А в саду станут играть наши дети!

Олег скалил зубы, Томас покосился в его сторону, кивнул и сказал с облегчением, словно Олег бросил ему спасательный круг:

– Да, конечно-конечно. Я в это тоже верю.

Олег снова оскалил зубы.

– Верю! Только и слышу это «верю», «верю». Это проще, чем думать. Видишь, разница в том, что в христианского Бога нужно верить, а наши боги в вере не нуждаются. Они реальные! Они ходили по земле, дрались, вступали в браки с земными женщинами, их можно было даже ранить...

Томас нахмурился, слушал с недоверием и растущим подозрением.

– И что же, – спросил с надлежащей надменностью, – это хорошо, что у вас такие боги... мелкие?

– Мелкие? – удивился Олег. – Горами трясли!

– А наш Господь, – сказал Томас благочестиво и перекрестился, – трясет даже мирозданием. Как тряхнет, звезды сыплутся, как жуки с дерева! А ногой топнет – хляби небесные разяв... развезза... разверза... словом, ливень такой лупит по твоим богам, что те под деревья прячутся, как букашки какие мелкие! А когда градом, так вообще в землю зарываются. И кто сильнее?

– Не знаю, – ответил Олег задумчиво и таким голосом, что Томас взглянул подозрительно: не дразнит ли его язычник. – Все еще не уверен.

Деревья расступились, впереди зазеленела широкая долина, виднелись домики, стадо коров, Томас вздохнул:

– Еще с десяток миль, и мы в замке!

Над ухом Олега прозвенел веселый голосок:

– Так чего же медлим?

Томас развернулся с медлительностью большой катапульти. На благородном лице неторопливо отобразилось благородное недоумение.

– Разве медлим?

– Эти кони, – прокричала Лилит так звонко, что Олег отшатнулся, – могут идти не только шагом!

Томас сдвинул плечами, железо жутко скрипнуло. Синие глаза на миг встретились с ее черными, загадочными и непроницаемыми, но он не уронил взора, только милостиво наклонил голову, жест, достойный человека, который на троне пробыл уже не один десяток лет.

– Желание такой красивой женщины закон для рыцаря!.. Сэр калика, если твой конь не отстанет... я имею в виду весомость твоего зада, женщина за твоей спиной весит не больше котенка, то можем, можем...

Коровы не повернули голов, но пастухи раскрыли рты и смотрели зачарованно. По дороге несется на огромном черном коне сверкающий доспехами рыцарь, рядом на таком же гордо скачет с прямой спиной золотоволоска из сказки, нежная и красивая. Следом мчится странный багровый конь, что за масть, на его спине двое: человек с красными, как пламя заката, волосами, в звериной шкуре, солнце блестит на обнаженных круглых, как валуны, плечах, к его спине прижалась женщина с черными распущенными волосами, по вет-

ру трепещет черное пламя, и видно, как разлетаются черные искры.

Дорога пошла ближе к лесу, встретили группу селян, что едва волокут вязанки хвороста, у женщин еще и по лукошку с грибами. Тропка вилась вдоль леса, повторяя изгибы. Кони неслись как ветер, на поворотах седоков забрасывало то вправо, то влево, Лилит взвизгивала счастливо и крепче прижималась к могучему волхву. Ее пальцы уже не щупали его мышцы на животе, а замерли, словно наполовину погрузились в твердое тело человека из Леса, однако от тряски сползают все ниже и ниже.

Пронеслись мимо маленького озера, распугивая гусей. Чуть дальше четверо бедно одетых мужиков трясли пятого, потом швырнули оземь, начали избивать. Четверка на трех конях пронеслась мимо, но Томас с неохотой натянул повод.

Олег проехал мимо, в зеленых глазах недоумение. Томас развернул коня, вскачь помчался к схватке. Яра, чуть помедлив, последовала за женихом. Олег пожал плечами, отчего пальцы Лилит скользнули еще ниже, начали искать щелочку под широким поясом.

Томас оттеснил конем напавших, один воровато сунул руку за пазуху, на миг блеснуло лезвие, тотчас же подкованный сапог привычного ко всему рыцаря угодил наgleцу в лицо. Нож вылетел и блеснул в воздухе, как выскользнувшая из рук серебристая рыбка. Несчастный рухнул навзничь, вместо лица кровавое месиво, словно лягнул не Томас, а его

конь.

Остальные рисковать не стали, отбежали, что-то выкрикивают, а когда и Олег пустил коня в их сторону, поспешно убежали в лес. Яра погрозила кулаком, но четверка уже скрылась за деревьями.

Томас соскочил на землю, помог встать избитому. У того алые струйки хлещут из сломанного носа, расквашенных губ, даже выплевывает при каждом выдохе красные густые комья. Рубашка в клочьях, на коленях дыры, но явно давние, голые ступни почернели от постоянного хождения босиком, огрубели, как конские копыта.

– Что стряслось? – спросил Томас строго. – Ты кто?

– Йомен, сеньор, – ответил избитый простолюдин, голос дрожал, но глаза уже воровато бегали по сторонам, – эта мразь обвинила меня в том, что я жульничал, играя в кости!.. А теперь еще и отняли мой выигрыш.

Томас окинул его придирчивым взглядом.

– А ты играл честно?

Йомен потупился.

– Ну, временами... Но все равно выигрыш – мой! Они тоже жульничали, только я пережульничал.

Он вытер кровавые сопли, размазывая по всему лицу. Томас брезгливо поморщился:

– Яра, дай ему платок. А от меня вот тебе монета, купи новую рубаху. Еще останется и на хороший обед. И – постарайся жить честно!

Он вернулся к молча наблюдавшим Олегу и Лилит, вскинул подбородок и гордо проехал мимо. Яра виновато посмотрела на Олега, вздохнула, но догнала Томаса, ее конь пошел с его конем стремя в стремя.

Олег оглянулся на удалого мужика, таких... йоменов встречал под Киевом, Новгородом, как и по всему белу свету. Сейчас разбежится тебе жить честно! Сегодня же в корчме расскажет, какого кукукнутого эти придурки в железе поставили королем, устроит пир, напьется и, даже не подумав купить новую рубаху, снова сжульничает, снова получит по роже... а может, и не получит.

На одном из поворотов Томас, не глядя на Олега, процедил сквозь зубы:

– Чего скалишься?

– Да так, – ответил Олег чересчур честно, – я ничего.

Томас проворчал с неудовольствием:

– Эх, сэр калика, ты в самом деле «ничего». Ничего не понимаешь!.. Если бы я был не благородного происхождения, а простым мужиком... просто мужиком, даже не мужчиной, я бы проехал мимо. Мол, всяк за себя, один Бог за всех. Но благородное происхождение накладывает обязательства! Благородный отвечает за всех: семью, друзей, соседей, страну!.. Обязан вмешиваться всегда, даже если видит, что может потерять голову.

Калика сказал насмешливо:

– Так что ж хорошего в благородном происхождении?

Простым мужиком быть безопаснее. И проще.

– Намного, – вздохнул Томас. – Намного.

Олег угрюмо промолчал. Не надо быть вещим, чтобы увидеть будущее рыцарства.

Глава 2

Томас радостно привстал на стременах. По зеленому полю навстречу тяжело двигается, сверкая начищенными доспехами, могучая рыцарская конница. В отряде не меньше двухсот воинов, из них полсотни на тяжелых боевых конях, остальные в доспехах полегче, но над конскими лбами развеваются плюмажи, широкие ремни блещут металлическими бляхами.

Томас вскрикнул:

– Как они узнали?.. Все равно молодцы!

– Кто это? – спросила Лилит в ухо Олега. Он отшатнулся, она тут же игриво прикусила его за мочку. – Кто эти блестящие рыцари?

– Подданные, – проворчал Олег. – Может быть, уже верноподданные... Ишь, в полном параде встречать высыпали.

– Как думаешь, хорошо быть королем?

– Не знаю, – ответил Олег сумрачно.

Лилит хихикнула над ухом.

– Так уж и не знаешь?

– Это кому как, – ответил Олег еще сумрачнее.

– То-то, – сказала она, – а то думала, что будешь отбрезиваться.

– Слишком много знаешь, – проворчал он. – Прибить тебя, что ли?

Томас начал придерживать разгорячившегося коня, а могучий рыцарский отряд, завидев приближающуюся четверку на трех могучих конях, медленно остановился. В рядах происходило движение, рыцари выравнивали строй, получилось красиво и внушительно.

Впереди на могучем коне возвышался немолодой воин с длинными седыми волосами до плеч, белыми вислыми усами. Брови тоже белые как снег, косматые. Шлем старый воин держал на локте левой руки, поводья тоже в левой. Серые глаза пристально следили за приближающейся группой Томаса.

Олег видел, как барон Огден правой рукой отдал воинское приветствие, оглянулся на ровные ряды из железа, острой стали и конских голов. Там неровно, но мощно проревело с полсотни могучих глоток что-то непонятное Олегу, но Томас гордо расправил плечи и орлом поглядел по сторонам, краем глаза замечая зардевшиеся от удовольствия щеки Яры.

Олегу почудилось некоторое напряжение в бароне Огдене. Впрочем, если барон и чувствовал неловкость, то где-то очень глубоко, на уровне голенищ, а так его взор был чист и ясен. Выпрямившись, он смотрит прямо, рука на рукояти короткого меча, а когда заговорил, даже кони перестали об-

нюхиваться, повернулись и уставились внимательными карими глазами.

– Доблестный сэр Томас Мальтон... – произнес барон Огден сильным, звучным, настоящим баронским голосом. – Мы видим, что ты свершил то, что казалось невозможным! Да-да, невозможным... Мы все помним, на твою свадьбу явился рыцарь... тихо там, в задних рядах! Это был рыцарь, никто его не лишал рыцарского достоинства. Обгорелость – не повод, а что из ада... гм... многие из нас там побывают.

Томас приосанился, грудь его раздалась, как у бойцовского пса, что один на один валит быков. Лиловые глаза украдкой посматривали на Яру, все ли слышит, мужественное лицо воспламенилось от жаркой похвалы.

– Да что там, – сказал он скромно, но тоже сильным звучным голосом, как и подобает королю, который в состоянии сам водить войска на битвы, – кто на моем месте не пошел бы хоть в ад, хоть... еще дальше ради такой женщины!

Прямая спина Яры прогнулась, а грудь выпятилась, едва не прорывая тонкую ткань. Синие глаза засияли как звезды, она выглядела не меньше королевой, чем сам Томас.

Барон Огден откашлялся, голос его прогремел еще мощнее:

– Сэр Томас! За твое отсутствие произошли некоторые изменения. Но прежде, чем указать на них, я должен представить тебе этих баронов, что пользуются уважением за их достоинства, их честь и отвагу. И никто не усомнится в их

верности Британии.

Томас с непониманием оглядел рыцарей.

– Я признаю их неоспоримые достоинства, – проговорил он настороженно, – но что означает эта... очень уж внезапная встреча?

Барон с достоинством поклонился.

– Как я уже сказал, это цвет рыцарства Британии. И самые влиятельные и владетельные сеньоры королевства. Вчера на срочном военном сборе было решено, сэр Томас, что наша страна, раздираемая междоусобицами, нуждается в короле, который не покидает ее земли...

Томас задержал дыхание. Бледное изнуренное лицо медленно наливалось краской гнева. Ноздри начали раздуваться, глаза холодно блеснули, а ладонь потянулась к рукояти меча.

Из рядов выдвинулся коренастый воин, еще старше барона Огдена, весь белый как лунь, старый и уважаемый всем рыцарством сэр Гильдербург, поспешно вскинул руку:

– Сэр Томас! Мы все чтим твои подвиги, и я от всего рыцарства могу заверить, что наша земля не породила более достойного рыцаря, чем сэр Томас Мальтон из Гисленда!

Рыцари переднего ряда угрюмым ревом подтвердили его слова, а дальше рев прокатился в глубину отряда. Ободренный сэр Гильдербург продолжил сильным, но уже по-старчески скрипучим голосом:

– Но, сэр Томас, признай, что лучший из рыцарей не все-

гда бывает лучшим королем. В то время, когда стране как никогда нужна крепкая рука, ты покинул близкий трон и корону, отправился на поиски своей пропавшей женщины!.. Пусть даже очень благородного происхождения, хотя есть тут такие, что сомневаются.

Томас вскипел:

– Сомневаются?

Сэр Гильдербург поспешно воскликнул:

– Сэр Томас, сэр Томас! По старым добрым англским понятиям, благородная дама должна сидеть в башне и сопеть в тряпочку, как вы однажды изволили высказаться, а не вскакивать в седло скачущего коня и размахивать саблями... Она же – настоящая валькирия, вы – герой, а если учесть, при каких обстоятельствах ее... гм... похитили, то можно себе представить, откуда вы только что явились!

– И где побывали! – выкрикнул кто-то, теряя рыцарское достоинство.

– И с кем якшались, – добавил другой противным, совсем не рыцарским голосом, но от грозного взора Томаса укрылся за чужими спинами.

Калика ожидал, что благочестивый рыцарь гордо сообщит, с кем еще сегодня утром за одним столом сидел и жрал в три горла, но Томас, уже весь на земле, прорычал:

– Но я вернулся! И женщина моя со мной. Кто из вас сумел бы вырвать ее из рук... из лап... я даже не решаюсь сказать, из чьих непростых дланей!

Барон Огден чуть подал коня назад, лицо Томаса полыхает гневом, потом стало белым от ярости, сказал торопливо:

– Бросивший трон единожды... кто тебе поверит, что не бросишь снова?

Из переднего ряда рыцарей крикнули:

– Стране нужен король надежный!

Томас скрипнул зубами. Внезапно взгляд упал на сэра калику. Тот сидит на коне спокойный, чутьочку грустный. И в кипящей бешенством памяти внезапно всплыли слова калики, что тот просмотрел всех королей Британии на сто лет вперед, но ни в одной ветви будущего короля Томаса Мальтона не отыскал. Тогда он понял слова калики так, что его убьют раньше, чем наденет корону на голову, но теперь, возможно, предсказание можно толковать иначе...

– И что же? – спросил он холодно. – Вы решили не допустить меня в мое королевство?

Среди рыцарей раздавался шум. Сэр Огден поклонился, но ладонь его не уходила далеко от рукояти меча.

– Доблестный сэр Томас!.. Позволь, я объясню. На военном совете рыцарей за время твоего отсутствия... по благородным мотивам, никто не сомневается... молчать там в задних рядах!.. Никто не посмеется усомниться вслух... так вот, благородный сэр Томас... э-э... на военном совете была выдвинута кандидатура сэра Генриха!

Он тянул и мямлил, в глаза не смотрел, но последние слова выпалил скороговоркой, вздохнул с облегчением и пря-

мо посмотрел на Томаса честными глазами старого рыцаря, знающего законы и воинские обычаи.

За спиной Томаса тихонько ахнула Яра, слышно, как ругнулся калика на своем непонятном языке. К барону с другой стороны от Гильдербурга наклонился хмурый немолодой рыцарь, что-то шептал на ухо, глаза недобро зыркали из-под украшенного золотом шлема.

Томас поморщился.

– Сэр Болдуин, ваш шепот громче, чем ржание моего боевого коня! Я не обнажу меч, как вы надеетесь. Здесь в самом деле цвет англского и норманнского рыцарства, я не хочу всех женщин Англии оставить вдовами. Но, по крайней мере, мне позволено проехать в свои владения?

Снова за спинами старого барона был недовольный шум, звякало железо. Барон с неохотой наклонил голову. Похоже, он, как и все, ожидал от горячего рыцаря более простых движений.

– М-м-можете, – ответил он с усилием. Покосился на хмурые лица, добавил уже другим тоном, виноватым: – Однако, сэр Томас... Я бы не советовал оставаться там надолго.

– Почему?

На плечах старого барона жутко закрипело, словно старая осадная башня пыталась повернуться. Томас понял, что сэр Огден пытается пожать плечами.

– Кто поверит, – проговорил барон с таким усилием, словно выдавал тайну сарацинам под пытками, – что не начнешь

собирать силы? А это новая кровавая распря... Добро бы друг друга резали дикари, как вон твой друг, но благородных рыцарей жалко!.. За тобой кто-то да увяжется из молодых да горячих. Да пусть лучше полягут в войне с врагами, чем в междоусобице! Или еще разок удастся их натравить на сарацин, спровадить на... словом, подальше, в самые дальние страны.

Томас задыхался от ярости, а Олег спросил мирно:

– Прости, что вмешиваюсь... но что ты предлагаешь?

– Ну, – проговорил барон с неловкостью, – необходимость таковая, что приходится говорить и делать неприятные вещи. Мы ценим тебя, сэр Томас! И уже ощутили твою мощь. Так лучше, чтобы она ушла от нас подальше. Победенные англы и победители норманны уже начинают сливаться в один народ... да-да, начинают!.. и все хотят жить спокойно.

Томас прорычал:

– Что ж, ты свое сказал. Теперь я скажу! Сейчас мы едем в мой замок, где меня ждут... надеюсь, отец и дядя. Там я решу, что делать дальше. И пусть простит Господь душу несчастного дурака, кто посмеет встать у меня на дороге.

Его конь вскинул голову и пошел вперед. Расстояние между плотным рыцарским строем и гордым рыцарем сокращалось. Томас опустил забрало, в руках зловеще блеснул исполинский меч.

Послышался лязг, рыцари поспешно опускали забрала. Барон Огден остался с открытым лицом. Он несколько по-

бледнел, глаза его не отрывались от надвигающейся громады, все наслышаны о великих подвигах сэра Томаса, и хотя ни один герой не выстоит против их отряда, но все же успеет не одну благородную даму сделать вдовой. Да и про его спутника с красными волосами рассказывают странные вещи...

Конь барона пошел боком, сдвинулся, открывая Томасу железный ряд рыцарей. Огден вскинул длань, зычный голос прогремел властно:

— Дорогу сэру Томасу! Он всего лишь возвращается в свои владения!

Рыцари колыхнулись, заскрежетало железо. Металлическая стена начала рушиться, кони подавались в стороны, но там тоже стояли закованные в железо чудовища, звон и лязг стали громче.

Еще чей-то голос прокричал:

— Разве он едет во дворец короля?.. Он едет домой! Дорогу сэру Томасу!

Томас восседал в седле неподвижный и надменный, похожий на царственного льва, что неспешно двигается сквозь стаю мелких шакалов. Цвет рыцарства поспешно расступался, ибо это тот цвет рыцарства, что благоразумно остался в своих землях, когда другой цвет ушел в неведомые земли отвоевывать Гроб Господень и там, похоже, сложил головы.

Но этот одиночка вернулся, а это такой дурак, что не посмотрит на численное превосходство, кинется, еще и забудет многих до того, как его самого забьют!

Яра ехала стремя в стремя такая же холодная и надменная. Ее лиловые глаза высокомерно взирали поверх голов, это всего лишь мужики в железе, а не рыцари, и они склонялись, отводили взоры, не в силах вынести взгляда ее ясных чистых глаз.

Олег проехал как можно тише, стараясь не привлекать внимания. Он чувствовал, как будто двигается в узкой трещине между ледниками, с обеих сторон веет холодом и угрозой, вот-вот стены двинутся навстречу одна другой, с тяжелым грохотом сомкнутся...

Так ехали в молчании, пока рыцарский строй не остался позади. Но и тогда Томас двигался ровно, неспешно, хотя зоркий глаз Олега заметил, как дрогнули и слегка расслабились гордо вздернутые плечи рыцаря. Яра протянула в его сторону руку. Он одной рукой поднял забрало, другой – взял за пальцы, с благоговеньем поднес к губам. Олег с неловкостью отвернулся, вздрогнул от голоса Томаса:

– Что, сэр Олег? Такого даже ты, Вещий, не предвидел?

Рыцарь смотрел с горькой насмешкой. Олег с неудовольствием пожал плечами.

– Как такое можно предвидеть?

– Но ты же... гм... Вещий? Так тебя звали те... которые еще диче, чем ты.

Олег сказал, защищаясь:

– Томас, я могу предвидеть, что солнце завтра встанет на востоке, а зайдет на западе... хотя теперь-то знаю, что это

не совсем так... я могу предвидеть, что через какие-нибудь сто тысяч лет на месте этих дремучих лесов и болот протянется степь с горячим воздухом... да-да, хоть океан и рядом, что через полтысячи лет большие группы азиатских народов переселятся на эти изолированные острова... но я не могу предвидеть, какой рукой ты показываешь мне фигу в кармане! И ни один всевидящий или ясновидец не скажет. А если кто угадает, того можно ставить королем всех стран и народов.

Томас сказал угрюмо:

– Про восход солнца я и сам ясновидящий дальше некуда. Даже закат могу предсказать. И ночь. А вот через сто тысяч лет... поди проверь! Нет, все это брехня про вещих. Один Господь Бог все видит и все понимает, только нам не скажет. Да и он, ты ж слышал, не следит за каждым листком или волоском, как священники уверяют простой народ.

– Ты-то не простой, – сказал Олег насмешливо.

Томас возразил, сразу ошетинившись:

– Да, не простой! Простому народу нужен покровитель: Господь Бог или рачительный хозяин края, который за все отвечает, а благородный рыцарь часть ответственности принимает на свои плечи.

– За что? – спросил Олег коварно.

– За все, – отрезал Томас. – За все на свете!

Олег промолчал, зеленые глаза загадочно поблескивали. Томас видел, что отшельник все чаще присматривается к

нему с неким странным интересом, словно увидел двухголового кабана или оленя в рыбьей чешуе. Даже Яра заметила испытующие взгляды волхва, покосилась удивленно на Томаса. Но ее жених, все еще жених – ее утащили в ад за мгновение до того, как их объявили бы мужем и женой, – смотрел надменно и сурово перед собой, непроизвольно замечая и шелохнувшиеся в сторонке кусты, и выпорхнувшую из-под копыт птицу, и парящего в небе орла.

Глава 3

Томас покачивался в седле с прямой спиной, с неподвижным лицом, взор устремлен вдаль. Олег видел, глаза рыцаря то вспыхивают звездным огнем, то полыхают адским пламенем, дыхание учащается, идет из горла со свистом, чуть ли не с огнем и дымом, как у дракона, а рука сжимает повод с такой силой, что может превратить кожаный ремень в ниточку. Все деликатно помалкивают про потерю трона, на котором Томасу так и не пришлось посидеть, но, видно по лицам, все только и думают, в какую форму выльется гнев крестоносца и какое решение все-таки примет.

– Практичный народ, – сказал Олег громко и ни к кому не обращаясь. – Сперва в дурные головы ударила романтика: ах-ах, доблестный рыцарь добыл в Святой Земле мечту всех христианских стран – Святой Грааль, пронес через чужие страны и доставил в Британию!.. Слава герою, слава...

давайте посадим его на трон. Тем более что предыдущий король выказал себя редкостным дураком и свиньей, за что и был умерщвлен. И вообще утащен в котел с кипящей смолой. Потом, пока мы бродили по аду и небесам, подумали, отрезвели, снова подумали и решили, что во главе королевства все-таки нужно ставить не самого лучшего по рыцарским или еще каким доблестям, а...

Он задумался, Томас зыркал молча, Яра поинтересовалась ледяным голосом:

– Кого же?

– Умеющего управлять, – ответил отшельник, хотя было видно, что пытался отыскать более емкое слово. – Томас честен и прям, а для правителя – это хуже, чем дурость, это отказ от гибкого управления. Честный и отважный человек во главе королевства быстро зальет его кровью, это уже проверено...

Томас прорычал, не поворачивая головы:

– Во имя Христа – можно.

– А когда убивают вместе с грешниками и праведников? – спросил Олег.

Томас ответил с достоинством:

– Господь не дурак, разберется, кто свой, а кто чужак.

Отшельник нахмурился, что-то вспоминая, хмыкнул.

– Все верно, он же целиком сжег Содом и Гоморру, хотя там не все были... неправильные. Не чикался, а взял и сжег, молодец. Лес рубят – щепки летят.

Томас нахмурился, показалось кошунственным, что язычник так это снисходительно одобряет действия Господа, словно бы покровительственно похлопывает по плечу, а то Господь ждет не дождется, что же этот дикарь скажет: вдруг да не сочтет его поступок правильным, какой ужас, как жить?

Олег привстал в стремях, Лилит попыталась дернуть его вниз, но отшельник остался недвижим, как высеченная из камня вместе с конем глыба, всмотрелся внимательно.

– Хорошо бы, – сказал он неожиданно, – маленький отдых...

Томас удивился:

– Вон за той рощей уже мой родовой замок! Там и отдохнешь, служанки тебя еще помнят.

Он покосился на Лилит, прикусил язык. С демоницей вряд ли проклятому язычнику, гореть ему в огне, будет время для служанок.

Олег хмурился.

– Да что-то не по себе. Такое ощущение, что подобное уже было. Приедем, а там все разграблено, дядя и отец в темнице, Пенелопа ткет саван, а...

Голос Яры был тих, но проник в их неспешный разговор, как острое лезвие мизерикордии:

– А кто эта Пену... пены... лоппа?

– Да это я так, – сказал Олег, защищаясь, – припомнилось некстати. Томас ее не знает.

– А она его?

Лилит хихикнула в ухо Олегу. Олег задумчиво посмотрел на Томаса, словно колеблясь, сказать правду или прикрыть друга, наконец ответил с некоторым сомнением:

– И она... гм... тоже. Как следует. Я говорю, не нарваться бы. Лучше отдохнуть под вон тем деревом, обдумать положеньице.

Томас метнул злой взгляд, в самом деле язычник умничает некстати, Яра не понимает аллегорий, как любая женщина, к тому же красивая, а значит, вообще ничего не понимает, такую только в королевы или по меньшей мере в благородные хозяйки древнего замка. Она еще припомнит ему эту Пенелопу, хотя язычник брякает, не думая, что брякает, это у него мысль так зигзагами, как слепоглухая змея, хотя он наверняка думает, что его мысль подобна все освещающей молнии.

Он повертел головой из стороны в сторону, металл доспехов поскрипывал мягко и успокаивающе, словно сонный жук-дровосек грыз дерево, наконец, рука в латной рукавице указала перстом в сторону.

– Под вон тем золотым грабом, благословленным деревом, и отдохнем. И помыслим, что делать дальше.

Олег кивнул, но уточнил:

– Под ясенем тень гуще.

Рыцарь отшатнулся так, что железо звякнуло и заскрежестало, будто он вместе с конем катился по ступенькам с баш-

ни Давида.

– Ты что? Это же проклятое дерево!

– Разве? – удивился калика. Он с сомнением оглядел приближающийся здоровенный ясень, высокий и раскидистый, с могучей листвой. – По мне, так твой граб заморыш дальше некуда.

Томас потряс дланями, словно Аарон, призывающий небо в свидетели. В синих глазах полыхнул гнев, желваки вздулись и застыли, крупные и рифленные.

– Сэр калика! Этот проклятый ясень – единственный, кто не поклонился Пресвятой Деве, когда шла через лес и смотрела, куда бы зацепить люльку с младенцем. Ну, с этим, который потом рыбой кормил, манну с неба... нет, манну другой Иисус, прозвище запомнил. Все деревья поклонились, а ясень не поклонился! Гордый, значит. Вот она его и прокляла! А граб, видать, поклонился ниже других, чтоб ей легче было зацепить за сучок люльку.

– Хорошее дерево, – одобрила Яра. – Доброе.

– Угодливое, – сказал калика, и нельзя было понять по тону, одобряет или осуждает. – Вовремя подсустилось.

Томас спешил к грабу, подал руку Яре, преклонив колено, и она сошла как положено благородной даме: ступив на его колено, опершись о плечо, голова гордо вскинута, нос задран, как у брянской козы, спина прямая, в глазах лед и некоторая задумчивость, словно все еще пытается вспомнить, не было ли, кроме Крижины, еще там кого-нибудь, не

утаил ли МакОгон каких-либо мужских тайн при отбытии на родину...

А могучий рыцарь уже с грозным грохотом, словно работали дюжие молотобойцы, сбрасывал доспехи. Куча под деревом все росла, наконец Томас стянул через голову и швырнул поверх груди железа пропотевшую вязаную рубашку. Запах и от рубашки, и от могучего тела пошел победный, густой, вязкий. Из всех щелей в толстой коре ствола в три обхвата в панике высунулись сяжки, судорожно задергались, затем из дерева полезли жуки, сороконожки, пауки, заматались, сбиваясь сослепу, помчались в разные стороны, натываясь на кочки.

Олег сдвинул плечами, сел рядом с подветренной стороны. Гордый ясень, князь среди деревьев, по-рыцарски красиво и независимо раскинул в десяти шагах от них зеленые ветви над ручейком, что выбегает у него между корней. Крона так широка, что в густой тени поместится полк крестоносцев вместе с конями.

– Ты ее зовешь милосердной? – усомнился он. – Вот так в минуту раздражения, пусть даже устала до попов в глазах, проклясть все ясени на свете?

Томас возразил:

– Но в колыбельке был сам Иисус!

– Ну и что? – спросил Олег. – Подумаешь. На нем что, уже тогда было написано, какую лавину он сдвинет?

Томас начал злиться, Яра сказала мягко:

– Олег, дело не в том, кем станет ее ребенок. Для матери – он самое ценное. Она за ребенка готова... не знаю просто на что! Она еще и осину прокляла тут же, ты же знаешь? Потому что, когда ребенок насосался, как паук, и заснул, все деревья замерли, чтобы не будить, а та дура продолжала трепетать листьями.

– Выходит, эта милосердная сыпала проклятиями направо и налево, как пьяный матрос?... Ничего себе, заступница! Тот она мне сразу понравилась.

Томас вскипел, Яра поспешно опустила тонкие пальцы на его руку.

– погоди, Томас... Олег, ты не прав. Ты путаешь милосердие со справедливостью! А еще волхв. При чем тут справедливость? Да за своего ребенка мать готова кого угодно... голыми руками. Это для тебя безотцовщина, байстрюк, а для нее – самое дорогое на свете! Вот и прокляла сгоряча... Я бы на ее месте не только прокляла, но и переломила бы эту осину к чертям собачьим. Ишь, расшелестелась, зараза, когда ребенок спит...

Оба поглядывали на темного, как грозовая туча, Томаса. Глаза рыцаря сошлись в точку, губы двигались, а пальцы сжимали незримую рукоять меча. Он уже рубился, повергал, мстил, уничтожал, размазывал врагов по стенам, а тех, кто падал на колени и униженно просил прощения, прощал и убивал уже без вражды, с христианским милосердием в сердце.

– Пусть перекипит, – сказала Яра тихо. – Мне это знакомо... Я когда-то отказалась от княжества, что побольше этих крохотных королевств, перекипела, а для него это внове...

Она поглядывала на Томаса с любовью и тревогой, Лилит вздыхала сочувствующе, Олег деловито поджаривал мясо на углях, подкладывая сухие хворостины. Лилит выбрала самый прожаренный, завернула в тонкую хлебную лепешку и заботливо протянула Олегу.

– Ешь, а то худой какой-то.

– Мне так положено, – буркнул он.

– Как христианскому аскету?

Он отмахнулся, равнодушно откусывая мясную лепешку.

– Аскетизм придумали не христиане.

Она смотрела в его лицо с ласковой насмешкой и с удивлением.

– Мне Яра рассказала о ваших приключениях.

Олег отмахнулся.

– Больше слушай.

– А что не так?

– Женщины все преувеличивают.

– Ну, если по мелочам. Но в аду были?

Олег хмуро кивнул.

– Были. Ну и что? Я там много раз бывал. Когда по делу, когда... просто мимо шел.

– Я тоже не люблю там бывать, – призналась она и поежилась. – Даже в тех, старых... А новый, который христи-

анский, так вообще жуть. Но вы прошли весь, подрались с самим Сатаной, а потом поднялись на небеса и устроили там бойню...

Он покачал головой.

– Все брехня. Одному разве что в лоб дал, чтобы перья посыпались... Или двум, кто такие мелочи помнит? Наверное, перо понадобилось. Написать что-то умное или еще для чего.

– Для чего? – спросила она с интересом.

– Не помню, – огрызнулся он. – У меня хорошая память: нужное помнит, а всякую хрень – нет. Мы же не для драк спускались в ад? Это мальчишки да рыцари только и грезят, как бы подраться, а я человек сурьезный. Я драк не люблю.

Она сказала торопливо, старательно пряча усмешку, сурьезный человек не поймет, вдруг да обидится:

– Понимаю-понимаю. Ты всегда, по слухам, избегал любых драк... хотя, по тем же слухам, из них не вылезашь. Я сама не про схватки. Не люблю, когда мужчины дерутся. Должна бы привыкнуть, а все не привыкну. Ты как-то обмолвился, что давно подозревал...

Она запнулась, пугливо оглянулась на безупречного христианина, все еще темного, как грозовая туча, что набрала грома и молний, но выплеснуть не на кого. Он сидел, прислонившись к стволу граба, налитые кровью глаза метали багровые молнии, а пальцы безотчетно загребали траву.

Олег усмехнулся.

– Не обращай внимания. Ему некоторые вещи, как горохом о стену. Хоть говори, хоть показывай, хоть кол на голове теши... Христианин!

Она сказала еще тише:

– Ты говорил, что давно подозревал, что...

Она говорила все тише и все с большим трудом, словно и ей непросто выговорить такую крамолу. Олег вздохнул.

– О том, – спросил он, – что Творец и Сатана – один и тот же? Вернее, что и Творец, и Сатана – двое в одном? Вернее, в двух один?

Она торопливо кивнула.

– Да!

– Видишь ли, – проговорил он медленно, – всем известно, что Сатана свободно восходит на небеса, чтобы обвинять человека перед Богом. Но хотя все это знают, но никто такого не видел. Почему?

– Не знаю, – ответила она растерянно.

– Потому, – сказал он все так же медленно и терпеливо, – что Сатане вовсе не требуется раскалывать землю, чтобы вылезти из подземного ада, а потом с громом и молниями возноситься на небеса. Сатана – это он сам... когда в плохом настроении. Извини, это неудачная попытка пошутить, у меня с юмором проблемы. Сатана – это та часть Творца, что постоянно недовольна его работой, его идеями. Та часть, что тянет вниз... Увы, даже у Творца бывает такое.

Она сказала тихо:

– Я знаю. Но... как узнал ты?

Он хмыкнул.

– Разве мы не по образу и подобию?

Она прошептала:

– Бедный... И в то же время, хоть ты из праха, а я из божественного света, но я тебе завидую. Каким-то образом ты к нему ближе. И понимаешь его лучше. Может быть, даже знаешь, зачем он создал это все... и нас тоже?

– Догадываюсь, – проворчал Олег.

Глава 4

В сторонке послышался глухой удар: Томас, не удержав гнева, обрушил кулак на землю. Лицо исказилось свирепой гримасой, явно истребляет врагов сотнями, повергает их с коней, топчет копытами, протыкает копьем, бьет мечом, а бегущих гонит и бьет без всякой жалости.

Олег покосился на рыцаря со странной нежностью во взоре, отложил очередную лепешку, что заботливо вложила ему в ладонь Лилит.

– А что лучше, – обронил он с непривычной для него мягкостью, – быть одним из великого множества королей в Британии, которых, как лягушек в болоте, или же попытаться стать человеком, который в самом деле что-то сделает для Англии? Да и не только для Англии?

Томас спросил в бешенстве:

– Что? Что можно сделать для Британии, не будучи королем?

– Не знаю, – ответил Олег. – Ты уж слишком так в лоб. Как будто я щас тебе все на тарелочке. Знаю, что можно. А вот как...

Рыцарь отмахнулся в великом раздражении.

– Знаешь, не зли. О том, что пользу церкви можно принести, не будучи королем, знает каждый. Ты укажи как либо помалкивай.

– Уже молчу, – ответил Олег кротко.

Он поднялся на ноги, кивнул внимательно слушавшей их разговор Лилит.

– Отдыхай, – велел он. – А я пока посмотрю, что там впереди. И что возле замка.

Она покачала головой.

– Нет уж, я так давно тебя искала, теперь не оставлю ни на минуту. Посмотрим вместе.

Олег возразить не успел, насторожился. Земля слегка вздрагивала, будто от лесного пожара мчится стадо лосей. Рука волхва потянулась к посоху мага, который чаще служит боевой палицей. Томас поискал глазами разбросанные доспехи.

Судя по конскому топоту, за рощей мчится в галопе на боевых конях с десятков тяжеловооруженных рыцарей.

В их сторону.

Олег прислушивался к конскому топоту внимательно, словно и по стуку копыт читает, как в открытой книге, лицо сосредоточенное, зеленые глаза потемнели, словно изумрудные камни, на которые пала тень грозовой тучи. Томас подтащил меч в ножнах, доспехи надеть явно не успевает. Яра отступила в сторону, в ее руках появился лук. Лилит с интересом посматривала на мужчин, Олег перехватил ее взгляд и покачал головой, в глазах укоризна, Лилит вздохнула и развела руками.

Первые всадники выметнулись на полном галопе, за ними еще и еще люди в железе с мечами в ножнах и щитами за спинами, которые так легко перехватить в руку. Проскочив слегка мимо, развернули коней и направили их в сторону отдыхающих под благословенным деревом. Томас сказал с облегчением:

– Это же Конрад!

– Кто он? – потребовала Яра.

– Я его поставил вместо МакОгона.

Яра не опустила лук, в глазах все то же подозрение. Олег одобряюще хмыкнул, в этом мире многое меняется при одном слухе, что кто-то исчез, а кто-то возвысился. И далеко не все спешат, как велит Христос, поддержать опального.

Всадники налетели с грохотом, окружили, передний торпливо соскочил на землю, преклонил колено.

– Сэр Томас!.. мы за вас беспокоились. Эх, да что там беспокоились!.. Понятно же, что мы все думали и переживали,

когда вы отправились в такое... такое...

Томас не дал договорить, поднял, прижал к груди.

– Спасибо, дорогой Конрад. Спасибо. Как вы догадались, что мы едем... да еще этой дорогой?

Конрад взглянул на Олега, на лице борьба чувств, сказал с неохотой:

– Ваш дядя, благородный сэр Эдвин, каким-то образом увидел.

Томас тоже покосился на Олега, в глазах замешательство, то ли поблагодарить, что научил родню такому важному в защите замка свойству, то ли вознегодовать, что проложил для его родни дорогу в ад на вечные муки.

– Э-э, спасибо, Конрад. Но, как видишь, у нас все благополучно.

Конрад спросил с беспокойством:

– А почему остановились? Ваши кони не настолько устали, чтобы не донести до замка... Что за кони, что за кони! На них хоть в преисподнюю...

– А мы откуда? – буркнул Томас и махнул рукой. – Просто мой друг, вы его уже знаете, любит размышлять именно под деревом. Вот и остановились, чтобы помыслил.

Конрад оглянулся, на суровом лице воина отразилась несвойственная людям в доспехах глубокая задумчивость.

– Тогда ему лучше отсечь под ясень?

Томас ехидно оскалил зубы.

– Я предлагал. Но ему все равно. Этот бесчувственный

гад не против Христа или Пречистой Девы, он... хуже того – к нашим святыням... равнодушен! Что может быть отвратительнее? Ладно, дорогой Конрад, спасибо за спешку, мы слышали, как вы гнали коней. Возвращаемся в замок!

Один из рыцарей спрыгнул и бросился к подаркам Аттилы, желая почтительно подвести коня сюзерену, но жеребец так взглянул на него огненным глазом, что неустрашимый рыцарь заробел и остановился. Томас, деликатно не замечая смятения рыцаря, церемонно подвел коня к Яре, хоть и не королева, но все равно благородная дама, она красиво поднялась в седло, а когда разобрала поводья, Томас вскочил в седло своего коня.

Олег уже в седле, спину жжет жар соблазнительного тела Лилит, она прижалась всем телом, с любопытством рассматривает закованных, как в стальную скорлупу, мужчин. Конрад выслал вперед двух на самых быстрых конях, те умчались, весело вскрикивая и настигая без всякой нужды.

Олег с тревогой посматривал на багровое от гнева лицо Томаса. Желваки вздуты, челюсти время от времени лязгают, как падающая железная решетка ворот замка, а дыхание все чаще и яростнее. Он все еще там, разговаривает с бароном Огденом, выслушивает оскорбительный отказ утвердить его королем и, как всегда, запоздало находит самые лучшие и достойные ответы.

Обе встревоженные женщины тоже не знают, как быть в

такой ситуации, когда после самой величайшей из побед герою, прошедшему ад и рай, здесь, на грешной земле, плюют в лицо и заявляют, что он недостоин королевского трона, на который сами только что усадили!

Вдруг он ощутил, что уже не слышит свирепого дыхания рыцаря. Повернулся, Томас уже спокоен и безмятежен, щеки нормального цвета, ветерок легонько перебирает белокурые волосы, взгляд ясен и чист, в седле чуть покачивается в такт конскому шагу, а только что сидел, словно весь из железа, изготовившись к таранному удару.

– Томас, – сказал Олег озадаченно, – Томас... ты как, здоров?

– Уже да, – ответил Томас ясным голосом.

– Э-э, – промямлил Олег, – а до этого...

– Искушение, – ответил Томас коротко.

– Искушение?

Томас кивнул.

– Но я его одолел.

Олег поерзал в седле, не зная, как поделикатнее коснуться опасной темы, вдруг да рыцарь снова придет в ярость, спросил осторожно:

– Искушение властью?

Томас ответил легким голосом, в синих глазах отражалось безоблачное небо, такое же синее и чистое:

– Наверное. Просто вспомнил слова нашего полкового прелата, что неприятности, особенно большие неприятно-

сти, – это знак уважения со стороны Господа Бога.

Олег посмотрел на него внимательно, всерьез ли рыцарь несет такую ахинею, спросил все так же осторожно:

– А какое же тогда неуважение?

– Удача, – ответил Томас ясным голосом. – Когда на голову сваливается счастье, когда случайно находишь клад, когда вдруг все в жизни получается... это и есть неуважение со стороны Господа Бога. Такие люди не заслуживают Его внимания, Его заботы. Ведь каждый несет крест по своим силам, не знал? Слабый несет крест из прутьев, совсем ничемный вообще глазееет в стороне, и только избранных Господь испытывает, посылая им беды, суровые испытания, им вручает нести самый тяжелый крест...

Он умолк и дальше ехал, глядя вдаль чистым просветленным взором, с покоем в душе и готовностью к этим самым новым суровым испытаниям и бедам. И вид настолько гордый, что Олег едва не напомнил язвительно про самый смертный грех – гордыню, но смолчал, здесь это в самом деле самая что ни есть добродетельная гордость со всей стойкостью и праведностью.

Женщины тоже повеселели, хотя и не поняли причины. Олег подумал, что, если им даже все подробно объяснить, вряд ли поймут. Яра из той страны, где герой, какой бы подвиг он ни совершил, тут же садится «жить-поживать да добро наживать», Лилит тоже не поймет, для этого надо быть не просто христианином – большинство из них просто так хри-

стиане, все вокруг христиане, вот и мы тоже, — лишь Томас шел в Святые Земли освобождать Гроб Господень, так что сокровенные истины христианства у него врезаны глубоко в сердце... что и выказал вот сейчас, удивив таким нестандартным и непонятным даже для большинства «простых» христиан пониманием.

— Томас, — проговорил он в задумчивости, — а ведь ты... как ни странно, прав.

Томас медленно повернул голову в его сторону, голубые глаза облили холодным презрением.

— Почему «как ни странно»?

— Мысль глубока, — признался Олег. — И объемна. Не рыцарской голове такую вместить.

Томас сказал с надменностью высокорожденного:

— Что не поместится в одной голове, уместится во многих. Нас шло освобождать Гроб Господень двадцать тысяч человек, и все сердца бились в унисон, нас окрыляла одна вера, одна страсть, одна мечта! Тебе этого не понять... язычник.

Олег кивнул, чуть отодвинул коня и даже приотстал, продолжая рассматривать молодого рыцаря во все глаза.

Родовой замок Мальтонов выступил на фоне синего неба суровый и грозный. На стены высыпал народ, в воздух взлетели шапки. Чуть позже поднялась решетка, запирающая вход, вниз с приличествующей медлительностью пошел подъемный мост.

Рыцари придержали коней, Томас и Яра поехали впереди, Олег скромно держался сзади. Рыцари поглядывали на него с нерешительностью: о его мощи наслышаны, но в то же время явно простолюдин, а место простолюдина в хвосте процессии... Разве что считать этого в звериной шкуре не простолюдином, а ученым человеком, а те, хоть и простолюдины, но уже не простолюдины, а как бы вне рангов и сословий, что значит – им дозволено входить даже в королевские покои без приличествующих благородному человеку учтивостей и церемоний.

Сэр Торвальд торопливо сбежал по ступенькам замка, Томас спрыгнул на землю и заключил отца в объятия. И снова ощутил с некоторым страхом и замешательством, что его отец, на которого привык смотреть, как на несокрушимого великана, иссох, горбится, стал меньше ростом, а его плечи легко помещаются в кольцо рук сына.

– Сынок, – проговорил сэр Торвальд, – я даже боюсь представить, где ты побывал!

Яра подошла с ясной улыбкой на спокойном лице, Торвальд обнял и ее, в глазах старого рыцаря заблестели слезы, прорвали запруды и побежали по морщинистым щекам.

– Все хорошо, – сказала Яра торопливо. – Ни один рыцарь Британии не выказал еще такой доблести, как ваш сын! О его деянии будут слагать песни. А сейчас все хорошо, все кончено.

Подошел Эдвин и тоже обнял Томаса, а Яре поцеловал

руку. Рыцари слезали с коней, на встречу отца с сыном смотрели с почтительным восторгом, двигались тихо, не переговаривались. Слуги и оруженосцы разбирали коней, наконец, сэр Торвальд обратил внимание на Олега и женщину за его спиной, вздохнул, сделал широкий жест руками.

– Дорогой... сэр калика, мой дом – твой дом. Располагайся. Прости, но я никак не ожидал увидеть тебя с... гм... дамой.

Олег буркнул:

– Спасибо, сэр Торвальд. По правде говоря, я сам не ожидал увидеть себя с, как вы говорите, «гм дамой». Но что делать, у всех свои несчастья. Позвольте себе представить леди Лилит. Она не желает называть своих титулов, но Томас подтвердит, что перед древностью ее происхождения все родословные королей – пыль, тлен, прах и сотрясение воздуха мычанием.

Сэр Торвальд поклонился со всей учтивостью, следом отвести поклонны сэр Эдвин и рыцари.

– Наш дом, – повторил сэр Торвальд торжественно, – ваш дом.

Он повел сына в замок, не выпуская его руки, когда-то совсем детской, а теперь твердой и жилистой, с желтыми от рукояти меча мозолями на ладони. За ними пошли Яра и сэр Эдвин, чуть погодя сдвинулись с места, выстраиваясь по рангу, остальные рыцари.

Олег наконец покинул седло, повернулся и подал руку Ли-

лит. Она расхохоталась:

– И ты?..

Он проворчал:

– Где живешь, те песни и поешь.

Она легко соскочила, не коснувшись его руки, зато тут же бросилась на шею, звучно поцеловала, не обращая внимания на стоящую в сторонке челядь.

– Ты прелесть, – объявила она. – Говоришь так серьезно, словно в самом деле так и поступаешь.

Он вскинул брови.

– А разве не так?

– Нет, конечно, – сказала она. – Ты вон даже одежду менять не желаешь! Ничего, мы с Яррой на этот счет уже посплетничали и кое-что придумали.

Глава 5

Замок гудел, челядь сбивалась с ног, из подвалов выкатывали бочонки со старым вином, а мясо жарили и пекли даже во дворе. Из кухни уже таскали на столы в пиршественную залу холодные закуски, головки сыра и всяческие студни, хлеб всех сортов, творог. В печах и на жаровнях торопливо готовили дичь, пойманную на охоте: оленей, диких коз, кабанов, а также всякую мелочь вроде уток и гусей.

Ликующий сэр Торвальд праздновал возвращение сына с невесткой с размахом, дядя Эдвин поддерживал с энтузиаз-

мом, все рыцари восхваляли подвиги Томаса и восторгались ими. Но Олег видел темное, как грозовая туча, лицо Томаса и понимал: рыцарь не верит, что восторгаются искренне, подозревает, что все вокруг него просто стараются утешить и как-то компенсировать вниманием и заботой потерю королевской короны.

Глупости, подумал Олег с сочувствием. Конечно же, все рады искренне. И пир не из-под палки. В этом мире, где все воюют против всех и потому не знают, что творится даже у соседей, жизнь у рыцарей довольно скучная, потому так стремятся хоть отправиться в дальние походы, хоть принять на себя обеты и уйти на поиски Святого Грааля или золоторогого оленя. А если в замок забредет бродячий менестрель – уже повод устроить пир, на котором все будут слушать о великих подвигах и любви прекрасных дам. А уж если такое великое событие, как возвращение единственного сына сэра Торвальда, благородного рыцаря Томаса, слава о подвигах которого опередила его быстрого коня, то пир должен быть просто великолепным, бесподобным, и на столах должно быть все-все самое лучшее!

В ожидании долгого и бестолкового пира Олег ушел с сэром Эдвином в их родовую библиотеку, Яру и Лилит увела мать Томаса леди Климентина, а сам он остался наедине с отцом. Помолчали, ибо слов у обоих столько, что только молчанием и выразить всю тяжесть. Отец робко поглядывал на гневное лицо сына. Вздыхал, разводил руками, но в лоб

спросить о планах не решился, закинул удочку издалека:

– А что... делает этот язычник? Почему он с тобой?

Томас задумался, развел руками.

– Знаешь, отец... я даже себе не могу ответить. Сперва, как ты знаешь, нам было просто по пути. Он тоже брел из Иерусалима, набрался там, как собака блох, всяких ложных учений. Потом я довел его до Киева, дальше собирался один...

Отец закончил:

– А потом он пошел провожать тебя?

– Да, – промямлил Томас, – что-то в этом роде. Чем-то я его заинтересовал, хотя не пойму – чем. Как воин он мне не уступит, знает неизмеримо больше. Да и вообще, только теперь, когда все сделано и я остыл от ярости, начинаю осознать, что же натворили! В ад вторглись – ладно, но ведь и в рай вломились, как два пьяных моряка... Как из ангелов перья летели, вспомнить стыдно. Правда, загородили дорогу мне, благородному рыцарю из рода Гислендов! Как такое стерпеть, когда с моего пути и бароны разбегаются, как испугнутые воробы?... Словом, если бы не Олег, я бы даже в ад не попал... в смысле, вот так, живым и с мечом в недрогнувшей руке... а с ним все прошли, от всех отбились. Сам не знаю, что он во мне увидел такое!

Он снова сбился, умолк. Отец покачал головой.

– Хорошо, это не главное. Скажи, за трон бороться будешь?

Томас отшатнулся.

– Ни за что! Мое рыцарское достоинство не позволит. Теперь даже если преподнесут ключи от казны, я спущу этих ключеносителей с лестницы.

Отец вздохнул с явным облегчением.

– Вот и хорошо. Заживем...

Томас поспешно прервал:

– Отец, отец! Я хочу сразу сказать, чтобы потом не было больно. Я не останусь. Я всегда был непоседой и хотя по возвращении из крестового похода всерьез собирался осесть, жениться на Крижине и заниматься хозяйством, но, как видишь, не судьба. Сейчас я заехал только попрощаться и сказать, что еду в королевство Эссекс.

Отец смотрел в полном недоумении, потом, спохватившись, кивнул, голос был невеселым:

– Эссекс?

– Да, – ответил Томас. – По слухам, там очень беспокойно и со стороны мятежных баронов, и от морских разбойников, что опустошают побережье, и вообще там много беззакония и несправедливости. А я как рыцарь Храма не могу допустить, чтобы где-то творились несправедливости, притесняли вдов и сирот. Господь вручил нам, крестоносцам, острый меч и посадил на коней, дабы мы несли в мир Его законы любви и справедливости.

Отец сказал безнадежным голосом:

– Томас, Томас... Опомнись. Что ты сможешь один?

Томас сказал раздраженно:

– Не знаю. Но здесь я точно ничего не смогу.

Громко хлопнула дверь, в комнату вошел высокий человек в подпоясанном сюрко темно-красного цвета из дорогого экарлата. Глубокий вырез на груди открывает выпуклые мышцы. Против обычая под сюрко не оказалось ни котты, ни пелюсона, что в свою очередь надеваются поверх рубашки или сорочки. На поясе широкий нож с резной рукоятью из рога неведомого зверя. Полы сюрко непристойно укорочены, для верховой езды предусмотрены разрезы спереди и сзади, а полы по обычаю заправляют за пояс. Разрез на груди, который рыцари обычно завязывают цветными шнурками, а короли скрепляют дорогими фибулами, открывает могучую грудь, заросшую рыжими волосами.

Томас ахнул, челюсть отвисла, глаза вылезли из орбит, как у речного рака.

– Олег... тебя не узнать!

Олег с неудовольствием отмахнулся.

– Да это все Лилит с ее бабьей дуростью. Как будто я не тот же в другой одежде.

– Но как ты...

– А что делать, – буркнул Олег. – Пристала, как... не знаю что.

– Ну Лилит... – выдохнул Томас. – Настоящая женщина! Сумела...

– Да ерунда, – сказал Олег. – Я тот же.

Сэр Торвальд покачал головой, не соглашаясь, а Томас возразил горячо:

– Она права! Человек меняется, сменив одежду... Господи, да тебя можно принять за рыцаря! Даже за весьма знатного.

– Благодарю, – ответил Олег сухо. Усмехнулся коротко: – Впрочем, как меня только не обзывали... Ну, что надумал?

Сэр Торвальд кашлянул, сказал просительно:

– Увы, меня ждут в библиотеке. Вынужден вас оставить. Вы тут не подеритесь...

– В библиотеке, – повторил Олег, провожая сэра Торвальда взглядом. – Уже и сюда добралось это благородное понятие! И как звучит «ждут в библиотеке»... Не то что в гареме или в трактире... А ты чего такой нахохленный? Как будто тоже ждешь.

– Чего? – спросил Томас настороженно.

– Удара между ушей, – любезно объяснил Олег.

– Ты ж пришел, – огрызнулся Томас. – Как не ждать неприятностей?

– Правильно, – одобрил Олег. – Рыцарь должен быть на чеку всегда. И всегда давать сдачи. Даже заранее.

– Сейчас позовут на ужин, – сообщил Томас.

– Догадываюсь, – кивнул Олег. – В этих землях насчет ужина строго. И всегда так было, что дивно. Климат такой, что ли? Или от сырости? И бритты никогда не забывали про

ужин, и кельты, и зекхи, и тероксы... для всех это был такой ритуал, как разговор с их богами. А теперь и вы...

Томас спросил с подозрением:

– Что за зекхи? Впервые слышу. Никаких зекхов здесь не было.

– Были, – ответил Олег будничным тоном. – Еще до пикетов. А потом с материка сюда переплыли и захватили здесь все бритты, а страну называли Британией... потом опять же с материка прибыли римские меднолобые и всех нагнули... затем высадились англы и саксы, побили всех, захватили острова, так что правильнее ее называть, как я уже говорил, Англией. Затем на эти берега высадился норманнский герцог Вильгельм Завоеватель...

Томас слушал с нетерпением.

– Святой калика, – сказал он язвительно, – ты с каждым днем все зануднее! Это значит, совсем святым стал?.. Говори просто. И сразу. Пока подбираешься к концу, я уже забыл, с чего начал и к чему ведешь.

Олег сказал спокойно:

– Это значит, что все эти народы что-то да привнесли в то месиво, которое на этих островах сейчас. Потому у вас и религия такая... деловая. Ты же вон не бросаешься на Лилит, как не знаю... на что, как тебе велит религия?

Томас сказал с негодованием:

– Сэр калика, как можно!.. Лилит – дама!.. К тому же очень красивая, а это вдвойне дама. И манеры у нее...

– ...свободные, – вставил Олег язвительно.

Томас отпарировал:

– Королевские!.. Короли могут себе больше позволить, чем простолюдины. Нет, если Лилит и демон, на что ты всячески и недостойно намекиваешь, то это наш демон.

Олег, очень довольный, кивнул.

– Ага, сам сказал, к чему я тебя, как Диоген... или не Диоген, не помню, подталкивал. Из-за того, что здесь смешались все народы, у вас прямо в крови такое отношение к тем, кто непохож или не совсем свой. А вот в тех землях, где я гонял, помню, обров, всякий чужак – враг. Другое мышление или другое восприятие?

Он впал в глубокую задумчивость. Томас скривился, будто хлебнул уксуса, махнул рукой и поднялся, чтобы уйти, но на весь замок громко и торжественно прогудел гонг, старинный, медный, отобранный из десятков других за звучный красивый голос. Олег поднялся, Томас снова невольно залюбовался его статной фигурой, совсем не отшельнической.

– Пойдем, – сказал он. – Пир... это пир.

– Да, – согласился Олег. – Уже не просто обжираловка, а ритуал. А это совсем другой статус.

На входе в зал их встречали ревом труб и даже стуком сарацинских барабанов, что после крестового похода были ввезены, как диковинка, с Востока. Олег поморщился, барабаны вроде бы некстати, как будто гости за столом будут вы-

полнять смертельно опасные номера: то ли сожрут не то, то ли каждый десятый кувшин вина – отравлен, надо угадать правильный.

Леди Яра и леди Лилит уже сидят за столом между сэром Торвальдом и сэром Эдвином. Томас ахнул, откровенно засмотревшись на дивную красоту Лилит, совершенную настолько, что это уже не для людей, а только для воспевания менестрелями. Ради пира она оделась почти так же, как и Яра, только если Яра предпочла рукава с завязками от локтя и до кисти, то Лилит велела пришить пуговицы.

Голубой, серый и коричневый цвета – принадлежность простолюдинов. Благородные люди избегают даже обычного желтого цвета, не отличая от золотого, потому и Яра, и Лилит выбрали котты пурпурного цвета, только у Яры ткань окрашена мареной, а у Лилит – кошенилью, что придает более чувственный и насыщенный цвет, в то время как платье Яры напоминает об утренней заре. Да и сама она, с длинными золотыми волосами и строгим взглядом холодных лиловых глаз... дивно хороша.

Томаса и Олега встретили приветственными выкриками, двое рыцарей вскочили и, отстранив слуг, сами выдвинули кресла для героев. Томас улыбался и кланялся, улыбался и кланялся, Олег буркнул тихонько что-то насчет христианского лицемерия, но Томас сделал вид, что не услышал.

Сэр Торвальд встал с кубком в руке, лицо сияющее, вскинул над головой.

– Самая большая радость для отца, – провозгласил он звучно, – когда с чистым сердцем может поднять кубок вина в честь своего сына! И вовсе не потому, что сын дожил до каких-то лет... а потому, что свершил подвиги, которые увидели и оценили!

Он протянул кубок, рыцари вставали и с металлическим звоном, как при сражении, сдвигали кубки, будто щиты. Вино плескалось на стол, пили быстро и с чувством, орошая подбородки и грудь, пятная дорогую одежду. Женщины весело щебетали, первыми тащили лакомые куски с общих блюд на свои тарелки и на тарелки соседей-мужчин, за которыми принялись матерински ухаживать, мужчины снова и снова наполняли кубки.

Олег пил и ел вместе со всеми, потом ухитрился ускользнуть так незаметно, что даже Томас не сразу заметил его отсутствие. Да и то больше по тому, что исчезла и Лилит, а исчезновение с пира такой сказочно красивой женщины, что дух захватывает, сразу же понижает его статус.

Глава 6

Олег подставил лицо свежему ночному воздуху, на террасу слабо доносятся пьяные крики, веселые вопли, снизу поднимаются тягучие удары молота по железу, вкусно пахнет кожами и свежим хлебом. Некоторое время он прислушивался к ночной жизни замка, а когда сзади послышались

шаги, он удивился, что это не Лилит, как почему-то ожидал, а кто-то из местных.

Подошел и бестрепетно смотрел снизу вверх маленький толстенький священник. К груди прижимает обеими руками толстую книгу, как щит, на лице борются страх и решимость, глаза беспомощно мигают, а рот то сжимается в твердую линию, то кривится, как у ребенка, что вот-вот заплачет.

– Ты был невесел на пиру, сын мой, – сказал он слабым голосом, – я не знаю, что тебя гнетет, но нас, служителей церкви, Господь поставил для того, чтобы мы могли помочь людям разобраться в желаниях и поступках, вместе с ними отыскать верный путь...

Олег посмотрел на толстенького священника с вялым любопытством. Эту породу знает, простые и недалекие люди, искренне верящие, что именно по воле Господа иконы творят чудеса, над монастырями в небе возникают дивные знаки, а когда грядет война или мор, то Господь по небу бросает хвостатые звезды, предупреждая, предостерегая...

– Спасибо, – ответил он вежливо. – Но есть люди, что предпочитают со своими мыслями разбираться сами.

– Это нелегкий путь, – предостерег священник. – И чаще всего неверный.

– Согласен, – ответил Олег. – Ученый человек всегда лучше подскажет неграмотному крестьянину, чем тот отыщет сам.

– Вот-вот, сын мой...

– Но только, – сказал Олег мягко, – я не такой уж и неграмотный крестьянин. Спасибо, падре, но займись лучше челядью во дворе. Я вижу там внизу и чревоугодие, и прелюбодеяние, и все остальные грехи, как совсем смертные, так и полусмертные...

Священник покачал головой, из круглых детских глаз страх постепенно уходил, язычник не так уж и страшен, взамен пришла решимость пастыря.

– Сын мой, они – христиане! Они ответят за свои грехи, если не искупят добрыми поступками. А вот ты блуждаешь во тьме неверия. Не пора ли тебе послушать о житии Христа, о его мученической смерти и чудесах, которые воспоследовали...

Олег прервал:

– Падре, куда больше чудес творили жрецы богов, которым пришла на смену вера Христа. Так что не в чудесах сила.

Священник опешил.

– Как это... не в чудесах?

– Да так, – ответил Олег с грустью в голосе.

– Но чудеса, – сказал священник горячо, – лучшее доказательство Божьего присутствия!

– А какие чудеса творили наши старые боги... – протянул Олег. – К тому же они куда более реальны!.. С ними можно говорить, с ними можно общаться, с ними можно даже подражаться. Наши боги даже живут на земле. Кто в лесу, кто в реке или озере, кто носится вместе с тучами... Даже те, кто в

небе, сходят на землю, чтобы влезть в постель к чужой жене, пока муж воюет на кордоне...

Священник кивнул, в глазах блеснула радость.

– Знаю, – сказал он обрадованно, – так был рожден славный рыцарь Геракл, отмеченный многими доблестями, но с нелегкой судьбой, за что Господь в конце концов и забрал его к себе на небо.

– Не на небо, а на Олимп, – буркнул Олег. – Был я на том Олимпе, одни драные козы траву щиплют. Я к тому, что наши боги – реальные. Жили на Олимпе, потом куда-то ушли. Кто-то сгинул, кто-то приспособился... Хотя вряд ли, слишком уж эллинские боги были... э-э... чувственные. У них цель всей жизни была в том, чтобы совокуплять друг друга, людей, коз, коров, птиц, рыб, мух... Такие никогда не приспособятся. Это Перун, который бабами или жратвой мало увлекался, а все занимался целыми племенами и народами, как-то нашел компромисс...

Священник спросил всполошенно:

– Компромисс ли?

Олег спросил с интересом:

– А как иначе?

Священник сказал с нажимом:

– А не приходило в голову, что тот древний бог в самом деле понял? И, отринув прежнюю жизнь, принял суверенитет Творца, признав, что его учение выше и чище? И сейчас следует за ним искренне, а не потому что... покорен?

– Мне он так не сказал, – буркнул Олег.

Священник покачал головой. Маленький и толстенький, сейчас он показался Олегу выше и сильнее, чем выглядел.

– Сын мой, все мы слабы духом. Мало из нас таких, кто вот так возьмет и признается, что был не прав. Гораздо проще сослаться на обстоятельства. И даже намекнуть, что вообще-то сохранил верность старым идеалам, когда-то взбунтуется.

Олег искренне удивился.

– Зачем?

Священник взглянул остро, отвел взгляд, потом сказал с прямотой:

– Из жалости. Из сочувствия. Из нежелания сказать неприятное. А такая правда не просто неприятна, она тебя ранит, вижу. Этот Перун, как ты его назвал, не сказал правду из... сочувствия.

– Лицемер? – удивился Олег. – Так вот какое оно, христианство? Раньше Перун никогда не врал!

Священник поерзал взглядом по полу, оставляя там пятна, наконец, поднял глаза на Олега, прямо и спокойно. Взгляд абсолютно уверенного в своей правоте человека.

– Сын мой, – сказал он мягко, – это щекотливый вопрос. Давай в него не углубляться. Не всегда следует говорить правду. Да, вера в Христа... на самом деле это не вера, а учение, но для непосвященных мы говорим мягче – вероучение, а для совсем простого народа – вера в Бога. Но ты-то пони-

маешь, что это строгое учение, на основе которого мы пытаемся улучшить саму природу человека. Ведь понимаешь?

Олег помедлил с ответом. Священник, с виду туповатая деревенщина, совсем не прост, если это понимает и облекает в такие простые и понятные для паствы слова. Конечно, сам до такого не додумается, но в том и сила церкви, что даже вот таких простеньких учит мыслить и говорить правильно.

– Я много видел учений, – произнес он уклончиво. Видя недоумение на лице священника, пояснил: – Я побывал в Святых Землях, где изучал многие... учения, верования, религии... Все берутся улучшить природу человека. Все улучшают природу человека. Но я пока еще не увидел решающего перевеса ни у кого...

Послышались быстрые шаги, Олег улыбнулся священнику, развел руками, мол, обращение язычника прервано на самом интересном месте. Из темноты выбежала запыхавшаяся Лилит, водопад иссиня-черных волос крупными локонами падал на плечи и на спину, пара прядей часто поднималась в такт бурно вздымающейся груди под блузкой с низким вырезом.

– Вот ты где! – воскликнула она с негодованием. – Здравствуйте, святой отец!.. Олег, ты чего от меня спрятался? Думал, не найду?

Олег развел руками, показывая священнику, что, когда появляется женщина, это вообще конец света, а не только умным речам, обнял Лилит, и так в обнимку они удалились

в темноту. Священник вздохнул, перекрестился. Показалось очень символическим, что эти двое ушли во мрак, словно во тьму безверия.

Лилит мурлыкала и прижималась к Олегу так, что ее тело словно растекалось по нему, наполняя сладким теплом и негой. Он вел ее, слегка обнявши за плечи, узкие, но поженски округлые и мягкие, пальцы инстинктивно сжались, прочувствуя горячую нежную плоть. Лилит замурлыкала и прижалась еще сильнее, он пробормотал:

– А ты точно... не суккуб?

Она хихикнула:

– Что, уже сталкивался?

Он помотал головой.

– Было такое в жарких землях, когда с Томасом вышли из Святых Земель. Но, правда, мне повезло.

– Это как?

– Все бросались на него, – пояснил он. – А мне оставалось только бить их по затылкам. Крылатым отрывал их порхалки... Не вскидывайся, я же знал, что отрастут... со временем.

Она засмеялась, вскинула голову и посмотрела ему в лицо влюбленными глазами.

– Знаешь, если бы я была совсем молоденькой, я бы тоже бросилась на шею... или не на шею именно такому вот, как твой благородный и такой милый друг.

– И что, эти суккубы молоденькие? – спросил он с сомнением.

Она вздохнула, плечи чуть поникли, а голос стал печальным:

– Нет, это все старое поколение. Новое, увы, не приходит на смену. Так что суккубы, несмотря на их бессмертие, обречены... А что не поумнели, то... ты в самом деле полагаешь, что женщина должна быть умной?

Он содрогнулся, словно внезапно попал под ледяной дождь.

– Нет, упаси от такой...

Она прищурила прекрасные лиловые глаза.

– Значит, не считаешь меня умной?

Он затряс головой.

– Нет, конечно! Зачем тебе такая глупость?

– Быть умной – глупость?

– Для женщины, – пояснил он.

– Значит, я дура?

Он вздохнул.

– Разве я сказал так? Я сказал, что зачем тебе быть умной, когда ты мудрая? Мудрость – намного выше, чем какой-то ум.

Она улыбнулась, сказала с удовольствием:

– Вывернулся. Но вывернулся изящно, это я в мужчинах ценю.

Он пробормотал:

– За галантностью – к Томасу. Он когда-нибудь лопнет от переизбытка учтивости.

Она оглянулась, засмеялась, он посмотрел в ее глаза и, как в зеркале, увидел, как Томас, не стесняя себя в выражениях, гоняет коня по двору, приучая слушаться. Лилит тоже поняла, что он прочел в глазах все, что она подумала, засмеялась счастливо такому редкостному взаимопониманию, ухватила его за шею, пригнула, поцеловала.

– Ты хоть знаешь, где наши покои? Нет?.. Так куда же бредем, наугад?

– Встретим кого-то, – пробормотал он, – спросим.

Она засмеялась.

– Подожди одну секунду!

Ее тело вспыхнуло и, превратившись в огонек, метнулось вдоль коридора и пропало вдаль. Олег замедлил шаг, но не остановился, мысли привычно пошли по глубокому руслу, на этот раз толчком послужил разговор с этим простеньким священником, который явно внимательно слушал лекции в своем богословском университете. Хотя на такого маленького и толстенького девки не больно обращали внимание, так что мог в самом деле учиться прилежно и усваивал знания, как губка.

Всякие ветви буддизма и конфуизма его не интересовали, статические вероучения, стремящиеся к постоянному равновесию, все новое отвергают. А вот ислам потрянул мир не случайно, религия молодая, сильная и очень напористая. Не

случайно была такая победная поступь, что никто и нигде не мог противиться. Всем казалось, что ислам вот-вот захватит весь мир, Европа была в панике, страны ислама торжествовали, но удар был нанесен с той стороны, откуда никто не ожидал: очень хорошо образованный иудей Эбн-Альсоди Сабай принял ислам и, став одним из лидеров, расколол мусульман на суннитов и шиитов, тем самым положив начало бесконечной междоусобной войне и навсегда остановив победную поступь ислама по всему миру.

Дошло до того, что осмелевшая Европа нанесла ответный удар в виде крестовых походов. Правда, это уже мелочи, интересующие каких-нибудь императоров или королей Европы, куда интереснее тенденции развития ислама, его сильные и слабые стороны. Прекрасный запрет пить вино и жрать свинину, большая ошибка – запрет на изображение живого.

Эту мысль надо развить глубже, напомнил он себе, и вернуться к ней не раз. Рисование – великое благо, это неустанные упражнения для мозга, куда более необходимое, чем ежедневные изнуряющие схватки воинов на тупых мечях, стрельба в цель или борьба...

Что-то выскользнуло из темноты и в мгновение ока оказалось у него на груди. Он едва успел подхватить жаркое нежное тело, налитое восточной негой и страстью, что вобрала в себя весь зной раскаленных песков. Жаркие губы одарили его смачным поцелуем.

Он отплюнулся, шлепнул по заднице, удерживая на одной

руке.

– В следующий раз – удавлю! Еще раз кинешься вот так – удавлю. Потом на себя пеняй.

Она томно промурлыкала ему на ухо:

– Но сейчас не удавил?

– Задумался, – сказал он, оправдываясь. – Не успел. Не сообразил. Даже сейчас не понимаю, как это ты успела... Я всегда замечал...

– И давливал?

– И давливал, – ответил он серьезно, – если вот так неожиданно.

– Это хорошо, – сообщила она. – Не знаю почему, но мне нравится, что давливал. И нравится, как держишь на руках. У тебя нежные руки, знаешь?

Олег тут же разжал руки, Лилит едва успела выпрямить ноги. Но глаза ее все равно смеялись, Олег чувствовал, что в этой игре ведет она, а он уступает и уступает, еще даже не зная, в чем уступает, но все-таки уступает.

– Пойдем, – шепнула она. – Все уже спят.

Темные залы переходили один в другой холодные и сырые, под сводами слышался шорох летучих мышей, пронзительные сквозняки гуляют во всех направлениях. Лилит шла уверенно, это Олег сразу же уединился с сэром Эдвином, она такой ерундой не занималась, и сейчас, когда переступили порог небольшой уютной комнаты, она с ожиданием посмотрела на Олега.

Кроме широкого роскошного ложа, куда уж без него, есть и широкий стол, два удобных кресла, кожаный диван, все стены увешаны красочными гобеленами. У ложа на полу огромная медвежья шкура. На столе массивная чернильница и несколько гусиных перьев в высоком металлическом стакане.

– Уютно, – признался он. – Именно то, что... требуется.

Лилит довольно заулыбалась. Остатки одежды соскользнули с нее как бы сами по себе, Олег едва не зажмурился от непривычного сочетания девственной чистоты и невинности и безукоризненности плоти, созданной именно для утех, для страсти. Лилит стояла перед ним в свободной позе, не стараясь ни втянуть живот, ни поднять груди, все и так абсолютно совершенно, в глазах пляшут веселые смешинки, знает власть своего зовущего тела, перед которым устоять невозможно ни одному мужчине.

– А ты ничего, – заметил, наконец, Олег. – Ладная. И сиськи хороши, ничего не скажешь...

Он зевнул, с отвращением стянул через голову и бросил на спинку кресла роскошное сюрко. Так же с неудовольствием разулся, башмаки теперь на нем добротные выделанные и с вышивкой, снял брюки и отправил вслед за сюрко. Снова зевнул, почесался, рухнул на ложе, а уже оттуда посмотрел на обнаженную женщину.

– Слушай, если не храпишь, то можешь лечь со мной. Бить не буду.

– Уверен? – спросила она с сомнением.

Он зевнул.

– Может быть. Разве что не с той руки зайдешь...

Она легким танцующим шагом приблизилась к ложу, в глазах насмешка сменилась недоумением. Олег встретил ее взгляд широкой улыбкой.

– Только уговор, – предупредил он, – одеяло не стягивать. И не лягаться.

Она села, подождала, но его руки не стали хватать ее и мять жадно, тогда она осторожно легла рядом, стараясь не коснуться, снова выждала чуть, повернула голову. Он ответил бесстыдной ухмылкой.

– Ну что, – произнес он сонным голосом, Лилит не могла ощутить, насколько это натурально, – будем спать?

– Что? – спросила она, не веря своим ушам.

– Ты же сама сказала, что уже поздно, – напомнил он, – куры спят, собаки спят. Даже тараканы спят.

Она повернулась к нему всем телом, ударила кулаком по груди, он не успел вспикнуть, как она оседлала и сказала с возмущением:

– Спать? Так я тебе и дам спать!

Их глаза встретились, она рассмотрела в зеленой глубине затаенный смех и ощутила, что впервые ее обыграли. Странно, осознание этого наполнило ее счастьем и непонятным покоем.

Глава 7

Дыхание постепенно выравнивалось, она с трудом расцепила руки и упала с ним рядом на увлажненные простыни. Широкая грудь с рыжими волосами блестит от пота, волосы прилипли, как будто их вдавили в клей. Могучая рука оказалась под ее щекой, там быстрыми толчками двигается кипящая кровь, тяжелая, как расплавленный свинец, рядом бурно вздымается, с треском раздвигая ребра и натягивая кожу, грудь, а живот запал так, словно отшельник проворонил не только ужин, но и весь день просидел в келье за умными книгами.

— Ты дикарь, — прошептала она, — ненасытен, как... даже не знаю, кто. Но я люблю тебя, рыжее чудовище.

— Это ты чудовище, — ответил он все еще хриплым голосом. — Я перед тобой просто зайчик.

— Ну да, зайчика...

— Вот-вот, серенький такой.

— А можно, беленький?

— Можно, — согласился он. — Беленький зайчик. А ты — тигра лютая.

Она повернулась на бок, пощекотала ресницами ему руку. Хорошо так лежать спокойно и бездумно, но мужчин в это время обычно охватывает жажда деятельности, им кажется нелепым вот так лежать и ничего не делать, теперь бы на ко-

ня и меч в руку, Лилит вздохнула тихонько, чтобы рыжее чудовище не заметило, спросила с наигранным интересом:

– Ты можешь мне сказать, чем вызван твой интерес к этому милому рыцарю? И его родне?

Он подумал, буркнул:

– Ну и вопросы ты задаешь...

– Чем они плохи?

– Тем и плохи, – ответил он с неудовольствием, – что ты, хоть и красивая, но не дура.

Она улыбнулась, польщенная.

– Значит, угадала?

– В какой-то мере.

– В какой?

Он проворчал:

– Ты угадала, они мне в самом деле весьма... интересны.

– Как люди?

Он снова вздохнул.

– Лучше бы ты была только красивая.

– Я и есть только красивая, – возразила она. – Ума у меня нет, правда. Это другое, интуиция. Я же вижу, что ты к ним присматриваешься. Куда больше, чем просто к попутчикам.

Он слегка напряг бицепс, ее голова поднялась так, что лежать стало неудобно, однако терпела, и Олег расслабил мышцы. Лилит устроилась поудобнее, забросила на него ногу, голову придвинула поближе, на предплечье.

– Они больше, чем попутчики, – сказал он наконец. –

Они... новый мир. Совсем новый.

Лилит сказала осторожно:

– Ты видел сотни, если не тысячи миров. И все они отличались один от другого... совсем мало.

Он буркнул:

– Да ничем не отличались. Но этот – совсем иной цветок. Пока дикий, как терновник, но из терновника терпеливые садоводы вывели дивные прекрасные розы!.. А ты отличие этого мира еще не заметила?

Она вздохнула, снова пощекотала ресницами ему руку, с удовольствием замечая, что он ощутил, оценил.

– К сожалению, мой дорогой рыжий зверь, долгая жизнь не дает ни особых знаний, ни какого-то особого превосходства. Да ты и сам знаешь... Правда, ты сумел развить особые способности, но как быть тем, у кого их нет?.. Эти и через тысячу лет будут такими же, как и в сорок. Потому как сами люди не смогли сдвинуться с того уровня, на каком пребывали сотни тысяч лет, так их не могли сдвинуть подвижники вроде тебя... не обижайся! Я теперь понимаю, что Бог оставил мне долгую жизнь для примера. Все могут увидеть, долгая жизнь не прибавляет мудрости.

Олег сказал успокаивающе:

– Да ладно тебе! Мы знаем, он оставил тебя как лучшее из всех своих творений.

Она лукаво улыбнулась.

– А не человек ли самое лучшее?

– Человек – самое нужное, – возразил он серьезно. – Даже, возможно, необходимое. Хотя трудно предположить, что Богу что-то может понадобиться, но я не христианин, могу смотреть со стороны и говорить правду.

Она охнула.

– Олег, ну ты и наглец! Как может Богу что-то понадобиться? Да еще от... им же сотворенного из праха?

Олег проворчал недовольно:

– Откуда я знаю? Да вот чувствую... Мы ведь тоже могли бы и дальше собирать корешки в лесу, выковыривая голыми руками. Но вот придумали лопату... Возможно, для Бога мы инструмент, с помощью которого тоже хочет копать глубже.

– Ну и наглец, – повторила она потрясенно.

– Я такой, – согласился он и дерзко ухмыльнулся. – По образу и подобию.

– Значит, – повторила она, все еще не веря в услышанную наглость, – он с помощью людей хочет сделать то, что не в состоянии сделать сам?

– Ну да. Что-то в этом роде. Ладно, спи, а то уже светает. Договорились, одеяло не стягивать!

– И не лягаться, – пробормотала она послушно. – А то удавишь, помню.

Некоторое время она лежала тихо, прислушивалась к его ровному дыханию. Выждав, спросила шепотом:

– Почему не спишь?

– Не знаю, – ответил он негромко. – Недостаточно устал, мысли всякие...

– Грубый ты, – упрекнула она. – Хотя бы соврал, что тебя волнует мое присутствие... Ого, в самом деле волнует!

– Да это я так, задумался, – объяснил он неуклюже, однако Лилит уже отшвырнула одеяло и снова оказалась на нем, прижалась всем горячим чувственным телом, он ощутил, как жар перетекает в его тело, и без того раскаленное, будто вынырнул из кипящего масла. Она припала к его губам, и хотя Олег никогда не любил целоваться, какое-то глупое занятие, но сейчас ощутил странную сладость, от которой по телу побежали щекочущие мурашки.

Руки их сплелись, она охнула, закусил губу, выгнулась, мышцы напряглись в болезненно-сладкой истоме. Она чувствовала, как гаснет разум, а власть над телом берет древняя мощная сила, намного более сильная, грубая, могучая, не знающая преград.

Потом, когда дыхание у обоих шло с хрипами, а грудные клетки жадно вздымались, хватая открытыми ртами воздух, они долго лежали, медленно и неохотно возвращаясь в этот приземленный мир. За окном все еще темнота, зря Олег пугал ее близким рассветом, лишь тоскливо замыкала далеко внизу разбуженная корова, да еще донесся слабый волчий вой.

Лилит повернулась к нему, снова забросив ногу ему на живот, чуть ли не на грудь, голову пристроила на могучем

бицепсе. Прошептала тихонько потерянным голосом:

– Я уж думала, что меня ничем не удивишь. И все мужчины всегда будут намного слабее и проще меня...

Он проговорил лениво:

– А разве не так? Томас так восхвалял твое древнее происхождение, но никак не решался сказать, насколько оно древнее. Думаю, у него просто язык не поворачивался. Примерзал. А то и вся кровь замерзала, как у лягушки в декабре.

– Ну и что, – сказала она. – Сколько их было, этих мужчин, но никого я не признавала даже равным! И ни один так и не стал моим мужем.

Он хмыкнул.

– А этот, как его... Азазель?

Лилит возразила оскорбленно:

– Мужем? Нет, никогда!

– Но я как-то читал в старых хрониках...

Она фыркнула:

– Мало ли что набрежут!.. мужем у меня может быть только тот, кого я сама признаю, что он сильнее.

Он спросил с недоверием:

– И что же, за все время с начала создания мира...

Она скромно опустила веки, тень от длинных ресниц упала на бледные щеки.

– Ах, Олег, тебе в это трудно поверить? Мне – тоже. Да, за все время с начала создания света я не встретила никого сильнее. Мужчин было много, верно, но сильнее... Не забы-

вай, кто меня создал!.. А все остальные существа – это уже, как понимаешь, прах от праха...

Он взглянул остро.

– Но я тоже прах.

Помолчал, она выговорила с трудом:

– Именно это я и говорила себе все время. Повторяла и повторяла. Убеждала, что ну никак не можешь быть сильнее. Ну не может человек самостоятельно так раздуть в себе искру, что станет ярче чистого света, из которого создана я!

Он слушал, слегка кивнул, развел руками.

– Ну, я тоже так думаю.

Она возразила:

– Это не так! Ты – сумел. Не знаю как, но сумел. Первым сделал то, к чему так стремился Творец, на что он рассчитывал, создавая то, что считает шедевром. И как странно... даже причудливо, что его покорные ученики мрут, как мухи, а ты – бунтарь, не признающий Его вообще... сумел... сумел первым... Олег, ты хоть понимаешь, что ты – Первый?

Он покачал головой, зеленые глаза блеснули злостью, в голосе прозвучал нешуточный гнев:

– Не понимаю и не принимаю. Я не хочу быть ни первым, ни последним в чем-то войске, цели которого мне чужды и непонятны. Спи, а то удавлю!

Он отвернулся, выбравшись из-под ее ноги и высвободив руку, схватил скомканное ногами одеяло и укрылся до плеч. Лилит выждала, прильнула тихонько к его спине, чувство

умиротворенности и защищенности тут же разлилось по телу, она заснула сразу и очень крепко.

На другой день от сэра Торвальда, отца Томаса, Олег узнал, что во все королевства уже отправлены гонцы, и вскоре на похороны короля, который так неудачно связал свою судьбу с Тайными, начали прибывать короли соседних стран или близкие из королевской родни, а также бароны и знатные сеньоры. Первым прибыл с небольшой дружиной на быстрых конях король Фафнир, по старому обычаю кони не подкованы, хотя теперь англы сражаются обычно в тяжелых доспехах, отсутствие подков не прибавляет коням скорости, только вредит копытам. Правда, на этот раз даже король, не говоря уже о телохранителях, прибыл без доспехов, надев поверх свитера лишь легкую кольчугу.

Прибыл Азнавур, он тоже, как и Фафнир, из дальнего королевства, а последними начали въезжать в город, как водится, те, кто живет совсем рядом. Столица постепенно заполнялась богато одетыми вельможами, в гостиницах и на постоянных дворах подняли цены.

Покойный король, как он понял с удивлением, пользовался уважением среди рыцарства и симпатией у простого народа. Он был свойский король: почти никого не обижал, соседей не притеснял, воевать не любил, предпочитая проводить время в пирах и на охоте, а если его кто задевал, старался отделаться шутками. Споры решал миром, у него в королев-

стве всегда был урожай, так что нередко помогал соседям либо зерном, либо мукой, позволял рубить свой лес, где деревьев все равно не уменьшается.

Больше ни рыцарям, ни народу знать не полагалось, это только в последней смертельной схватке удалось узнать, какой ценой он все это заполучил. Но из деликатности принято было считать, что король погиб по нелепой случайности, когда ночью возвращался с охоты, а на него напали разбойники, приняв за богатого купца. Для спокойствия в королевстве короли и правители должны выглядеть чистыми и непогрешимыми.

В этой ситуации для спокойствия страны глупо и бесполезно было бы вкаты о том, как на самом деле погиб король, а для будущего короля, кем бы он ни был, присутствие Томаса будет более чем нежелательным, Томас кипел от ярости, уже в замке он дал волю гневу и горько жаловался отцу на неблагодарность и вероломство сеньоров.

Отец кротко поддакивал, уже не тот грозный воин, каким Томас привык его видеть, и лишь однажды напомнил, что вероломными были изначально, ведь если бы он не прибыл в самый последний момент, замок был бы захвачен...

Глава 8

Олег проводил время с сэром Эдвином в библиотеке. Дядя Томаса ликовал, встретив удивительно образованного и

знающего человека, так он, к великому удивлению и возмущению Томаса, называл Олега. Олег, правда, совершенно не интересовался книгами, но подолгу беседовал с дядей, выясняя его отношение к тем или иным событиям. Причем, как заметил даже Томас, Олега не интересовали битвы, сражения, набеги, лихие захваты земель и даже королевств, он с каким-то странным интересом выпрашивал дядю о его понимании роли христианства.

Томас приходил в ужас: дядя Эдвин, по его мнению, слишком вольно трактует Святое Писание, чувствуется, что слишком рано оставил ратную службу. Закон Божий – то же самое, что воинский устав, его нужно исполнять строго и неуклонно, какие бы сомнения и соблазны ни заползали в душу. Тем более что заползают не сами, это проклятый Враг Рода Человеческого следит за каждым шагом и только и думает, как бы поднасрать, в смысле соблазнить, сбить с пути истинного, отвлечь, уговорить отдохнуть, отдаться простым удовольствиям, что доступны и корове.

Лилит в замке освоилась мгновенно, рыцари и слуги сперва цепенели от ее вольностей: для нее ничего не стоило спуститься в кухню и помогатьстряпухам готовить обед, а через несколько минут она входила в кабинет сэра Торвальда, где он беседовал с рыцарями, и, сев на колени к Олегу, томно обнимала его за шею. Наряды ее всегда бывали настолько вольные, что мужчины краснели, как юные девушки.

Томас, спасая ситуацию, объяснил, что Лилит – дочь ко-

роля одной восточной страны, очень могущественной и богатой, с высоты ее положения и древности рода она почти не видит разницы между простолюдинами и знатными сеньорами. Тех и других при ее дворе всегда тысячи тысяч, потому ее надо принимать такой, какая она есть, и выказывать ей достойные ее знатности знаки внимания и уважения.

Это прояснило многое, а Лилит в самом деле настолько божественно или дьявольски хороша, здесь мнения расходились, что никто из рыцарей и не подумал бы усомниться в ее самом высоком положении. Да и статус Олега в их глазах заметно подрос, все видят, что Лилит буквально светится от счастья, когда смотрит на этого угрюмого отшельника... который на отшельника в этой одежде похож мало, а больше на владетельного сеньора, уставшего от войн и сражений.

Но близился тягостный момент расставания, Томас сказал с достоинством:

– Отец, я не могу оставаться. Всяк в королевстве знает, что меня выбрали королем, а потом вдруг не допустили до трона!.. Будут возникать щекотливые ситуации. Конечно, я готов драться с каждым, кто ухмыльнется или не так посмотрит в мою сторону, но... сэра калика говорит, что это будет выставлять меня в еще более смешном виде.

Олег скорбно кивал, соглашался, взглядом призывал согласиться и сэра Торвальда. Тот ответил прямым понимающим взглядом. Для рыцаря не страшно погибнуть в поединке, доблестно умереть за честь дамы или защищая короля,

а вот оказаться смешным – ужасно. Сэр калика знал, на что поймать доблестного Томаса.

– И еще, – сказал Олег хмуро, – если остаться, то... это никогда не кончится. Вы понимаете, о чем я.

Отец повернулся к сыну.

– И что ты надумал?

Томас кивнул в сторону молчащего Олега.

– Наш лохматый друг, который и Британию, оказывает-ся, исходил лучше, чем мы свой скотный двор, уверяет, что на этом острове... представляешь, он великую Британию называет островом, гад!.. так вот здесь великое множество королевств, и почти везде больше удобств: стратегических, тактических, торговых... Какие-то земли лучше защищены, где-то богатые залежи руд, где-то лучше земли, а где-то хоть места и пустые, но там могут возникнуть богатые и могучие центры...

Отец спросил невесело:

– Судя по твоему состоянию, ты готов отправиться немедленно?

– Отец, – сказал Томас горячо, – я покидаю не из трусости наш родовой замок! Я хочу доказать, что сильный и благородный человек и на пустом месте может создать нечто достойное!

Сэр Торвальд покосился в сторону Олега, тот равнодушно смотрел в окно, где сокол гонялся за воронами. Те каркали и прижимались к земле, рассчитывая, что храбрый дурак в

запале не рассчитает удар и разобьется о землю.

Сэр Эдвин поинтересовался:

– Маршрут уже наметили?

Томас кивнул в сторону скучающего Олега.

– Мой лохматый спутник... ну и что, если костюм сменил?.. уверяет, что уже наметил достойный и благородный путь для рыцаря с незапятнанной репутацией.

Сэр Эдвин повернул голову с вопрошающими глазами к Олегу. Тот вздохнул, вяло развел руками.

– Как вы помните, сэр Эдвин... по книгам, понятно, ваши предки англы вместе с саксами, разгромив бриттов, что уже стали местными, создали знаменитые семь королевств. Ну, Суссекс, Эссекс, Уэссекс, Иссекс... тьфу, Заксэкс, Нортумбрия, Мерсия и несчастная Восточная Англия, для которой с ходу не придумалось своего имени, а потом уже стало как-то все равно. Все семь королевств как стремились господствовать над другими, так и сейчас стремятся. Вторгшиеся с материка норманны разгромили англов и саксов, ставших на этом острове местными, но раскладку сил это не изменило...

Томас поморщился.

– Ты всегда очень сложно и длинно говоришь. Норманны тоже местные. Давно. Попроще можно?

– Мы вполне можем двинуться из Суссекса в Иссекс, – объяснил Олег.

– Эссекс, – поправил Томас раздраженно.

Сэр Торвальд и сэр Эдвин печально вздохнули.

– Да хоть Череззассекс, – отмахнулся Олег. – Главное, из Суссекса. Название какое-то поганое. Да и с королей тебя здесь погнали... Словом, двинемся в Эссекс. Неужели непонятно?

– Непонятно, – отрезал Томас.

– Что непонятно?

– А зачем именно из Суссекса в Эссекс?

– Все ваши королевства соперничают одно с другим, – объяснил Олег, – и часто вообще бьются, как бараны на мосту. Особенно – Эссекс с Суссексом, больно похожи, а близнецы всегда дерутся чаще. Думаю, тебе окажут радушный прием. Хотя бы для того, чтобы хоть на одного меднолобого ослабить проклятый Суссекс, где одни клятвопреступники, осквернители могил, хриstopродавцы и ростовщики...

Томас возмутился:

– Это где у нас такое? Зато в Иссексе... тьфу, Эссексе...

– А в Эссексе говорят, – объяснил Олег, – что в Суссексе.

Но это все неважно, брань на воротах не липнет. Главное, что в Эссексе тебя примут с распростертыми объятиями. Что в твоём пинаемом положении совсем не лишнее.

Томас надулся, что-то слишком часто калика напоминает, что поперли из королей, а в первый день страшился и намекнуть, явно что-то замышляет, на то и язычник, даром шагу не сделает, слова не скажет, пальцем не шевельнет, все пако-сти доброму христианину строит.

Сэр Торвальд тяжело вздохнул, голубые глаза, совсем как

у Томаса, только еще светлее, подозрительно заблестели.

— Мы будем ждать вестей, сынок, — сказал он проситель-но. — Как только выберешь место, где осесть, тут же пришли весточку.

Ночи теплые, вобравшие за солнечный день тепло и рас-ходующие скупое, чтобы хватило до утра. Звезды горят зага-дочно мигающие, но часто налетала целая стая светящихся бабочек, что выглядели звездным роем, носились суматошно из стороны в сторону, а между ними сновали быстрые бес-шумные тени нетопырей.

Оттуда, из ночи, иногда доносился тоскливый заунывный рев, в замке тут же шептали молитвы, хватались за натель-ные крестики, плевали через левое плечо. Иногда вой казал-ся душераздирающим, иногда — счастливым, победным.

Ночью налетела злобная туча, даже не туча, а целый мас-сив туч, одна над другой, сперва молнии сверкали между ни-ми, гулко грохотал гром, священник отважно вышел во двор и принялся отгонять крестом, дурак. Между тучами вспыхи-вал багровый огонь, разверзались бездны, Олега пронизывал страх и восторг одновременно, эти пылающие бездны выгля-дят как проход в иной мир, но жуткие раскалывающие небо удары грома напоминали, что не человеку дерзать.

Он остался на открытой площадке, дождь хлестал по го-лове косыми струями, а внизу весь двор превратился в гряз-но-желтые бурлящие потоки, понесло мусор, комья травы,

птичьи гнезда. Со всех сторон пелена дождя, исчез не только дальний лес и поля, но уже и неба не видно, только стены серого шатра со всех сторон да желтый от размокшей глины поток.

Странно остро пахло огурцами, серую мглу периодически разрывает ветвистая молния, похожая на светящиеся корни исполинского дерева, а следом раздавался треск такой ужа-сающей силы, что он глух на какое-то время.

На кончиках флюгеров и флажков на башнях скачут искры, потом рассмотрел даже не искры, а едва заметные серебряные нити, что тянутся вверх, а там размываются во мгле.

– Господи, – прошептал он в темноту, – когда же я познаю этот странный мир... Ну, когда?

Замер, поймав себя на том, что впервые обратился, пусть даже просто так, к этому новому символу, на который с великой надеждой обращены взоры как простых людей, так и серьезных мыслителей.

Олег придирчиво осмотрел, как кузнецы расчищают копыта гуннских коней и подковывают для дальней дороги, рядом в оружейной спешно ремонтируют и подгоняют части доспехов, Томас отказался от замены своих боевых, в которых прошел весь крестоносный путь, хотя на самом деле менял так часто, что уже и сам забыл, где добыл последний раз, но звучит благородно и красиво: «весь крестоносный путь»,

и он так говорил, ибо благородные люди больше обращают внимание на изысканный и благородный подбор слов, чем на грубую действительность, которую они описывают.

Отец пытался уговорить Томаса надеть самые красивые доспехи, но Томас выбрал намного менее броские, но из хорошей стали, без всяких узоров. В них рыцарь не будет привлекать особого внимания и вызывать зависти у рыцарей победнее. И пусть не трудно побить этих дураков, польстившихся на его коня и доспехи, но с них-то как раз взять нечего, а они чем-то повредить и задержать путешествие могут.

В оружейной Олег осмотрел доспехи и мечи, фыркнул и вышел на залитый солнцем двор. Из часовни почти выбежал и заспешил к нему священник, все так же прижимая к груди книгу, круглое лицо с блестящей тонзурой в бисеринках пота, дыхание частое, словно отбил сотню земных поклонов.

– Сын мой, – сказал он торопливо, задыхаясь, – фух... мы в прошлый раз не договорили...

Олег удивился:

– В самом деле?

– Ну да, – заверил его священник, – душа твоя встревожена была, в смятении, мы говорили о святом таинстве...

– Вот уж никогда не подумал, – сказал Олег озадаченно. – Или у меня память совсем ни к черту?

– Не поминай имя Врага рода людского, – воскликнул священник. – Сын мой, мы все наслышаны о той неоценимой помощи, что ты оказал сыну хозяина этих владений...

Он не сказал, как сразу заметил Олег, «нашего хозяина», священник точен даже в обыденных словах, вообще речь строит грамотно, чувствуется образованность человека, отказавшегося от мирских утех и посвятившего себя духовной жизни.

– Ну, – проворчал Олег, – это неважно. Че ты хотел?

Священник даже вздрогнул от приглушенного рыка, но не отступил, свободная от книги рука описала широкий полукруг в сторону часовни.

– Не хочешь ли, сын мой, зайти в эту святую обитель, где незримо присутствует Святой Дух... и послушать о таинстве крещения? Мне кажется странным, что ты все еще язычник. Это, мягко говоря, удивительно в уже полностью христианском мире...

Олег проворчал:

– Ну хоть не сразу на костер. И то спасибо.

– Ни один язычник не был сожжен на костре, – живо возразил священник. – Эта мера применялась только к своим отступившим братьям, что отринули веру Христа и предали душу дьяволу. И активно вредили добрым христианам. И не отреклись от заблуждений.

Олег отмахнулся.

– Да это я так. Вам эти костры еще припомнят. Скажут, что все лучшее жгли, а говно оставляли. Народ у нас такой, позлорадствуют! Знаешь, дружище, прости, но твои разговоры и нравоучения мне... неинтересны. Лучше пойду служан-

ку какую напоследок завалю на сено. Тоже ничего нового, но почему-то интереснее... Как думаешь, почему? Ах, черт, у меня же теперь такая подруга, что хрен кого завалишь...

Священник торопливо перекрестился и перекрестил Олега.

– Не призывай Врага рода людского, – повторил он с укором. – Плотские утехи просты, потому к ним и тянет простой народ... а в глазах Господа мы все простые. Но ты же видишь, что все страны приняли учение Христа? И всякий молится?

– Я, – ответил Олег, – не всякий, святой отец. К тому же ваш Гисленд – еще не все страны. Одно тебе могу сказать, патер, оставь свои попытки спасти, как ты считаешь в своей наивности, мою грешную душу. Сегодня-завтра уедем, а ты постарайся забыть про упорствующего грешника, чтобы не смущать сомнениями собственную душу, ибо человек ты хороший, совестливый и, как вижу, старающийся понять, почему и как.

Он похлопал ошарашенного священника по плечу, едва не пришибив незримо сидящего там крохотного ангела-хранителя, подмигнул и удалился тяжелой крестьянской походкой, хотя не крестьянин, не воин, не священнослужитель, не торговец, а что-то странное, объемное, всеохватное...

Священник торопливо прочел первые слова воскресной молитвы, ощущение огромности момента медленно испарилось, однако он вернулся в часовню и на всякий случай по-

стоял на коленях, моля просветить и подсказать, как жить и поступать правильно.

Глава 9

Весь замок жил приготовлениями к отъезду сына хозяина, доблестного сэра Томаса, Олег же побродил по залам, перекинулся парой слов с челядью, наконец, выбрался на задний двор, где чьи-то заботливые руки создали настоящий цветник из клумбы: в центре роскошные пурпурные розы, а вокруг великое множество самых разных цветов.

Над головой прокричали галки, пчелы в полном безветрии сонно переползают с цветка на цветок, не утруждая себя расправить крылья, а шмель так и вовсе заснул, уцепившись всеми шестью лапами в мохнатый цветок, такой же желтый, полосатый и пушистый.

Олег в задумчивости смотрел на пляшущих по цветкам крохотных человечков с крылышками. В народе утверждают, что, когда прогремела величайшая из битв, Господь провел генеральную чистку рядов своего воинства, низринув с небес Люцифера и его команду. Те, понятно, пробили земную твердь и попали туда, где сейчас и находятся. Но еще больше было тех ангелов, которые не приняли участие в великой борьбе, а продолжали наслаждаться жизнью на земле. Творец брезгливо велел им отныне навеки оставаться там, где они находятся. Так появились феи озер, ручьев, рек и

морей, лесов и рощ, даже отдельных деревьев, а также феи гор, воздуха и прочего-прочего.

Вспыхнул короткий свет, Лилит возникла возле клумбы с самым невинным видом, в платье с низким вырезом и подолом... Впрочем, когда она села возле цветов, подол задрался намного выше колен. Олег вздохнул, но с наслаждением опустил голову на горячие колени, а ее нежные пальцы перебирали ему волосы, чесали, ковырялись в ушах, он довольно похрюкивал, поворачивался. Попеременно подставляя уши и остро жалея, что их у него всего два.

Томас не сразу отыскал Олега, а когда увидел в такой позе, замедлил шаг и пугливо огляделся: не лучше ли отступить незаметно, однако калика уже заметил и приглашающе помахал рукой. Томас приблизился, старательно отводя взгляд от голых коленей Лилит. Только сейчас увидел, что калика рассматривает с таким вниманием, не понял причины интереса, вроде бы не совсем уж и дурак, а засмотрелся на этих абсолютно неинтересных существ, кузнечики и то смешнее.

Олег перехватил взгляд, сказал задумчиво:

– Мне кажется, Творец этих вот презирует гораздо больше, чем тех, с кем воевал, как думаешь? Тех не презирует, а уважает, как противников, у которых есть убеждения, доводы, принципы. А эти так... простолюдины.

Томас переспросил с недоумением:

– Простолюдины?

– Ну да, они слишком просты. Живут, как мотыльки, сре-

ди которых порхают. Для Творца они просто неинтересны. Они не противники, как для тебя не противники всякие там дятлы или выхухоли...

Томас покосился на Лилит, она ехидно улыбается, спросил с подозрением:

– Это что за выхухоли?

– Да так, зверьки такие. Так вот, как для тебя выхухоли...

Томас прервал:

– Знаешь, лучше что-нибудь другое.

– Что? – спросил Олег с непониманием.

– Ну, не знаю... Пусть еще одни дятлы.

Олег отмахнулся.

– Да ладно, чем тебе выхухоль не нравится? Хороший зверь...

– Сам ты выхухоль, – обиделся Томас. – И дятел!

Олег осторожно уточнил:

– А дятел при чем?

– При том, – ответил Томас злорадно. Он убрал пальцы с пояса, гордо отвернулся. – Дятел, дятел!

Олег проводил его удаляющуюся спину остановившимся взглядом. На лице оставалось мучительное недоумение. Лилит откровенно хихикнула.

– Ты что-то понимаешь? – спросил Олег с надеждой.

– Нет, – ответила Лилит с нежностью, ее пальцы ласково перебирали ему волосы, распутывали пряди. – Нет, конечно. Ох, Олег, не все нужно понимать.

Она почти видела, как на Олеге моментально выросла толстая бронированная шкура, отросли рога. Не меняя позы, он незримо встал в боевую стойку быка, перед которым помахали красной тряпкой.

– Как это не все?

– А так, – ответила она хладнокровно. – Что-то нужно чувствовать. Во что-то нужно верить.

Он моментально сдулся, как винный бурдюк, из которого широкой струей вылилось вино, на лице крайнее отвращение, отмахнулся с таким разочарованием, что Лилит расхохоталась.

– Что не так? – буркнул он.

Она наклонилась и поцеловала его в нос.

– Олег, я не враг. Я ни в чем не стараюсь тебя убедить или переубедить. Я – на твоей стороне. Просто говорю о том, что... есть. Ты же знаешь, что целые империи, которые строили свое могущество на знании, рассыпались без следа. Как и те, которые рассчитывали только на военную силу.

Он поглядел в ту сторону, где скрылся Томас.

– Ты хочешь сказать...

Она помотала головой.

– Я? Ты шутишь? Я могу только чувствовать. Как собаки чувствуют приближение грозы. Вот так же чувствую в тебе непомерную мощь.

Он спросил с подозрением:

– А Томас? Мы говорили о нем.

– В нем тоже есть мощь, – призналась она. – Не такая прямая и ясная, как в тебе, но у него тоже есть нечто внутри очень... ценное. И, догадываюсь, опять же как собака, что именно это в нем и заинтересовало тебя. Ладно, молчи, молчи! Мне признаваться не надо.

Отец и дядя предложили помощь в подготовке к путешествию, Олег вежливо, на диво вежливо поблагодарил и сказал, что раз уж поедут вдвоем – Яра и Лилит останутся ждать, когда Томас обоснуется на новом месте, – то мужчинам прилично ехать налегке. Он посетил кузнеца, оружейника, еще раз проверил, как подковали коней для дальней дороги, отобрал сухого сыра, орехов, сушеного мяса, вина выбрал самые легкие, только чтобы можно было пить вместо болотной воды в дороге.

Томас в этих вопросах положился на отшельника: все же сообразил, что при всем богатом крестоносном опыте у калики опыта странствий побольше. Как на конях, так и на драконах, на дельфинах, на рыбах и вообще пусть занимается этими делами, не рыцарское дело вникать, что слуги покладут в дорогу.

Сэр Торвальд старался быть полезным в сборах, а когда сын проверял боевое снаряжение перед дорогой, зашел в его комнату грустный и довольный в одно и то же время. Кивнул Олегу, тот рассеянно наблюдал за кропотливыми приготовлениями рыцаря, уж очень много доспехов, обратился к сы-

ну с тайной гордостью в голосе:

– С тобой рвутся ехать все рыцари! Тебя любят, сынок. Отбери с собой тех, кого считаешь достойным для себя в пути.

Томас покачал головой.

– Спасибо, отец. Но мы едем вдвоем. А тебе понадобится здесь каждый человек. Мало ли что.

– Не скажи, – возразил отец. – Когда ты вернулся, многие рыцари восхотели служить под твоей рукой.

Олег усмехнулся.

– А когда возвели на трон...

Томас раздраженно покосился в его сторону, отец же сказал поспешно:

– Это ни при чем!

– Ладно, – откликнулся Олег вяло, – мне как-то все равно. Но если кто-то будет вместо нас седлать и расседлывать коней, разжигать костер в пути... почему не взять двух-трех парней?

Томас возразил с достоинством:

– Сэр калика, ты не совсем понимаешь сути рыцарства. Рыцари вовсе не затем, чтобы разжигать для тебя костер.

– Да? – спросил Олег с сомнением. – Значит, не умеют?

– Умеют, – ответил Томас с раздражением. – Они все умеют!

– Тогда бери, – разрешил Олег. – Если придется заночевать в лесу или в дороге, пригодятся.

Отец посмотрел на Олега с благодарностью.

– Твой мудрый... спутник прав, сынок. А ты сохрани себя для великих дел.

– Нет, – отрезал Томас. – Отец, ты знаешь закон отряда: любой двигается со скоростью самого медленного. Я не хочу ползти там, где мы можем промчаться! А ни у кого здесь нет таких коней. Прости, но это даже не обсуждается.

Сэр Торвальд вздохнул, развел руками.

– Видите, – сказал он, обращаясь к Олегу, – он всегда так... И в крестовый поход отправился один, хотя я уговаривал взять отряд.

Томас холодно усмехнулся.

– Вспомни, когда я вернулся, твой замок осаждали! Если бы я увел с собой хоть человека...

Олег не стал дослушивать, утреннее солнце уже ласково греет голову и плечи, быстро и умело прикрепил фляги с вином на запасного коня, еще погрузил меховой спальный мешок, котелок для приготовления ухи, а также прочие мелочи, чтобы не чувствовать неудобств, когда придется ночевать в лесу или в поле.

Томас под тяжелый панцирь надел кольчугу из булатных колец, а поверх доспехов накинул на плечи свой поношенный плащ. Шлем пока решил не надевать, пристроил сзади за седлом. Из оружия распорядился приготовить рыцарское копьё, меч Громо-бог и два кинжала.

Яра держалась с поистине королевским достоинством, ей

и Лилит предстоит ждать в замке, пока сэр Томас отыщет новое место, где будут его владения, замок и откуда продлится славный род Мальтонов. Лилит шепталась с Олегом, все видели, что язычник спокоен, а это значит, ничего особенного не произойдет, ведь могучий язычник тоже отправляется с сыном их хозяина. Олег еще беседовал с Лилит, когда конюхи вывели ему коня.

Томас сам вывел своего боевого друга о четырех копытах, оруженосцы укрыли жеребца кольчужной сетью, легкими доспехами, цветной попоной, а седло водрузили на спину особое рыцарское с высокой задней лукой, чтобы воин при таранном ударе не вылетел вверх тормашками. Томас поднялся в седло, меч у пояса, щит у седла, плащ с красным крестом красиво ниспадает с плеч. Ему подали длинное копье, челядь восторженно закричала, когда небрежно подбросил в воздух, поймал и легко потряс, словно прутиком.

Яра сняла с шеи голубой кисейный платок, лицо ее осталось спокойным и торжественным. С прямой спиной, красивая и полная чувства собственного достоинства, она подошла к Томасу, он наклонился, ее руки повязали ему платок на шею. Челядь снова ликующе заорала, захлопали в ладоши, в воздух взлетели шапки.

Томас воздел очи к синему небу, где появились первые кучерявые облачка, сказал громко и внятно:

– Клянусь не снимать этого платка, пока не завоюю новое владение, еще большее, чем Гисленд! Да будет мой обет

нерушимее британских скал, да накажет меня Пречистая Дева, если хоть на шаг отступлюсь от клятвы!

Отец и дядя смотрели встревоженно, но ни один не подал виду, что обеспокоен таким суровым и опасным обетом. Отец первым подошел и обнял сына, благословил, затем мать поцеловала и перекрестила, обнял дядя. Священник по настоячивому побуждению Томаса скрепил обет нерушимой записью.

Олег покосился на Яру, она стояла, застывшая, бледная и с решительным лицом, взгляд прям, поза истинно королевская. Сэр Торвальд обратился к ней с легким поклоном:

– Леди Яра, это в рыцарском обычае...

– Я знаю, – прервала она. – Вы что, намерены меня утешать?

Он несколько смешался:

– Я просто хочу объяснить...

– Я ценю вашу заботу, – ответила она ровным контролируемым голосом, – но я знаю благородные законы рыцарства, которыми руководствуются истинные мужчины. Мой муж отправится в Эссекс и добудет себе владения, а я дождусь, когда он придет за мной. Я нисколько не сомневаюсь, что все это он сделает.

Сэр Торвальд перевел дыхание, а сэр Эдвин за его спиной пробормотал:

– Поразительное присутствие духа... А сколько знатных дам даже королевской крови падали бы в обморок, визжа-

ли или бросались на шею своим мужьям, умоляя не оставлять их...

— Да, — ответил сэр Торвальд, он смотрел на Яру с великим уважением. — А подумать только, из какого медвежьего угла... Гм, да-да, ее княжество больше не только нашего королевства, но и всей Британии, отсюда и величие тамошних князей... Дорогая Яра, я клянусь, что вы будете окружены всем почетом, который заслуживаете, и никто и ничем не заденет вашей чести! Порукой тому мое слово, и потому даю торжественный обет...

Яра быстро прервала:

— Достаточно обетов!.. Я нисколько не сомневаюсь, что мои права здесь будут соблюдены. Позвольте мне еще раз обнять мужа...

Олег наблюдал со снисходительной усмешкой, в голове вертятся разные мысли, звучат разные голоса, спорят, все добывают истину, он уже научился следить за этим процессом несколько отстраненно, влезая только в критических случаях, когда уж совсем уйдут в сторону, а то и вовсе заспорят о бабах, на эту тему соскальзывают всегда почему-то с необыкновенной легкостью.

Он взобрался на коня спокойный и равнодушный, замок этот ему такой же, как сотни других, ничего родного, а деревья везде одинаковые. Томас вскинул руку, далеко у привратных башен заскрипел ворот, лязгнули и завизжали цепи. Тяжелая решетка из толстой закаленной стали медленно

поползла вверх, открывая дорогу из замка.

Глава 10

Олег посматривал на Томаса искоса, стараясь, чтобы тот не видел пристального взгляда, иначе сразу же спина еще прямее, взгляд тверд и решителен, суровые складки у рта, готовность ответить ударом на удар, даже если этот предполагаемый удар только предполагаемый, но все равно отвечать нужно сокрушительно. Правда, и в остальное время Томас все так же тверд и непреклонен, и только в редкие мгновения его можно увидеть таким, какой на самом деле: ребенком в теле взрослого человека, иногда восторженным, иногда растерянным и даже испуганным, но изо всех сил старающимся не выказать ни страха, ни растерянности, ни какой-то другой слабости, семь самых худших из которых вообще названы смертными грехами.

Другой мир, напомнил себе Олег. Мир, в котором человеку отказано в праве быть естественным. Мир, в котором человек должен быть таким, каким он... быть должен. И потому Томас, входя даже в пустую комнату, держится так, словно вдоль стен сидят незнакомые рыцари и смотрят на него очень внимательно. Так же точно ведет себя и женщина благородного сословия: хоть дома, хоть на прогулке держится так, будто на нее смотрит множество людей.

Мир обетов, если можно так сказать. Впрочем, почему

нет? Ведь этот рыцарский мир – мир обетов. И не только рыцарский: все сословия дают клятвы и призывают Господа в свидетели, что выполняют то-то и то-то или сделают то-то и то-то. От короля и до последнего простолюдина люди соблюдают посты в определенные дни, а что это, как не демонстрация власти духа над плотью?

Кроме частных обетов, существуют еще и общие, как, скажем, предприятие, вызванное благородным порывом освободить Гроб Господень от неверных. Тысячи и тысячи рыцарей, а также других людей, благородного и неблагородного сословия, давали обеты отправиться в Святые Земли и пролить кровь в сражениях за правое дело, первыми ворваться во вражеский лагерь или через пролом в крепостной стене, водрузить знамя на башне или на замке противника. Все соревновались в обетах, которые ничего им не принесут, как сказал бы человек предыдущего мира, только раны, увечье, а то и смерть, зато имеют целью пользу Отечества, церкви, победы Запада над Востоком.

То, что Яра, согласно рыцарским обычаям, повязала Томасу на шею свой платок, по нынешним меркам, почти ничем не обязала и не затруднила ему жизнь. Во всяком случае, на взгляд Олега, с платком на шее ничуть не обременительно, а в ряде случаев даже полезно: когда едешь по лесу, за воротник не сыплются сосновые иголки и всякий сор, всегда есть чем вытереть потный лоб, а в гостях – высморкаться.

Другое дело, что большинство рыцарей налагают на себя

куда более строгие ограничения: не смотреть левым глазом, пока не будет выполнен обет, носить на ноге цепь, стальной браслет на руке, черные ожерелья или что-то еще, причиняющее неудобства. Собственно, это все та же борьба с плотью и возвышение духа, так ярко и отчетливо проявившиеся в этой ветви развития цивилизации: аскеты демонстрируют волю и силу духа тем, что не моются по десять лет, не стригут ногти и волосы, отшельники – что живут в пещерах и питаются медом и акридами, а рыцари – что сражаются за честь, справедливость, а никак не за личную выгоду, как было в прошлых цивилизациях.

Конечно, сволочей и хапуг предостаточно и в этом мире, но они как бы вне закона, во всяком случае, здесь осуждаемы алчность, похоть, корыстолюбие и прочее, прочее, смотри семь смертных грехов и семьдесят просто неприличных для достойного человека грехов и грешков.

Томас тоже поглядывал на Олега, тот едет слишком уж погруженный в думы, а ведь столько пережито, только что расстались с такими женщинами, есть о чем почесать языки...

Он вздохнул, напомнил себе, что он – крестоносец, а не чесун языка, пустил коня рядом и, считая удачным моментом наконец-то обратить язычника в истинную веру, заговорил о таинствах, о Божьих знаках и предначертаниях, о самой сути веры Христовой.

Олег слушал невнимательно, видно, что не расстается со своими мыслями, наконец, ответил коротко:

– У Бога нет религии.

Томас поперхнулся от великого возмущения, долго кашлял, Олег дотянулся и стукнул кулаком между лопаток. У Томаса потемнело в глазах, он ткнулся лицом в конскую гриву. Когда кое-как прокашлялся, прохрипел:

– Язычник! Когда нет доводов...

– Это у христиан занял, – возразил Олег. – Это у вас, чуть что – сразу в рыло!

– У нас дискуссии!

– Да, – согласился Олег, – видывал я эти... дискуссии. Особенно между катарами и арианами. Между альбигойцами и пуригонами тоже нехилые. И все из-за того, что Богу не хватает стойкости характера. Да еще и твердых убеждений. Ему следует быть католиком, арианином или альбигойцем, да неважно кем еще, все равно, – но не стараться поспеть сразу всюду.

Томас хватал ртом воздух, как выброшенная на берег рыба. Лицо посинело от чудовищного богохульства, и в то же время не мог ответить достойно, калика уел, ткнув в очевидные разногласия между церквями, диоцезами и даже епархиями.

Он покрепче стиснул древко копья, поклявшись себе, что это не последний разговор. Христианин не может позволить, чтобы ему было хорошо, а ближний страдал во тьме неверия и невежества. Калика еще услышит от него пламенные слова о Творце, которые прольют свет в его мохнатую душу!

Олег про себя посмеивался, краем глаза наблюдал за исполненным благородного негодования рыцарем. Сколько помнит этого кривляку, всегда держит спину прямой, нижнюю челюсть выдвинутой, а взор снисходительно любезным. Никогда не позволяет другим увидеть себя таким, какой он на самом деле...

Мелькнула ироничная мысль, а какой этот рыцарь на самом деле? Может быть, какая-нибудь редкая сволочь? Да еще со склонностью истязать детей и мучить женщин?

Мысль вообще-то дикая, уже достаточно долго знает Томаса Мальтона из Гисленда, благородного потомка благородных предков, которые гибли, топили и которым благородно рубили головы по облыжным обвинениям, но все равно повертел эту дикую мысль так и эдак, помял, пощупал, сколол наросты, содрал накипь, а в глубине засияла совсем крохотная и простая мысль, зато ясная и четкая: а какая тебе разница? Для тебя, как и любого члена общества, важно именно как ведет себя человек. Как держит, а не какой есть на самом деле. Если за всю жизнь никого не обманет и не обидит, то важно ли другим, что в глубине души редкостная сволочь, только прикидывается хорошим человеком? А вот если хороший и честный человек, не сдерживая своих порывов, будет тебя крыть матом, время от времени давать в рыло, блевать в твоём доме, приставать к твоей женщине... то не лучше ли в друзьях иметь воспитанную сволочь, чем такого вот искреннего и честного?

Христианство сделало ставку на то, что раз Бог видит тебя постоянно, то от Его взора ничего не укроется. Сам Бог не требует, чтобы человек был чем-то необыкновенно хорошим, понимает, что «хорошость» определяется набором неких правил. И вот христианину предъявляется их для выполнения намного больше, чем язычнику, тем самым делая все общество христиан выше, чище и благороднее, чем дохристиан. Во всяком случае, задумано, чтобы общество христиан было выше.

Томас придержал коня, Олег поравнялся с ним, Томас спросил с некоторым беспокойством:

– Ты не помнишь, какой сейчас день?

Олег посмотрел на небо.

– Ну, вообще-то солнечный.

Томас сказал раздраженно:

– Я не о том!

– А, – понял Олег, – на завтра погоду знать хочешь? Думаю, эту недельку дождей не ждать...

Томас рыкнул раздраженно:

– Что ты мне о погоде? Рыцарь должен совершать подвиги во славу церкви и своих дам в любую погоду! Не прикидывайся, что не понимаешь. Я спрашиваю о действительно важном: сегодня день постный или скоромный?

Олег посмотрел с удивлением, но Томас предельно серьезен, а на лице такое внимание, будто от того, скоромный день или постный, зависит успех всего предприятия. Да что там

предприятия: дело за куда более важным – быть человеком или стать свиньей?

– Извини, – произнес он, – я по своей дикости не допер. Это ж в самом деле важно!

Томас не уловил сарказма, напыжился, сказал покровительственно:

– А как иначе? Человек, не соблюдающий установленных правил, – уже не человек, а дикий зверь вроде свиньи или вороны. Или язычника, блуждающего во тьме невежества.

– Да, – согласился Олег, – правила нужно соблюдать, а праздники непременно праздновать со всем ликованием и смакованием... Вот, к примеру, такой замечательный христианский праздник, как Обрезание Господне...

Томас медленно повернул к нему голову, окинул взглядом сверху вниз, хотя вообще-то в седлах на одном уровне.

– Это что за хрень?

– Праздник, – повторил Олег отдельно, – Обрезание Господне. Кстати, как ты его празднуешь?.. Расскажи подробно, а то я как язычник только слышал, а не присутствовал.

Во взгляде рыцаря появилась холодность, потом отстраненная брезгливость. Контролируемым голосом, преисполненным презрения и вящего достоинства, он произнес отдельно:

– Калика, ты что-то путаешь.

– Я? – удивился Олег.

– Ты, – отрезал Томас. – Нет такого праздника.

– Как же нет? – запротестовал Олег. – Ежегодно проводится на восьмой день после Рождества. Я понимаю, тебя часто бьют по голове тяжелым, потому у тебя что-то спуталось, что-то перевернулось, а что-то и вовсе забылось. Давай напомним тебе, я ж добрый: «На восьмой день после Своего Рождества Господь наш Иисус Христос, по ветхозаветному закону, принял обрезание, установленное для всех младенцев мужского пола в знамение Завета Бога с праотцем Авраамом и его потомками...» Это я шпарю по памяти, а если тебе нужна ссылка, то это в Бытие, 17, 10–14; Левит, 12, 3, ну, ты все понял, да?.. Я так и думал. Хорошо иметь дело с образованным христианином. Мне нравится твое выражение лица, сэр Томас! Я вообще-то в восторге. Дальше: «...При совершении этого обряда Божественному Младенцу было дано имя Иисус, возведенное Архангелом Гавриилом еще в день Благовещения Пресвятой Деве Марии. По истолкованию отцов Церкви, Господь, Творец закона, принял обрезание, являя пример, как людям следует неукоснительно исполнять Божественные установления. Господь принял обрезание для того, чтобы никто впоследствии не мог усомниться в том, что Он был истинным Человеком, а не носителем призрачной плоти, как учили некоторые еретики».

Томас слушал, набывчившись, на калику смотрел исподлобья, с недоверием, но усомниться не посмел, отшельник так мелко не играет, у него ловушки более глубокие и хитрые. Наконец поморщился с такой брезгливостью, словно увидел

пьяную женщину.

– Господи, Олег!.. – произнес он с высоты седла, словно с небесного трона. – Ну, ты совсем как дите. То ихний Христос, а то наш – британский!.. Ихнего пусть всего наобрезают, это не наше дело, а чтоб нашего Христа да обрезали, как сарацина?.. Кто б такого Христа у нас принял?

Олег смотрел пристально, словно подозревая, что доблестный рыцарь шутит, а это то поле, куда он предпочел бы не вступать, однако лицо Томаса абсолютно серьезно, в глазах несокрушимая вера в свою правоту.

– Ну, – пробормотал он в затруднении, – вообще-то ты прав. Просто я как-то не додумался до такого... Дурак я все-таки местами. Как леоперд. Это зверь такой. Вроде кошки.

– Видел, – кивнул Томас довольно. – Ты вообще-то спрашивай, спрашивай! Я тебе всю Библию разъясню.

– И я узнаю много нового, – согласился Олег. – Сколько живу, всегда удивляюсь. Британская Библия – это что-то, уже вижу. Хотя, конечно, гм... как это доблестные рыцари приняли своим Богом еврея...

Томас нахмурился, сказал зло:

– Сэр калика, я уважаю твои великие знания... но здесь ты сильно ошибаешься!

– В чем?

– Не еврей, – ответил Томас твердо, – не еврей он вовсе!

– Но как же, – ответил Олег ехидно, – как же не еврей?.. Я тебе что говорил только что про обрезание? Христа вашего

обрезали, вам вроде бы тоже надо обрезываться, только вы то ли трусите, то ли еще что...

Томас слушал с надменно-брезгливой миной, глаза сузились, а нижняя челюсть выпятилась, как таран боевого корабля. Когда Олег умолк, сказал удивленно:

– Ну и что?.. Мы, христиане, при чем?

– Как что, – удивился Олег, – разве тебе этого мало? Или будешь спорить с самими учениками Христа, которые сами евреи и ходили за ним следом, записывая каждое слово?.. Он и проповедовал сперва только среди своих, в синагогах...

Томас наморщил лоб, явно вспоминая проповеди боевого прелата, спросил с недоумением:

– Это когда он бушевал там, как пьяный копьеносец, переворачивал столы с деньгами менял, лупил и выгонял продавцов голубей?

– Вот-вот, – сказал Олег злорадно.

Томас в удивлении вскинул брови.

– Так какой же он еврей?.. Нет, сэр калика, ты сильно ошибаешься. Он никакой не еврей. А вот распяли его евреи!.. Как раз за то, что он не еврей, хотя вроде бы еврей.

Олег помотал головой.

– Погоди, погоди. Что-то я тебя не понимаю. Как это не еврей, хотя вроде бы еврей?

– А что тут понимать, – ответил Томас победно. – Все ведь и так понятно. Или тебе еще нет?

Олег посмотрел на него с подозрением.

– Нет, не понятно.

– Бедный, – сказал Томас с сочувствием. – Что значит язычник. Ну ты ничего, спрашивай, спрашивай!

– Спасибо, – поблагодарил Олег искренне. – Ты в самом деле помог.

Глава 11

Дорога сузилась, Томас поехал впереди, Олег отстал, чтобы не глотать пыль, время от времени поднимал взгляд от конской гривы на маячащую впереди прямую фигуру на красивом коне. Гуннский конь, дикий и свирепый, словно бы набрался от рыцаря манер, идет красиво и благородно, лишь изредка потряхивая гривой, а копыта переставляет в некоем ритме, словно в танце. А рыцарь так и вовсе будто подставляет себя всем на обозрение: смотрите, как надо ехать, как держаться, как выглядеть добрым и благостным.

Тоже в какой-то мере гуннский конь, мелькнула ироническая мысль. Наполовину дикарь, наполовину облагороженное христианством существо, потому такая гремучая смесь. И еще при всей тупости и невежестве в его словах странная... ну, не сказать, что правда, это слишком сильно, но что-то есть. А вот что, сразу сформулировать не удастся, хоть и просто необходимо.

Правда и то, что только первые христиане были евреями, затем вероучение подхватили римляне, которые к евреям во-

все не были расположены. И в первую очередь подхватили как раз самые забытые рабы и самые просвещенные философы. Почему рабы – понятно, но философы...

Он поморщился, это раздражало и раньше, но привык отмахиваться, не все же приняли, Сенека, к примеру, погнушался... Правда, Сенека к тому времени достиг весьма преклонного возраста, в таком взгляды обычно не меняют. Но немало римских философов приняли христианство, рассмотрев в этом нелепом и противоречивом учении то зерно, из которого при определенной удаче и титанических усилиях можно вырастить будущее.

А будущее вот оно: впервые храмы не сами по себе, как было всегда, а с центром в одном месте, где кипит работа вроде бы по упорядочению и развитию учения Христа, а на самом же деле все создается заново, лишь прикрываясь его именем, как известным баннером, под который охотно собираются знатнейшие и храбрейшие рыцари...

Павел, вспомнил он. Павел создал христианство. Маленький лысый толстенький человечек, ухитрявшийся ходить сгорбившись, косноязычный, как и Моисей, именно он сумел создать эту сверхмощную организацию, он отделил группу иудеев, верующих в Христа, и назвал их христианами. Он написал для них четырнадцать книг из всех двадцати семи Нового Завета, так что он основной автор и идеолог Нового Завета, он заложил основные постулаты христианства, только благодаря ему оно не осталось одной из многочислен-

ных сект, а быстро превратилось в мировую религию.

Это Павлу, иудею и одновременно римскому гражданину, удалось не только самому усмотреть зерно во всей этой чепухе, но и выделить его для римской ученой знати. Зерно в том, чтобы не просто начинать новые отношения между людьми, это бывало и раньше на уровне отдельных чудаков, именуемых то философами, то дураками, в зависимости кто чего смог достичь, а на уровне основы, платформы, фундамента, на котором строится новый мир... очертаний которого они еще, понятно, не знали. Так, смутно чувствовали, что может что-то получиться. Надеялись. Ведь все остальные пути, что объявлялись единственно верными хоть в старом и мудром Китае, хоть в Индии, хоть в землях Персии, – все ведут к застою. С теми религиозными системами и через сто тысяч лет Китай будет все тем же Китаем, а Индия – Индией, все так же йоги будут стоять на голове, а факиры дудеть перед змеями... а вот здесь впервые нарождается нечто действительно новое.

И если те римские философы сумели увидеть такую возможность, то Христос, безусловно, не иудей. Вернее, как сказал этот меднолобый, он не иудей, хоть и иудей. Странно, что такая меднолобость бывает права там, где пасуют мудрецы, изучившие целые библиотеки древних мыслителей и вероучителей.

Когда солнце достигло зенита, а доспехи даже под легкой

накидкой накалились, Томас королевским жестом распорядился насчет привала. Его многочисленное войско в лице отшельника принялось высматривать удобное местечко для отдыха. И хотя то там, то здесь виднеются домики, Томас ворчливо заявил, что мужчины не должны искать удобств, а христианам так и вовсе приличествует смирение... и да, отсутствие удобств. Вон Иисус вообще в хлеву родился, а как мир потряхнул!

Олег не спорил, еще бы не понять, почему рыцарь старается не попадаться людям на глаза, свернули в небольшую дубовую рощу, что просматривается насквозь, там и полянка, и ручеек, и сочная трава до пояса, есть где коням и полакомиться, и поваляться.

Томас, как лицо благородного сословия, пошел напиться и сполоснуться в холодной воде, Олег разложил на чистом полотенце захваченную из замка еду. От трав и деревьев одуряюще пахнет, над головой нутужно гудят пчелы. По ту сторону ручья огромный полусгнивший пенёк, можно рассмотреть кишаших красных муравьев. Тельца блестящие, как застывшие капли янтаря, горят красными огоньками, многие муравьи приподнимаются на длинных лапах и поводят усиками высоко в воздухе, словно щупают что-то невидимое.

Ручеек выбивается из-под корней трех берез с их атласно-белой аристократической кожей, красиво подчеркнутой мелкими пятнами, удивленно и радостно вскрикивает мелкая птичка над головами, на вершинах берез насмешливо

прокричали галки, наблюдая, как рыцарь пьет, стоя на коленях, потом снимает панцирь и плещет водой в лицо.

Когда Томас вернулся и жадно набросился на еду, Олег уже вяло жевал сыр, потом лег навзничь и забросил руки за голову. Взгляд его рассеянно скользил по нависающим ветвям, там стада простолюдных тлей жадно сосут сок, а рыцари-муравьи дают им защиту от всяких хищников, за что благодарные тли снабжают их сладким соком.

Томас проследил за взглядом калики, сказал многозначительно:

– Берегись мухи, которая сидела на дохлой змее.

Олег подумал, перевел озадаченный взгляд на довольного высказанной мудростью рыцаря.

– Это ты к чему?

Томас хотел было ответить что-нибудь еще мудрое, но нешло, сказал честно:

– А не знаю. Слышал где-то, понравилось. Умность такая, сложная. И красивая.

Олег поморщился.

– А меня как раз всегда раздражают пустые мудрствования и слишком пространные толкования одного и того же слова. Особенно утверждения суфиев, что каждое слово несет в себе не меньше семи значений, потому, дескать, человеку очень трудно понять другого человека. Даже невозможно!.. Я по своей натуре – отыскиватель простых и ясных ответов, чтобы ясны были не только мне, но и простым

людям. Ну там королям, императорам, рыцарям, коровам...
Иначе как заставить людье сдвинуться с места, повести на гору, если даже непонятно, чем заманиваешь?

– Ну и... – спросил Томас настороженно.

– Однажды, – ответил Олег со вздохом, – я пришел к одному старому раввину, он писал комментарий к пятьдесят второму тому Торы, и сказал, что готов принять его веру, если сумеет растолковать все их заманчивые догматы, пока стою на одной ноге.

Томас спросил заинтересованно:

– И сколько суток ты простоял? Или недель?

Олег сдвинул плечами.

– Он подумал и сказал: «Поступай с другими так же, как хотел бы, чтобы они поступали с тобой. Это и есть вся наша вера, а все эти пятьдесят томов... и будут еще!.. только толкования к этой формуле». Признаюсь, мне понравилось это изящное и глубокое построение, хотя и малоприменимое... Кстати, оно ж потом было положено Христом в его вероучение... но вот сейчас я присутствую на трансформации и этой замечательной формы в нечто такое, что мне начинает в самом деле нравиться. Нечто хоть и христианское, но применимое.

Томас нахмурился, больно довольный вид у волхва, спросил с растущим подозрением:

– Во что?

– В основу западного понятия христианства, – пояснил

Олег.

Томас сказал на всякий случай:

– Это что за христианство такое западное? Мы не еретики!

– Упаси Боже, – сказал Олег. – Всеобъемлющая формула. «поступай с другими так, как хотел бы, чтобы они поступали с тобой» – в западном христианстве стала звучать так: «делай с другими то же, что собираются сделать с тобой, – бей первым». Можно даже точнее: «Делай с этими сволочами...»

Томас подумал, но ничего странного не нашел, непонятно, чем калика так веселится, сказал горячо:

– Вот именно, со всякими сволочами! Борись, сэр калика!.. Это в тебе бьется Сатана с теми остатками... зачатков доброго, что еще по недосмотру Божьему остались в гнусной душе язычника.

– Так кому же принадлежит земля? – спросил Олег скептически.

– Никому, – сказал Томас горячо. – Вся земля – это поле боя сил Бога и Сатаны. На земле живем мы, люди, а Бог и Сатана бьются не на жизнь, а на смерть за власть над нами!

Калика сказал с интересом:

– Полагаешь, мы чего-то да стоим?

– Конечно, – сказал Томас убежденно. – Мы вершина творения! Господь в нас свою душу вложил, хотя мог бы вдуть ее в слона или, скажем, льва. Он мог бы вдунуть ее даже в муравья, если бы захотел! А он после того, как сотворил

нас, больше ничего уже и не пытался. Он же сам сказал, что понял, ничего лучше уже, хоть лопнет, не сотворит! Удачный день не всегда выпадает, даже если у тебя в запасе вечность. Конечно, он на людей надеется, раз так за нас бьется. В нашей войске поговаривали, что он готовит человека себе на смену.

Калика с полным безразличием пожал плечами.

– А мне показалось, да и Уриил говорил, что он уже ушел на покой. А вся тяжесть мира рухнула на нас. А плечи-то еще не окрепли. И даже самые отважные и благородные рыцари пока только отважны и благородны, да и только.

– Он не ушел на покой, – ответил Томас терпеливо, – но он ни во что не вмешивается. И не вмешается, хоть мы тресни!.. Понял? Все теперь зависит только от нас.

Олег вздохнул.

– Язычникам легче. Попроси любого из богов, тот либо сделает, либо нет. В зависимости от размера жертвы. А взять твоего христианского Бога, так мы... одни на свете?

– Бог с нами, – объяснил Томас терпеливо.

– С нами, – проворчал Олег, – если он не показывается, не помогает, то это все равно, что нет. Мы одни на свете, как... не знаю кто. Ладно, сам Бог самоустранился, но как же его мириады ангелов, архангелов и прочих-прочих? Никто не придет, не поможет?

Томас смотрел серьезно и торжественно.

– Нет, конечно.

– Ты знаешь? – спросил Олег.

– Да.

– Почему?

– Потому что это наш мир, – ответил Томас. – Когда Господь сотворил человека, он повелел даже ангелам поклониться ему как хозяину этого мира. Так что, Олег...

– Все понятно, – прервал Олег. – Нам и отдуваться. А жаль, жаль...

Томасу показалось, что калика что-то хитрит, спросил с подозрением:

– Чего тебе жаль, морда языческая?

– Как бы хотелось посмотреть, – объяснил Олег с великим сожалением, – когда с одной стороны сойдутся тьмы ангелов, с другой – демонов. Свет и Тьма, самая грандиозная битва!

– Свинья ты, – сказал Томас в сердцах.

– Что делать, всего лишь человек...

– А надо быть лучше, чем человек!

Олег вздохнул, поднялся.

– Надо, всем что-то надо... Ты как, отдохнул? Нажрякался? Куда в тебя столько влазит... Поехали, поехали!

Глава 12

Томас в который раз вспомнил раннее детство, когда он с отцом зимой шел через перевал. Ночь застала в пути. Легли прямо на снег. Он тогда положил под голову ком снега. Отец

увидел, пинком выбил из-под головы: «Не разнеживайся, сынок!» Теперь он снова ощутил себя тем же изнеженным ребенком, ибо, на взгляд калики, оказывается, спать можно не только на камнях, не снимая доспехов, но и стоя, как конь, разве что прислонившись к дереву, а то и вовсе на ходу.

Ехали так до глубокой ночи, а там, перекусив наскоро, Томас заявил, что готов ехать и всю ночь, раз уж кони наотдыхались в замке на неделю вперед. Олег скупно усмехнулся, но спорить не стал, он вообще показывал пример, как можно обедать и ужинать, не покидая седла, так что сперва ехал впереди, но Томас вспомнил о своем благородном происхождении, что диктует правила поведения, выехал вперед и долго маячил, залитый лунным светом, как гигантская глыба льда.

Ночь чиста, огромная серебряная луна заливает землю таким ярким светом, что отчетливо виден каждый стебелек. Свет легкий, серебристый и чистый, воздух еще теплый, но уже чувствуется приближающаяся прохлада пока еще далекого утра.

– Не думал, – заметил Олег, – что ты любитель ночных путешествий.

Томас посмотрел на него угрюмо.

– Да это чтоб тебе приятнее. Вы ж, язычники, солнца не любите! Вам ночь подавай, летучих мышей, всякую гадость...

– Оно так, – согласился Олег, – только по ночам что-то ты

крадешься.

– Так для тебя ж, – заверил Томас ехидно.

– Да мне неплохо, – ответил Олег. – Я не считаю, что летучие мыши – слуги дьявола. И что луна – солнце нечестивых душ. Однако ночами больше странствуют в Святой Земле, там днем от жары можно сдохнуть...

Томас поерзал в седле, взгляд устремлен прямо на дорогу, наконец, ответил нехотя:

– Знаешь, я хотел бы проехать через владения некоторых... не привлекая внимания. Иначе моя дорога будет залита кровью, а я, как правоверный христианин, всякий раз скорблю о разбрызганной крови единоверца.

– Это хорошо, – одобрил Олег, – и хорошо, что у других веров кровь зеленая.

Томас вскинул брови.

– Зеленая?

– Зеленая, – подтвердил Олег серьезно. Посмотрел на Томаса. – А что, синяя?

– Красная, – строго поправил Томас. – Красная!.. Это для того, чтобы и они могли стать добрыми христианами. А вот у лягушек зеленая кровь, это значит, что христианами никогда не станут!

– А-а-а, – протянул Олег озадаченно. Он поднял взор и посмотрел на летающих в теплом воздухе летучих мышей. – Как хорошо ты все объяснил...

– Это я умею, – согласился Томас очень довольный. – Нам

полковой прелат говаривал, что я любую заповедь Христа могу втемяшить в самую крепкую голову.

– Бедные лягухи, – сказал Олег печально. – Значит, им отказано в спасении... То-то припоминаю, в раю мы так и не увидели ни одной! Или ты видел?

Томас в раздражении помотал головой.

– Мне только на лягух было смотреть! Забыл, зачем мы туда вломились, как два кабана?

Олег почесал в затылке.

– Да как тебе сказать... Сейчас, когда все позади, уже думаю, зачем туда ломались на самом деле?

– Я знаю, зачем, – ответил Томас зло. – И не сбивай меня! Никаких лягух в раю не было. Это рай, а не болото!

– Для кого-то, – вздохнул Олег, – именно болото – рай. Но ты молодец, все замечаешь. Голубей, правда, много, сам видел. Все белые, белые, белые... И вся земля, над которой летают... гм... тоже белая. Вообще-то, когда смотрю на стаи белых голубей, хочется увидеть хоть одного черного. Ну ладно, хотя бы черноплекого. Или пятнистого...

Томас все ерзал в седле, разговор начинает уходить в какую-то опасную непонятность, что-то двусмысленно-ловушечное. На всякий случай снова уехал далеко вперед, но, к счастью, летом ночи короткие, вскоре восток посветлел, заалел, воздух наполнился птичьим криком, с цветов начали слезать заснувшие на них толстые ленивые шмели.

Справа от дороги показался замок из светлого камня с

двумя остроконечными крышами. Он возвышается на холме, где ближе к подножию ровным кольцом пролегла довольно высокая стена. Весь холм застроен домами и домиками, а по эту сторону стен только торговые палатки вдоль дороги. На стенах иногда поблескивает, так отражается солнце в начищенных доспехах, на остриях пик или мечей.

– Бдят, – заметил Олег. – Здесь и спят с оружием? В смысле в руках?

– А как иначе? – возразил Томас. – Выпусти меч – тут же сожрут. Не меч, тебя. Правда, там леди Бенефика, очень милая госпожа, но и она старается далеко от замка не отдаляться...

– А зачем ей отдаляться? – резонно спросил Олег. – Все готовенькое прямо в замок! Или ездит по деревням, сама отбирает скот на продажу, щупает кур?

Томас фыркнул, такие глупости можно услышать только от чужеземного простолюдина.

– Это наша соседка, мы с нею в добрых отношениях. И все ее соседи с нею обращаются учтиво и с подобающим ей достоинством. Что, впрочем, не мешает ей быть осторожной и ездить на охоту только в ближайший лес или на озеро, что вблизи замка.

– На охоту? – удивился Олег. – Баба?

– Это у вас там бабы, – отпарировал Томас, – а у нас – женщины. И на охоту ездит, как все благородные господа. Утром поднимается, да будет тебе известно, наряду со сво-

ими девицами, что помогают ей одеваться и причесываться, потом идут в лесок... вон видишь зеленая полоса?.. каждая берет псалтырь, четки или просто молитвенник, там садятся благочинно в ряд и усердно молятся. При этом раскрывают свои хорошенькие ротки только для благочестивой молитвы. А не для всяких перемываний косточек...

Олег кивнул.

– Да-да, поверю на слово. На рыцарское.

Томас дернул щекой и продолжал, чуть повысив голос:

– Затем собирают лесные цветы, а по возвращении в замок слушают в часовне мессу...

– А жрать? – спросил Олег. – Жрать-то когда? Или ты самое интересное пропустил?

Томас сверкнул очами.

– Дикий ты человек, если только о жратве и о жратве. Культурный человек потому и культурный, что может сдерживать свои дикарские порывы. Простолюдины сразу набрасываются на еду, а благородные умеют воздерживаться... какое-то время. Госпоже Бенефике и ее девицам только на выходе из часовни преподносят на серебряных блюдах жареных каплунов, жаворонков, кур, и лишь тогда госпожа и девицы едят, но и тогда скромно, а чаще всего оставляют на блюдах, дабы снискать любовь Пресвятой Девы, что тоже была очень умеренна в еде.

– Да я бы не сказал так, – пробормотал отшельник, но тут же замахал руками, – продолжай, продолжай! Это я так, сво-

им мыслям.

– Богохульные у тебя мысли, – сказал с осуждением Томас. – А если богохульные, то это уже и не мысли, а черт-те что, тебя самого можно в ад. Так вот сама госпожа Бенефика утром обычно вообще не завтракает. Ну, почти, почти... Вместо этого она садится на коня... не улыбайся, она садится на иноходца, а на иноходцах женщинам ездить вполне прилично, даже еще в красивейшей сбруе, украшенной... вообще украшенной, понял? А с нею едут уже не только девицы, но и рыцари ее замка.

– Снова в лес?

Томасу почудился в голосе калики какой-то подтекст, он сказал с достоинством:

– Нет, теперь в поля, где плетут венки, ловят бабочек и стрекоз, а также поют всякие песни...

– Какие?

– Всякие, – ответил Томас сердито. Увидев устремленный на него насмешливый взор, стал загибать пальцы: – Рондо, помпиет, виррэле, баллады и... всякие еще. Нашим труверам известно много красивых и благочестивых песен, это не твой орущий непристойности край. Возвращаются к обеду, в главном зале к их приезду уже расставлены все столы. Когда садится госпожа, мажордом приглашает к столу остальных, а каждую девицу сажает рядом с рыцарем. И хотя блюда подаются самые изысканные и умело приготовленные, но главное блюдо за обеденным столом – вежливая и почтительная

беседа, что ведут рыцари и девицы. Все блюдут учтивость и скромность, но тебе этого не понять...

– Да уж, – проворчал Олег.

– Это не в твои уши корм, – сказал Томас ядовито. – Ты человек дикий, а женщинам интересно узнать про учтивость рыцарей и скромность женщин. Им вращаться в этом мире, потому должно быть весьма поучительно и полезно. Так вот во время обеда все общаются за едой и питьем...

– А много пьют?

– Кто сколько хочет, – ответил Томас с достоинством. – Напоминаю, благородный человек умеет смирять дикарские порывы и потому не выпьет больше, чем... а лучше, выпьет меньше. Меньше, чем... Так угодно Пресвятой Деве, церкви и приятно тем мужчинам, которые рядом. В завершение обеда читают благодарственную молитву Господу за хлеб-соль, потом появляются музыканты, менестрели, и начинаются танцы, что длятся обычно около часа.

– Многовато, – проворчал Олег. – Но ничего, после сытного обеда – это хорошо, хорошо.

– Каждый из рыцарей танцует с девицей, потом все целуются, пьют вино с горячащими кровь пряностями и расходятся спать. А после сна все садятся на коней, пажи и оруженосцы приносят соколов, а верные егеря сообщают, где удалось выследить цапель. Госпожа выпускает сокола так ловко, что редкий мужчина сможет...

Олег вздохнул.

– Наконец-то добрались до охоты. И чем провинилась бедная цапля?

– У нее перья красивые, – объяснил Томас. – Так вот, там же на охоте достают из корзин жареных каплунов, кур, куropаток, жаворонков, жареную телятину и говядину, вино в кувшинах, все много едят, пьют, поют песни, уходят собирать цветы и возвращаются не скоро с венками. А в замок едут уже к ужину, веселые и беспечные, распевая песни...

Олег покачал головой.

– С ума сойти! Они еще и песни поют.

Он пару раз оглянулся на красивый замок, что так и располагает повернуть коня в его сторону, а там жареные каплуны на серебряных блюдах, целующиеся девицы, вино с горячащими кровь пряностями и послеобеденный сон... понятно, язычник даже представить не сможет, что после вина с горячащими кровь пряностями расходятся в одиночку. Или же язычники расходятся в одиночку, но в постель ложатся по-язычески целыми оравами...

– Господь возложил на нас, – провозгласил Томас гордо. – Так что не оглядывайся взад, не смотри по сторонам.

– Что возложил? – уточнил Олег.

Томас сказал высокомерно:

– Как что?..

– Ну да, – спросил Олег, – что возложил?

Томас оскорбился.

– Такие вопросы задаешь! Это же и так понятно.

– Дык я ж язычник, – ответил Олег коварно, – тупой, темный. Так и не понял. Ты мне растолкуй. Подробнее.

Томас выпрямился и гордо посмотрел вдаль.

– Ну вот еще! Стану я толковать такие высокие истины нехристю. Тебе достаточно знать, что Господь возложил! А мы должны нести.

– Ну знаешь, – пробормотал Олег, – я такое могу подумывать, что Господь твой положил на нас... Лучше бы он на музыку положил!

– А при чем тут музыка?

– Да так, вспомнилось... Не нравится мне церковная музыка.

– Не нравится, не слушай, нечестивец, – брезгливо сказал Томас. – А все, что Господь возложил на нас, мы должны нести! Он следит за нами.

Олег вздохнул.

– Ну, если следит, дело другое. Хорошо с нашими богами, им нет никакого дела до нас, людей. Друг друга бьют, грабят, обманывают, жен уводят, скот угоняют, а к людям если и спускаются, то разве что для утех каких...

Томас наморщил нос, осенил себя крестным знамением, какие же это боги, так только демоны поступают, а Господь – чистый первозданный свет, он ну никак не может ходить по бабам. Ни коров у него, ни жен, ни вообще имущества...

Он всматривался в даль, там, в оранжевом предвечер-

нем свете величественно проступают из дымки покатые силуэты гор. Здесь, в Британии, стране болот и густых туманов, где только густые дремучие леса со столетними дубами да неспешные реки, даже такие невысокие горы – редкость, Олег с удовольствием всматривался в покатые зеленые горбики, а Томас снял шлем и перекрестился.

Олег посмотрел по сторонам.

– Это к чему?.. В смысле крестишься?

– Красиво, – ответил Томас. – Благодарю Господа за красоту, которую он создал.

Легкий ветерок треплет концы платка на его шее, он уже привык и не замечает, зато Олег время от времени бросает то насмешливые, то уважительные взгляды. Насколько он помнит, вообще-то культ прекрасной дамы, возвышенной любви и верности ей рыцарей придумали не рыцари, а поэты. Правда, не из каких-то высоких побуждений, а просто потому, что странствовали от замка к замку, где первым делом восхваляли хозяйку, от которой зависело покормить их или выгнать в шею. Если же учесть, что муж обычно отсутствует по делам военным, турнирным или просто подолгу гостит у других рыцарей, замышляя какой-нибудь поход, то эти барды бессовестно воспевают женщину, до небес превозносят ее роль не только в замке, но и вообще, возводят на все пьедесталы, откуда она взирает снисходительно на всяких мелких мужчин, годных только служить ей возвышенно и нежно.

Любая хозяйка, расчувствовавшись, на дорогу даст еды, а

то еще и сунет пару монет. Так что со стороны бардов все понятно, а вот то, что суровые и привыкшие к крови и жестоким сражениям мужчины охотно приняли эту дурь, поверили в нее... очень уж хотелось поверить!.. и вот теперь все рыцарство скитается по пыльным и опасным дорогам, обремененное множеством обетов, клятв, обязательств, скованное по рукам и ногам, в то время как герои дохристианского времени предпочитали ни в чем себя не связывать.

Если с точки зрения здравого смысла, то раньше были рыцари Круглого стола, а сейчас по большей части – круглых дур. Те, которые от Круглого стола, не ставили себя в смешное положение, подвязывая эти платочки, давая обеты не открывать левого глаза и прочие дурости, но самое интересное в том, что не смеются над такими – восхищаются! Восторгаются, складывают о них баллады!

Он посмотрел на Томаса, сказал ехидно:

– А правда, что юные леди ценят в мужчине рыцаря, а зрелые женщины – оруженосца?

Томас нахмурился, буркнул с неудовольствием:

– Полагаю, что рыцарь ценится всеми.

– Да, – протянул Олег, – особенно христианский. Если ударить по левой щеке, то упадет на правый бок, верно?

– Сэр калика, – начал Томас строго, – не соблагоизволите ли... в смысле не соблаговолите ли...

Он оборвал речь, лицо стало строгим. Далеко впереди у моста ярким голубым цветком на зелени луга выделяется

шатер. Перед шатром черное пятно прогоревшего костра, вкопанный столб, на нем рыцарский щит и шлем. В сторонке крупный конь пасется в густой траве. Из ближайшей рощи вышли двое, один с убитым оленем на плечах, второй нес лук и стрелы.

Завидев всадников, тот, что с луком, ринулся со всех ног к шатру. Спустя минуту полог отлетел в сторону, появился высокий статный рыцарь. Подбежавший оруженосец принялся затягивать на нем ремни доспехов, бегом привел коня. Рыцарь вставил ногу в стремя, не переставая оглядываться на Томаса и Олега.

Томас поморщился.

– Искатель приключений...

Олег сказал ехидно:

– А что не нравится? Разве не это главное для рыцарства?

– Сейчас просто некогда, – буркнул Томас.

Рыцарь повернул коня и загородил дорогу к мосту. Длинное копьё наклонилось, острый конец угрожающе смотрел на Томаса.

Глава 13

Оруженосец бегом принес шлем, рыцарь подхватил его свободной рукой, Томас в последний раз увидел крупное обветренное лицо с курносом носом, небольшой рыжей бородкой, забрало опустилось с неприятным металлическим ляз-

ГОМ.

Человек с оленем на плечах, явно слуга, добежал трусцой до костра, туша рухнула на землю, слуга упер руки в бока и принялся с огромным интересом наблюдать за будущей схваткой. Оруженосец тоже отступил, только рыцарь заставил коня сделать два шага вперед, голос из-под забрала прозвучал густой и с оттенком металла:

– Кто бы ты ни был, сразишься со мной.

Олег смотрел с не меньшим интересом, чем слуга и оруженосец. По его мнению, Томас должен послать дурака на хрен, пусть идет к ближайшему дубу и бьется в ствол железным лбом до посинения, однако Томас выпрямился и произнес так же заученно, словно читал по церковной книге:

– Пешим или конным, мечом или копьем, я готов сразиться с тобой, рыцарь. Назови имя, чтобы я знал, по ком заказать священникам заупокойную.

Рыцарь ответил надменно:

– Меня зовут Туландлер, я младший сын герцога Гартейского. Мои земли на востоке от этой реки. Там прекрасно знают мои подвиги, о них слагают песни, но теперь узнают и здесь.

Томас ответил холодно:

– Тебя собьет с коня Томас Мальтон из Гисленда, благородный рыцарь крестоносного войска, который искал и совершал подвиги в полной опасностей Святой Земле, а не на мирных дорогах Британии.

Он отъехал на добрую сотню шагов, опустил забрало, копьё заняло место под мышкой. Конь ощутил знакомое движение рыцарского сапога и сорвался в галоп. Рыцарь тотчас же ринулся навстречу, даже Олег ощутил по его посадке и манере держать копьё, что воин опытный, не впервые сшибается вот так, ни за что, а просто так...

Они неслись с громом и грохотом, черные комья земли взлетели над головами, как хищные вороны, плащи захлопали под порывами ветра и вытянулись горизонтально, кони храпят, копьё ударили в металл, треск, лязг, кони пронеслись каждый в свою сторону, а рыцари, зашатавшись, кое-как выровнялись и поспешно останавливали дрожащих коней, потрясенных силой удара.

Томас с проклятиями выхватил меч. Оруженосец с криком бросился навстречу:

– Благородный рыцарь, в этом нет необходимости! У нас здесь запас копий именно на такие случаи...

– Пусть ублюдок защищается от меча, – прорычал Томас. – У меня нет ни времени, ни желания поединков по всем правилам.

Рыцарь на той стороне едва успел выхватить меч, как Томас налетел, словно ревущая буря. Щит рыцаря задрожал от ударов и быстро раскололся, пышный плюмаж срублен, копыта тут же втоптали его в грязь, блестящие доспехи начали покрываться вмятинами, панцирь раскололся, из щели потекла алая струйка.

Рыцарь пытался перейти в контратаку, но если таранный удар копьем выучил на турнирах, то владение мечом в боевых условиях – нет, попытки поразить Томаса привели к тому, что дважды задел панцирь, в то время как его собственные доспехи покрылись глубокими зарубками, словно колода, на которой мясники неделю рубили свиные туши.

Наконец он зашатался и начал опускать меч, и, хотя поединок уже выигран, Томас с такой силой ударил мечом плашмя по шлему, что рыцарь мешком свалился под копыта своего коня. Нога запуталась в стремях, конь попытался волочить упавшего, но Олег перехватил поводья.

– Стоп-стоп, милый!.. Ты теперь наш, побереги себя.

Оруженосец со слугой подбежали к упавшему, на Томаса поглядывали со страхом, незнакомый рыцарь выглядит грозным и нетерпеливым. Томас бросил Олегу повелительно:

– Взгляни, что у них за копыта. Если есть подходящее, возьми для меня.

– Остальные поломать? – спросил Олег.

Томас чуть было не кивнул, настолько голос Олега был обманчив, но спохватился и помотал головой.

– Рыцарь должен драться, иначе зачем он?

– Да, конечно, – поддакнул Олег. – Драться надо.

Тон был обманчив, Томас спросил с подозрением:

– Ты о чем?

– Да так, – ответил Олег уклончиво.

– Снова о Высоком?

– О нем, – вздохнул Олег. – Вон звери между собой не дерутся, потому и не придумали ни дубины, ни копья, ни лука, не научились ковать железо, сеять рожь, строить корабли... Все от драчливости, все от драчливости! Страшно и подумать, что мы такое.

Он ушел шарить в шатре и за шатром, Томас дождался, пока рыцарь пришел в себя, с высоты седла осведомился с надлежащей надменной учтивостью:

– Как вы себя чувствуете, сэр?

Рыцарь ответил стонущим голосом:

– У вас не рука, а молот...

– Рад, что вы оценили, – сказал Томас. – Надеюсь, у вас нет переломов или серьезных ушибов.

– Я тоже надеюсь, – ответил рыцарь. – Побывать между молотом и наковальней и отделаться легко – это везенье. Я готов выслушать ваш наказ, сэр...

– Томас, – напомнил Томас. – Томас Мальтон из Гисленда.

– Что вы изволите наложить на меня, сэр Томас? – почти-точно спросил рыцарь. – Как проигравший схватку я обязуюсь со всем смирением исполнить все, что вы прикажете.

Он кое-как поднялся и, опираясь на выщербленный меч, стоял перед Томасом с гордым достоинством. Олег вышел из-за шатра, в руках новенькое копьё, услышав слова побежденного, замедлил шаг. Рыцари на него не обратили внимания, Туландлер, младший сын герцога Гартейского, покорно ждал своей участи, Томас же наморщил лоб, перебирая

в памяти подходящие случаи. Можно, конечно, сделать самое простое: велеть ему явиться ко двору отца, рассказать, что он является пленником его сына, а также отслужить при замке год-два. Или до его возвращения. Можно велеть этому вообще-то неплохому рыцарю отправиться в крестовый поход или же, если похода не предвидится, присоединиться к рыцарскому отряду, что отправляется сражаться с неверными. Можно велеть носить черную одежду до тех пор, пока не принесет в распоряжение своего лагеря голову сарацинского военачальника...

Олег видел, как Томас внезапно поморщился, словно хлебнул уксуса. Чуть отшатнувшись, он рассматривал побежденного рыцаря так, словно только сейчас увидел и не может понять, как с ним поступить.

Глаза рыцаря расширились, когда его победитель махнул рукой и сказал самым будничным тоном, даже несколько раздраженно:

– Да, собственно, какие обеты?... Кто я, собственно, чтобы налагать их?

Он снова махнул рукой, подобрал поводья и обратился к Олегу:

– Ты уверен, что это лучшее?

– Точно, – заверил Олег. – Остальные ломались, как соломинки.

– А это сломать не смог? – спросил Томас недоверчиво.

– А что тебе бы осталось? – возразил Олег резонно. Он

сунул копьё Томасу в ладонь, сам вскочил на своего коня. — Едем?

Рыцарь, видя, что они поворачивают коней в сторону реки, вскричал обеспокоенно:

— Доблестный сэр! А как же я?

Томас сказал равнодушно:

— Да никак. Никаких обязательств.

Он пустил коня шагом, рыцарь пошел рядом, на лице великое недоумение, вскрикнул:

— Но так нельзя! Вы должны наложить на меня обет. Я вызвал вас на поединок, вы победили... Что я должен сделать как побежденный?

Томас отмахнулся.

— Ничего. У нас хватает дел...

«...чтобы не отвлекаться на детские игры», — закончил молча Олег. Он исподтишка наблюдал за обоими рыцарями, за непониманием одного и брезгливым раздражением другого. Можно бы повеселиться тайком, если бы не слишком серьезное настроение Томаса. Даже епитимью не наложил на побежденного, это же надо! Где найдешь рыцаря, чтобы не продемонстрировал свое превосходство.

Томас начал ускорять конский шаг, Туландлер тоже прибавил ходу, наконец, ухватился за стремя победителя. Лицо у него было настолько обиженное, словно ему ни с того ни с сего плюнули в лицо и вообще забросали грязью, назвали лжецом и вообще осквернителем святынь.

– Сэр! – вскричал он. – Вы не считаете меня вообще достойным?

Копыта коня застучали по дощатому настилу, Томас смотрел уже на противоположный берег, в сторону цепляющегося за стремя не повел и глазом, только бросил коротко:

– Сэр, мне до вас нет никакого дела!

– Но вы же меня оскорбили...

– Да отвяжись ты, – зло гаркнул Томас.

Он пришпорил коня, рыцарь побежал было, но упал на середине моста, его протащило немного, пальцы разжались, конь Олега с грохотом проскакал над ним, стараясь не задеть копытом.

Олег догнал на другой стороне реки. Томас ехал злой, этот Туландлер помял пластину доспеха на плече, а еще левый локоть отдает болью, слегка повредил сустав. Олег посматривал сочувствующе, но Томасу почудилось ехидство, он насупился и поинтересовался зло:

– Чего зубы скалишь? Что тебе не так?

– Все так, – ответил отшельник поспешно, – мне понравилось. Только мало. В следующий раз дерись дольше, хорошо?

– Свинья, – ответил Томас мрачно. – Хуже того – язычник.

– А ты грубый, – укорил Олег. – И жестокий. Даже бесчеловечный. Ну, пошто не дал дитяти конфетку? Ему так хотелось пострадать!

Томас зло отмахнулся.

– Хотя ты не каркай под руку.

– А что не так? – удивился Олег. – Или ты, никак, взрослеешь?

– Да пошел ты, – гаркнул Томас. – Мне нужно в Эссекс, а тут всякие задерживают...

– А-а-а-а-а, – протянул Олег со странной интонацией в голосе, то ли с разочарованием, то ли с одобрением, – не повзрослел, значит. Это хорошо. Взрослые... скучноватый народ. А рыцарство – это вечная молодость. Неважно, какой возраст у рыцаря. Он всегда юн сердцем и немножко старше другими местами.

Томас покосился, спросил с подозрением:

– Это какими же?

Олег уже думал о своем, переспросил:

– Ты о чем?

– Какими местами я старше? – потребовал Томас.

Олег сдвинул плечами.

– Кулаками, например. Еще грудь у тебя ширше, чем у ребенка. Да и плечи, пожалуй, тоже поболе, чем у новорожденного.

– Вот ты о чем, – сказал Томас успокоенно, перекрестился и пробормотал: – Прости меня, Пресвятая Дева, за недобрые мысли. Что-то я стал слишком подозрительный! Не к добру. Завтра заеду в храм и поставлю свечку во имя очищения и покаяния. А то рядом с таким спутником всего наберешься, как собака блох.

– Поставь, поставь, – согласился Олег. – А то в рай не попадешь.

Томас прорычал:

– А вот ты попадешь в ад!

– Я знаю, – ответил Олег довольно, – хорошо!

– Чем? – спросил Томас с подозрением.

– Во-первых, ты не будешь под ногами мельтешить, а главное – в аду у меня будет общество королей, императоров, пап, герцогов, знатных сеньоров, в то время как рай населен одними нищими, монахами, аскетами, юродивыми, дураками!

Он откровенно скалил зубы, Томас стиснул челюсти, не зная, как ответить, что-то неправильное в Святом Писании, либо священники не так поняли или не так прочитали.

– Короли, – сказал, наконец, Томас сурово, – это короли! Они и в раю не могут сидеть за одним столом с чернью. У королей заслуги больше. Да, у них и преступления бывают больше, но и заслуги!.. А у черни ничего нет. Так что ты что-то про королей понимаешь неправильно. Они правят землями, с них спрос иной...

Он выпрямился, смотрел с достоинством вперед. Но на лицо легла печаль, а в синих глазах промелькнула темная тоска. Олег ехал рядом некоторое время молча, не зная, как утешить, все-таки из Томаса вполне мог бы получиться король, хоть и слишком честный и прямодушный, наконец, заговорил таким терпеливым голосом, что Томас оглянулся по

сторонам, не повторяет ли отшельник это же самое менее грамотным, туповатым простолюдинам:

– Не короли правят миром, Томас. И даже не императоры...

– Папа римский? – высказал догадку Томас.

Олег подумал, покачал головой.

– Нет, но тепло, тепло... Есть повыше на земле мощь, что правит и папой римским. Каждый папа ступает в узком русле, справа и слева высокие скалы. И хотя впереди нет дороги, но и папе не дано свернуть... Миром правят идеи, дорогой Томас. Идеи, вера, стремления. Но можно стремиться к тому, чтобы овладеть женой соседа, а можно – к совершенству. Всеми нами сперва движут очень простенькие желания, и только потом у некоторых просыпается нечто такое, что выше этих простеньких... Но, увы, таких людей мизерно мало. Самые же мудрые и сильные некогда образовали Совет Семи.

Томас вскинулся.

– Те гады, которые мешали нести нам Святой Грааль?

Олег поморщился, хотел возразить, но перевел дыхание и сказал кротко:

– Томас, Томас... Все мы знаем, даже дураки, как надо было поступить нам или даже королям там, в прошлом. Но никто не знает, что надо и как надо в будущем. И куда идти. И что делать. Но есть разница: Семеро Тайных все же глупят реже, чем простой народ! И ошибки их не настолько... ужа-

саючи, как если бы на их месте оказался кто-то из нынешних королей, герцогов, баронов или простых крестьян.

Томас спросил враждебно:

– Значит, когда пытались нас остановить, то была всего лишь ошибка?

– Ошибка, – согласился Олег. – Недооценка новых реалий, что незаметно вошли в жизнь. А так вообще, Семеро Тайных делают очень благое дело. Мир улучшается, Томас, улучшается!..

– И что, это заслуга – Семерых? Или защищаешь потому, что ты сам был... из их шайки?

Олег затаенно улыбнулся.

– Просто еще раз объясняю тебе, кто на самом деле правит миром. А короли... это пешки в руках Тайных. Даже если не догадываются об этом. Потому не надо жалеть о потере королевского трона. Лучше быть вот таким свободным рыцарем, как ты, чем королем на ниточке.

Глава 14

Прекрасная вымощенная камнем дорога, достаточно широкая, чтобы проехали четыре телеги в ряд, идет на восток, рассекая леса, холмы. Звонко стучат копыта, Томас снял шлем, белокурые пряди красиво трепало легким ветерком. Олег угрюмо зыркал из-под насупленных бровей по сторонам.

Здесь, он помнил, воздух трепетал от рева многочисленных стад, озер не было видно из-за множества уток и гусей, а сейчас дикий край, словно здесь не ступала нога человека. И так по всей великой Римской империи: распаханые земли пришли в запустение, а на них выросли дикие дремучие леса.

И так – на тысячу лет.

Он поморщился, вспомнив некогда гордый Рим, владыку мира, в руинах, обезлюдивший, заросший травой и кустарником, вспомнил знаменитый Капитолийский холм, где некогда решались судьбы мира, а он увидел, как неграмотный пастух пасет там стадо коз...

Да и здесь все было не так, не так... От горизонта и до горизонта тянулись распаханые поля, пролегали широкие дороги, хоть и не римские, понятно, но просторные, удобные, с отводами для воды по краям. И дома были как дома, а не угрюмые крепости, ежечасно готовые к защите: куда приходил Рим с его юриспруденцией, там разбойников называли разбойниками и развешивали вдоль дорог на крестах, а не делали их графами, баронами и герцогами. Мир под властью Рима был безопасен. Всяк мог проехать всю бесконечную империю от края и до края, не подвергаясь нападению.

Ну, уточнил он себе, почти не подвергаясь. Совсем без разбойников не бывает, но в римском мире их истребляли нещадно и жестоко. А здесь разбойники сгоняют крестьян строить им укрепленные разбойничьи гнезда, а затем соби-

рают с этих крестьян чисто разбойничью дань...

Дорога упорно шла по прямой, несмотря на то что местность начала местами горбиться, пошла холмами, земля покрылась крупными камнями округлой формы, которые никак не могли остаться от разрушенных гор или скал: тех нет вблизи и в помине. Но ломать над загадкой голову Олег не стал, а когда Томас в очередной раз восхитился дорогой, указал на канавы по обе стороны:

– Это их заслуга.

Томас посмотрел с недоумением, просиял, поняв:

– Отводят воду?

– Да. Иначе давно бы размыло. Римляне строить умели... Вот только империю возвели с каким-то изъязном. И богатая, и могучая, и просвещенная, и вроде бы справедливая, все на законах и праве, но что-то не дало ей...

Томас фыркнул:

– Это мы «что-то»? Мы не что-то, а христианское воинство! Взяли и не дали!

Олег спросил кротко:

– Почему?

– А там были язычники, – пояснил Томас победно. – Вавилонские блудницы, сосуд греха и всякая хула на Бога... своим существованием. Вот наше крестоносное воинство и сокрушило нечестивцев! Теперь там наш папа.

– Гм, – пробормотал Олег, – ну... если учесть, что ворвавшиеся в Рим вандалы были уже христианами, то... в це-

лом верно, как ни странно. Чисто по-христиански сожгли все библиотеки, уничтожили все музеи, перебили все мраморные статуи, а уж население – все под нож, кому нужны юристы, инженеры, законотворцы, композиторы, скульпторы...

Томас, не слушая, рассматривал рощу, мимо которой едут, Олег вздохнул и подумал, что и хорошо, что рыцарь не слышит. Если и для него, благородного рыцаря, Рим пока что смрадная блудница, то что спрашивать с диких озверелых вандалов? Рушили гнездо разврата с полным осознанием правоты своего дела.

Он снова вздохнул, не желая признаваться, что в глубине души признает их полную правоту. Нужно было уничтожить. Рим достиг пика могущества, а оно привело к самодовольству и уверенности, если самые сильные, то и самые правые и правильные. К тому же у них, помимо инженеров, есть юристы и тщательно проработанные законы на все случаи жизни. Значит, весь мир должен принять их римский образ жизни.

– Застой, – пробормотал он под нос, – надвигался снова великий застой... Надо было сокрушить. Надо. Мне винить себя нечего...

Но перед глазами встали руины библиотек, разбитые молотами прекрасные мраморные статуи, пасущиеся козы там, где заседал сенат, верша судьбы мира, и во рту стало горько, будто пожевал полыни.

Разрушили варвары, а когда начали отстраивать, то остатки римского величия сокрушили монахи. Они прошлись с

молотами и раздробили статуи языческих демонов, вытащили из книгохранилищ и во имя Господа сожгли все нечестивые книги и свитки, а они все нечестивые, раз не написаны святой церковью. Они уничтожали все языческое, порой с грязной водой выплескивая и ребенка, но... лес рубят, щепки летят.

Захваченные запасы хлеба и сыра скоро кончились, но Олег, отлучаясь в лес, всякий раз приносил полную корзину малины, грибов, а также – учитывая аппетит Томаса – молодых толстых зайцев. Наконец Томас обратил внимание, что, вывалив ягоды на расстеленную скатерть, Олег всякий раз небрежно забрасывает корзину в кусты, чтобы о ней поскорее забыли, а на очередном привале снова приносит ягоды в ней же. Или в такой же.

Однажды он заметил саркастически:

– И быстро же собираешь... Или там тебя уже ждут с отборными ягодами и грибами?

– Кто ждет? – спросил Олег.

– Гномы какие-нибудь нечестивые...

Олег вздохнул.

– А, ягоды... Это пустяки. А вот с зайцами чуть сложнее.

– А как они у тебя убиваются? – поинтересовался Томас. – Когда бегут к тебе – головой о дуб? А как же вешаются тебе на пояс? Неужто сам, ручками?

– Это у тебя такие шуточки? – спросил Олег с неодобре-

нием. – Ты думай о христианских ценностях, а не всяких там зайцах. А то странно у тебя голова устроена. Дома женщина осталась, за которой ты спулся в ад и поднимался на небеса, а тебя какие-то зайцы беспокоят!

Томас сказал наставительно:

– Женщина дома, о ней можно не беспокоиться. А вот зайцы... если они из нечистых рук... Впрочем, мы в дороге, а для странствующих Господь предусмотрел некоторые льготы. Нужно только не нагнать уж слишком, а так вообще можно есть и некрещеных зайцев. Но молитву нужно прочесть непременно, для молитв отдельного мешка не требуется!

– Это да, – согласился Олег подозрительно быстро. Поинтересовался: – А ты много молитв знаешь?

– Много, – ответил Томас гордо.

– Какие?

– «Ave Maria», – ответил Томас гордо, – «Laudetur Iesus Cristos» и даже «Dominus, dominus... aliluia».

– Ого, – сказал Олег уважительно. – Ну и какие там слова?

Томас удивился:

– Я ж тебе сказал! Есть молитва «Ave Maria», а есть – «Laudetur Iesus Cristos». Какие тебе еще слова?

Олег протянул озадаченно и с огромным уважением:

– Извини, это я дурак, не понял... и о тебе думал... гм, прости, что усомнился!

На пятый день пути с утра поднялся туман, а вдобавок

ко всему посыпался мелкий дождь, перешел в ливень. Холодные струи промочили одежду, Олег оглянулся на Томаса, однако рыцарь держится в седле ровный, как свеча, плечи развернуты, на губах снисходительная улыбка. Олег зябко передернул плечами. Гадко в промокнувшей одежде, но куда же рыцарю, которому вода затекает во все щели доспехов и чавкает там, хлопает, чмокает, а он все так же держит морду любезной и приветливой, притворщик христианский, как и все учение Христа – одно притворство...

Он привставал в седле, прислушивался и принюхивался, наконец, вытянул руку.

– Там в лесу неплохой домик... Вот тропка!

Томас вскинул бровь, но, привыкши доверять дикарю, тоже дернул повод. Деревья нехотя расступались, ненадолго укрыв от дождя, зато малейшее прикосновение к ветвям обрушивает на голову и плечи целые водопады. Не слишком утоптанная тропка вывела даже не на поляну, а на небольшое поле, огороженное прочным частоколом. В середине высятся прочный бревенчатый дом, из трубы аппетитно вьется синий дымок. Помимо дома, виднеются еще и пристройки, из которых сразу угадывалась просторная конюшня.

Томас провозгласил громко:

– Что ж, окажем лесному жителю честь своим присутствием!

– Как же, – пробормотал Олег, – сам почти король пожаловал...

Томас услышал, поправил с достоинством:

– Не король, но благородный рыцарь сэр Томас из Гисленда. И пусть здесь не знают, где этот Гисленд и что вообще страна зовется Британией, но христианские законы гостеприимства святы.

– Они не христианские, – уязвил Олег. – Еще Зевс бродил в личине странника и наказывал тех, кто не давал приюта. Да вообще у всех богов была такая причуда. Впрочем, не думаю, что здесь совсем уж дикий человек... Такое хозяйство!

Они медленно ехали вдоль изгороди, отыскивая вход, из-под крыльца выскочили два огромных пса и подняли оглушительный лай. Вскоре в дверном проеме показался мужчина в наброшенном на голову плаще, взгляделся, крикнул зычно:

– Вон там левее калитка!.. Не бойтесь, собаки на привязи.

Олег спрыгнул, открыл калитку, Томас въехал первым и, ухватив повод коня Олега, завел следом. Конюшня оказалась в самом деле конюшней, в полумраке он увидел блестящие глаза, услышал смачный хруст овса, дохнуло животным теплом крупных зверей. Олег ввел коней в свободные ясли, бросил овса, а когда вышел под дождь, Томас уже исчез в доме.

Как и понял по конюшне, предприимчивый хозяин перестроил свой дом под постоянный двор. Большая дорога проходит совсем близко, ее не видно из-за пелены дождя, а сам дом, если присмотреться, совсем не деревенский домишко: непривычно высокий фундамент из плотно подогнанных

камней, стены из толстенных бревен, все это огорожено высоким частоколом, ворота из толстых досок, стрелой или дротиком не пробить, да еще и оббиты широкими полосами металла.

Двор просторный, теперь уже видно, что, помимо конюшни, здесь обязательные кузница, шорная, булочная, плотничья и лавка со всякими мелочами, что могут пригодиться в пути. Олег на крыльце отряхнул воду с одежды, дверь распахнулась в небольшое, жарко натопленное помещение. Томас разговаривал с невысоким мужиком в фартуке, явно хозяином, брезгливо указывал на стол, где объедки плавают в пролитом супе, из-за столов на них поглядывали кто с любопытством, кто с интересом.

Олег подошел, почтительно поклонился Томасу, доложил, что кони устроены, как насчет пожрать. Томас если и заметил издевку, не подал виду, жестом велел идти за стол, с которого спешно счищали грязь, вытирали и чуть ли не скоблили столешницу. Сам он старался не таращиться, подобно простолюдину, по сторонам, однако в этом трапезном зале среди множества обедающих, ужинающих и просто пирующих обнаружил за одним из столов троих рыцарей, а еще дальше за небольшим приставным столиком расположился богато одетый сеньор с оруженосцем и слугой его цветов. Рыцари вообще-то редкость в этом насквозь рыцарском мире: не всякое поместье в состоянии дать такой доход, чтобы купить и боевого коня, который стоит примерно столь-

ко, сколько триста крестьянских лошадок, и крайне дорогие доспехи и вооружение – одни рыцарские доспехи включают около двухсот тщательно прилаженных деталей, и малейшее повреждение требует дорогостоящего ремонта у опытных оружейников. Так что встретить рыцаря на дороге – уже редкость, но когда в одной гостинице сходятся сразу несколько, это не простое совпадение.

Он со всей учтивостью поприветствовал всех, стараясь в коротком приветствии выказать и галантность, и чувство собственного достоинства. Рыцари отвечали кто как, но видно было, что все стараются в меру своего деревенского воспитания выглядеть изящными и с хорошими манерами.

Один со всевозможной учтивостью представился сэром Ольбрехтом из Найлэнда, попросил позволения пересесть за их стол. Томас встал и ответил в цветистых выражениях, что весьма и даже весьма, а также очень, на что любезный сэр Ольбрехт раскланялся и галантно опустился на лавку с той стороны стола, продолжая рассматривать сэра Томаса живыми смеющимися глазами, полными доброжелательства и сдержанного любопытства.

– И вы на турнир? – поинтересовался он. – Идут слухи, что приедет даже принц Уэльский, а также герцог Еллок с братьями, а это уже что-то! Их всегда сопровождает огромный двор, в нем красивых женщин всегда больше, чем рыцарей...

Томас поинтересовался сдержанно:

– А что за турнир?

Сэр Ольбрехт приятно удивился.

– Вы даже не слышали? Из какого же медвежьего... простите, каких дальних владений добирались? Соперничество между родами Лангера и Армагака достигло такого накала, что они решили устроить турнир и сразиться там своими отборными отрядами. Король в ярости, церковь обещает участникам турнира геенну огненную, но честь, господа, честь!..

Томас кивал, все понятно, когда задета честь, в задницу короля со всей церковью, Господь именно честь вдунул в ком глины, тот потому только стал человеком.

– Нет, – сказал он с сожалением, – мы едем по весьма неотложным делам.

– А турнир? – воскликнул сэр Ольбрехт.

– Увы, – ответил Томас с искренним сожалением.

Он заметил, с каким интересом Олег присматривается и прислушивается, нахмурился, чувствуя себя жуком на блюде, за которым наблюдает мальчишка. Сэр Ольбрехт обвел рукой зал.

– Турнир! Все на турнир. Благородный сэр Лангер полон решимости доказать, что его рыцари гораздо лучше подготовлены и вооружены, чем у сэра Армагака, который дважды побеждал на турнирах в Зассексе.

Томас покосился на Олега, уже и рыцари говорят о торговых дорогах, как о чем-то очень важном. Подумать толь-

ко, какая-то презренная торговля начинает влиять на облик страны!

– А что король Гаконд? – поинтересовался он осторожно. – Кроме того, что в ярости?

Сэр Ольбрехт рассмеялся.

– Издал жесточайший указ, запрещающий любые турниры по всему Эссексу.

Томас кивнул, это понятно, как понятно и то, что при вольностях сеньоров этим указом подотрут задницу. Олег прислушивался, спросил вежливо:

– Геенна – это так, угроза, а ничего конкретного?

Рыцарь посмотрел на него без интереса и даже с неудовольствием, как на всякого простолюдина, будь даже высокого звания, что вмешивается в беседу лиц благородногословия, ответил, обращаясь к Томасу:

– Церковь пообещала отлучать от церкви всех, кто участвует в турнирах. Дескать, нарушаются все заповеди, а также участвующие виновны во всех семи грехах, начиная с гордыни... Но сэр Лангер, как я уже сказал, полон решимости. Турнир на этот раз большой, даже грандиозный!.. Съедутся рыцари не только сэра Лангера и сэра Армагака, но и со всех графств. Ожидается приезд даже из других королевств, герцогств и баронств.

Томас кивал, соглашался, сам с покровительственным интересом посматривал как на сэра Ольбрехта, так и на рыцарей за общим столом. Они почти ничем не отличаются от

простых воинов, за исключением рыцарских шпор, но, к счастью, для турнира не нужно ничего специального: ни коня, ни доспехов, ни оружия. Все то же самое, как в бою, так что участвовать могут все люди благородного звания, а при удаче каждый имеет шанс захватить богатую добычу и получить за нее хороший выкуп.

Жаркий сухой воздух постепенно высушил одежду прямо на теле. После сытного ужина Томас ощутил, как сильно клонит в сон, калика исчез, потом Томас увидел его договаривающимся с хозяином о ночлеге. Народу много, объяснял хозяин виновато, даже слишком, обычно здесь поспокойнее, свободных мест нигде и никаких, разве что в конюшне, все-таки не под открытым небом, Олег шепнул ему что-то мирно, хозяин как-то разом подобрел, велел слуге открыть особую комнатку, предназначенную для путешествующих особ королевской крови.

Глава 15

Рано утром Олег проснулся от неприятного вжиканья: благородный рыцарь сэра Томас, несмотря на всю длинную родословную из убитых, утопших и казненных по заведомо облыжным обвинениям, самолично острил мизерикордию, мерно проводя точильным камнем по лезвию. Лицо у него лучилось счастьем, как у ребенка, которому подарили любимую игрушку.

– Че те не спится? – проворчал Олег. – Это же какая красота – спать без задних ног!

– Всю жизнь проспшишь, – ответил Томас нравоучительно и, занятый делом, не заметил, как не по адресу прозвучало. – Любой день начинается с малой войны между желаньем поспать и побриться! И вообще нет ничего более неприятного, как проспать обед.

– До обеда, – проворчал Олег, – вроде бы далеко... Пойду взгляну.

– Как готовят обед?

– Да уж найду, – проворчал Олег загадочно, – на что...

Томас даже не проводил его взглядом, любовно проверял остроту лезвия, прищелкнул языком. Тонкий и острый клинок легко проникнет даже через самую узкую щель забрала, проткнет глаз противника, не пожелавшего просить пощады, и поразит мозг, после чего мизерикордию можно вытаскивать, вытереть и вложить в ножны, а над гордым рыцарем прочесть заупокойную, чтобы душа без помех и проволочек – в христианский рай.

Олег проверил коней, проследил, чтобы воды добавили чистой, ключевой, а когда вышел из конюшни, во двор въехал целый отряд, состоящий из знатного рыцаря с его сопровождением: оруженосцем, слугами, лучником и копейщиком. Все на хороших конях, сам рыцарь гордо восседает на темном как ночь жеребце, алая мантия с серебристым мехом красиво падает с прямых плеч на конский круп, булат-

ный панцирь на груди украшен замысловатым гербом, широкий пояс из крупных металлических пластин поддерживает меч и мизерикордию. Шлем везет ошастливленный доверием румянощекий оруженосец, его конь тоже под цветной попоной, из-под которой выглядывает стальной пластинчатый панцирь, только уздечка и вся сбруя украшены серебром, а не золотом, как у господина.

Слуги поспешно соскакивали с коней, но рыцарь бросил поводья Олегу и велел:

– Кормить отборной пшеницей!.. Поить – только ключевой водой! Обманешь – заporю!

Олег подержал поводья, вежливо передал подбежавшему слуге.

– Зачем так грубо? – спросил он вежливо. – Заporю... Здесь, как я догадываюсь, уже не ваши владения.

Рыцарь моментально побагровел, в руке его появилась плеть. Он занес ее над головой Олега, тот выждал момент, шагнул в сторону, перехватил и плеть, и руку. Рыцарь вылетел из седла с неожиданной легкостью. Послышался тяжелый удар о землю, заскрежетали доспехи. Рыцарь остался лежать на земле, раскинув руки.

Оруженосцы и копейщик бросились к наглецу, на ходу обнажая оружие. Олег с самым мирным видом вскинул руку.

– Тихо-тихо, ребята. Не своевольничайте. Дождитесь, что вам хозяин велит. А то за самоуправство вам же и влетит...

Они остановились, глядя то на него, то на неподвижно-

го хозяина, а Олег улыбнулся им почти по-дружески и пошел в трапезную. Томас уже с аппетитом завтракал, Олег с порога заметил, что трапеза рыцаря ничем не отличается от еды простого народа, заполнившего таверну: большая чашка горячего супа, посреди стола перечница, которой Томас часто тряс над чашкой, затем перешел на легкую холодную закуску. Девушка быстро убрала пустую чашку, взамен перед Томасом появилось блюдо с горячей закуской, а затем пошло жаркое: баранья нога, бифштексы, каплун с гарниром из гречневой крупы, а на закуску принесли сдобные пироги и грушевый компот.

Неплохо, подумал Олег. Что значит, привык к походной жизни, когда не знаешь, будешь ли ужинать сегодня. А тут съешь полную чашку супа – ничего другое уже не лезет. Суп вообще должен подаваться в маленькой чашке. Лучше всего – на ужин. Но сейчас перебирать не приходится: лопай, что дают.

Он опустился на лавку, перед ним поставили такую же большую чашку супа, но Олег сперва взялся за холодное мясо, а суп к тому времени чуть остынет. Томас в нетерпении поглядывал в окно, там что-то многовато народу, явно прибыли еще гости, как бы их коней не сперли, хотя к их коням подойти убоятся...

– Как кони? – спросил он.

– Накормлены, – ответил Олег с набитым ртом.

– Копыта?

Олег отмахнулся.

– Даже не смотрел. Такие кони двести миль пройдут по горным дорогам, прежде чем хоть одна подкова начнет побрякивать. Ешь, пора ехать.

После компота из свежих ягод они выбрались из-за стола, Томас расплатился щедро, сообщил, что отбывают, всем довольны.

Во дворе народу в самом деле прибавилось, отдельной группкой стоят вчерашние рыцари. Едва Томас показался на крыльце, один отделился от остальных, отвесил Томасу вежливый поклон.

– Весьма сожалею, сэра, – сказал он тоном, полным раскаяния, – но, пока вы изволили завтракать, здесь случилась неприятность.

Томас надменно вскинул брови.

– И что же? – поинтересовался он.

Рыцарь указал в сторону отдельной группки слуг, оруженосцев и ратников только что прибывшего рыцаря.

– Только что прибыл сэра Малькольм, – сказал он очень вежливо, – очень могущественный сеньор, исполненный доблести и мужества. Но ваш слуга... или не слуга, но он ваш человек, выдернул его из седла и... ударил о землю. К сожалению, сэра Малькольм сейчас не может подняться, у него переломаны кости, а трое кузнецов стараются извлечь его из погнутых доспехов. Он просил нас потребовать от его имени удовлетворения...

Томас бросил злой взгляд на Олега.

– Так, может, пусть он и требует у того, кто его так?

Рыцарь развел руками.

– Всем видно, это человек неблагородного звания, хотя одет в очень приличные одежды. Видимо, по недоразумению. Или украл где-то у весьма достойного человека. Поэтому отвечать надлежит вам как рыцарю и его покровителю. Я вижу, вы спешите, сэр, потому мы проведем поединок здесь же. И сейчас.

Он поклонился и отступил, а из группки рыцарей выступил вперед рослый и крепкий мужчина в прекрасных доспехах. Ему подали меч и щит, он осмотрел меч, взмахнул им и нанес перед собой прямой удар, способный расколоть стальной панцирь, тут же без передышки крутнул, как мельница крылья под сильным ветром, молниеносно перебросил в другую руку, тяжелый меч перепорхнул легко и послушно, снова завертел им, уже не столько принаравливаясь к новому оружию, сколько бахвалясь умением.

Томас смотрел очень внимательно, всегда надо смотреть на тех, кто сильнее, а этот крутит мечом так, что стальное лезвие свистит то над землей, грозя перерубить обе ноги, то тут же рассекает воздух на уровне шеи. Среди рыцарей раздались восторженные крики, самый старший из них дважды приложил ладони одна к другой, что явно означало бурные аплодисменты, и сказал с поощряющей усмешкой:

– Великолепно! Просто великолепно.

– МонсенЬор, – ответил рыцарь с усмешкой, – думаю, это умеют даже дети. Зато вот это...

Он вытащил из ножен на поясе длинный кинжал, больше похожий на короткий меч, все смотрят с ожиданием, и он начал сразу действовать мечом и кинжалом, очень быстро и настолько сложно, что сверкающая стена стали окружила его со всех сторон, даже двойная стена: кинжал рассекает каждого, кто сумеет пробраться ближе, а меч с легкостью убьет любого на расстоянии двух-трех шагов.

Зрители ахали, восторгались, Томас нахмурился, движения умельца запомнить можно и не стараться, учиться вот так рубить мечами начинают с пажей, оруженосцы уже умеют, а рыцари только оттачивают умение. Когда такой рыцарь перед боем облачается в доспехи, надевает шлем и опускает забрало, становится непобедимым. Во всяком случае, уложит десяток воинов, а то и не один десяток, прежде чем противники догадаются уступить место арбалетчикам.

«Правда, – мелькнула мысль, – в тяжелых рыцарских доспехах ты долго так вот не поработаешь мечом. И сейчас зря расхвастался. Я бывал в настоящих боях, а это не совсем то, что турнирные. Не знаю, может быть, в твоих землях принято сражаться полуголыми, эти приемы годятся больше для таких схваток, когда малейшее прикосновение лезвия оставляет глубокую рану на теле, но чтобы повредить доспехи, все-таки нужны прямые рубящие удары, причем – тяжелые, а не это мухачество».

– Назови свое имя, – потребовал Томас.

– Сэр Теодор, – ответил рыцарь надменно, – владелец земель Астингса и Неерля, барон Высоких Холмов и виконт Желтой Реки.

– Сэр Томас Мальтон из Гисленда, – назвался Томас четко. – Господи, прими душу этого рыцаря с миром, ибо я зол и могу не удержать карающую руку... Аминь.

Он опустил забрало, взял меч и щит, сделал шаг вперед. Сэр Теодор тоже опустил забрало, через узкую щель полыхают лютой злобой глаза. Ростом он чуть ниже, зато с длинными руками и бочкообразным туловищем на коротких толстых ногах, такие всегда устойчивы в бою, их почти невозможно сбить на землю. И меч длиннее, и щит шире, хотя двигает им с такой легкостью, словно это щепочка.

– Сэр Теодор, – сказал Томас, – вы еще можете отказаться. Я в самом деле зол, ибо очень спешу и не люблю, когда меня задерживают по разным пустякам.

Из-за опущенного забрала глухо проревело:

– У меня не было к вам неприязни, сэр. Но вы дважды ухитрились оскорбить меня. Теперь не жалуйтесь!

– Мне вовсе не хочется вас убивать, – объяснил Томас. – Но я зол...

– Это я слышал, – прорычал рыцарь. – Но теперь и я зол. Сейчас от вас, любезный сэр, останется куча железок, которые возьмет разве что деревенский кузнец на подковы.

Томас вздохнул.

– Сэр, вы невыносимо грубы. И скучны мне.

Он обнажил меч. Красивый меч, видно сразу, синеватое лезвие посредине испещрено мелким узором, искусно сделанный эфес в виде львиной головы закрывает кисть полностью, пальцы не скользят по рукояти, что покрыта чем-то вроде рыбьей кожи, в то же время чувствуется надежность и мощь.

Еще одна голова льва с вставленными в глаза рубинами украшает навершие рукояти, великолепный меч. Остается надеяться, что так же хорош и клинок.

Сэр Теодор встал перед ним, щит закрывает левую сторону груди, меч начал подниматься для удара сверху, но это слишком просто, явно последует удар наискось, а то и вовсе по горизонтали в область пояса, даже коленей...

– Ге! – вскрикнул Теодор.

Вопль был такой мощный и неожиданный, что Томас на миг оторопел, а Теодор уже ринулся в атаку. Едва ли не чудом удалось принять удар его меча на щит, а ответным Томас поразил Теодора в голову. Удар не силен, однако на первых минутах схватки такие не пропускают, Теодор пошатнулся и на несколько мгновений опустил меч и щит.

– Добивай! – кричали со всех сторон кровожадно. – Добивай!

Томас сказал с надменной гордостью:

– Это не враг, а просто дурак.

– Ну и что, – прокричали ему. – Добивай и дурака!

– Тогда всех вас нужно перебить, – ответил Томас. – Господь велит быть милосердным к убогим...

Теодор взревел, меч блеснул в воздухе, Томас встал в оборонительную стойку, из которой очень легко перейти в контратаку, меч его постоянно грозил Теодору, а тот, вместо того чтобы постараться прийти в себя, бросился в атаку очертя голову.

Чего Томас меньше всего ожидал, так это шквала быстрых и сильных ударов, что обрушились на него со всех сторон. Теодор ухитрялся бить справа и слева, наносил удары в голову, плечи, руки и с такой же легкостью – в ноги, что всегда нелегко для тяжеловооруженного рыцаря. Даже щитом он ухитрялся наносить удары, когда краем, когда всей выпуклой частью.

Томас невольно отступал, страшась больше всего, что под ноги попадется камень или полено, закрывался щитом и мечом, на панцирь принимая только самые легкие удары, все высматривал щель в защите, но Теодор на редкость владеет искусством фехтования, которым многие рыцари бесстыдно пренебрегают. И хотя все удары только рубящие, но из них треть – обманных, за которыми обычно следует тяжелый рубящий, чаще всего неожиданный...

Зрители начали орать что-то презрительное. Томас все отступал и, наконец, ощутил, что более тяжелый противник, который в атаке расходует сил втрое больше, начинает хрипеть и выдыхаться, и движения стали не такие уверенные и

быстрые. Томас продолжал пятиться, а потом, не останавливаясь, неожиданно метнулся вперед, с такой силой вскинул щит навстречу падающему мечу Теодора, что вместе с жутким лязгом через узкую щель забрала донесся болезненный вскрик.

– Закончим? – вскрикнул Томас.

Его железный кулак с силой ударил сбоку в шлем Теодора. Голова мотнулась, будто лягнул конь. Мгновение рыцарь стоял неподвижно, Томас уже собирался добавить, но сэр Теодор качнулся назад и грохнулся, не сгибая ног, навзничь во всю длину. Руки красиво разметал в стороны, меч и щит выскользнули из рук, как большие скользкие рыбыны.

Томас поставил ногу на грудь, демонстрируя полную и окончательную победу, выразительно пощупал рукоять мизерикордии.

Зрители в ожидании умолкли, а он сказал холодно:

– Отнесите дурака в таверну. Пусть выпьет, а потом проспится. Завтра он на это посмотрит иначе.

Рыцари и оруженосцы молчали, а когда Томас провел по ним холодным взглядом, исполненным презрения, все опустили глаза. Олег, затаенно улыбаясь, подвел коней. Томас вскочил в седло, красиво выпрямился и направил коня в сторону ворот.

Когда выехали на дорогу, Олег сказал с некоторым удивлением:

– А что ж ты насчет того, что убьешь, убьешь?.. Не сдер-

жал слова! А еще рыцарь!

Томас буркнул:

– Помалкивай, а то и тебя пришибу. Мое милосердие кончилось на том дураке, хотя дрался он, признаю, просто великолепно.

– Но не убил, – напомнил Олег. – Хотя предупредил!

– А зачем? – переспросил Томас. – Мы все – братья, как говорит Христос. Во всяком случае, братья по оружию.

– А Каин разве не братом Авелю был?

– То было давно, – коротко ответил Томас.

Глава 16

Дорога становилась все оживленнее, то и дело встречались торговые караваны, а по обе стороны тракта все чаще зеленели сады и поля, на лугах тучные стада коров, озера заполнены утками и гусями, домики крестьян выглядят добротными, ухоженными.

Миновали еще два города, дорога стала шире, прямее, устремилась в долину, где среди отрогов невысоких гор расположилась новая столица Эссекса. Городская стена, к удивлению Томаса, оказалась простой деревянной. Обычный частокол с башенками через каждые сотню шагов, даже над воротами в город с обеих сторон по деревянной башне.

– У нас такими частоколами, – сказал Томас пренебрежительно, – крестьяне деревни огораживают! От волков.

– Король Гаконд месяц назад переехал сюда, – сообщил Олег. – И объявил столицей этот Кастрл. А прежняя столица обнесена высокой стеной из толстых каменных глыб.

Томас удивился.

– Но... зачем? Если тот город был укреплен лучше?

– Тот слишком близко к границе, – объяснил Олег. – Во-вторых, здесь большинство караванных путей. Так что каменная стена будет, не волнуйся. Причем без всяких усилий, без надрыва. Город быстро богатеет... Совсем недавно здесь только кабаны топтали высокую траву...

Томас фыркнул, «совсем недавно» у отшельника может означать и неделю тому, и сто лет, и тысячу.

Встречные поглядывали на них с интересом, такие могучие воины на прекрасных конях встречаются не часто. Смирные крестьянские лошадки, что тащат повозки по обе стороны дороги, не идут ни в какое сравнение с рыцарскими конями, а эти двое вообще восседают даже не на конях, а на демонах, принявших облик коней: глаза огненные, страшно храпят, потряхивают красными, как пламя ада, длинными гривами, а копыта их ну никак не меньше, чем тарелка для супа.

Стражи на воротах получили по монетке за въезд, Томас перехватил их заинтересованные взгляды, но никто не спросил, кто и зачем. Если рыцарь, то, понятно, на турнир.

Город, как сразу заметил Томас, гудит, как встревоженный улей. С одной стороны, нашествие рыцарей, а с каж-

дым прибывает многочисленный отряд оруженосцев, пажей и слуг – приносит волнения и тревоги, кого-то буйные рыцари могут избить или покалечить, каких-то женщин наверняка изнасилуют, но, с другой стороны, такое обилие богатых гостей приносит прибыль не только владельцам гостиниц и трактиров, но и всем, кто поставляет в эти трактиры еду, посуду, кто принимает и обслуживает прибывших. После каждого крупного турнира любой город, при котором он проводился, чувствовал, насколько потяжелела его казна.

– Некстати, – сказал Томас досадливо, – только дурацкого турнира не хватало!

Олег изумился.

– Турнира? Дурацкого?.. От рыцаря ли слышу?

– Да пошел ты, – огрызнулся Томас. – Королю будет не до меня с этим турниром.

– Дык прими участие, – сказал Олег, – выиграй первый приз, добудь славу лучшего бойца, твое слово станет намного весомее. Да, король запретил турнир, но он все-таки будет?.. А с победителем, знаешь ли, считаются и те, кто их не любит.

Томас помотал головой.

– Нет, – отрезал он. – Те, кто воевал по-настоящему, кто терял друзей в бою, кто нес раненых и умирающих через раскаленные пески, редко дерутся в этих... турнирах. Это несерьезно. Нет, надо как-то добиться аудиенции у короля еще до турнира. А то, когда начнет расправу с нарушителями королевского приказа, я не пробьюсь к трону.

Олег указал на высокое здание, скромно отступившее в глубь двора. От нескромных взоров оно отгородилось высокими густыми деревьями.

– Вот неплохая гостиница.

Томас посмотрел с подозрением.

– Гостиница?

– Точно, – заверил Олег.

– На гостиницу не похожа, – сказал Томас с сомнением.

– А здесь для приличных людей, – объяснил Олег.

Они подъехали к воротам, Олег взялся за медный молоток и трижды опустил на медную же пластину. Выждал и ударил еще два раза. Томас смотрел с сомнением.

– А ты откуда знаешь?

– Чутье, – объяснил Олег скромно.

Томас вздохнул.

– Где тебя только не носило. Но как в приличную гостиницу попал, не понимаю.

В дверце открылось окошко, мелькнуло бородатое лицо. Хриплый голос спросил, чего надо. Олег объяснил, что они от купца такого-то. Дверца захлопнулась, загремели засовы. Томас ждал, что откроют дверцу, но для них распахнули ворота. Удивляясь, но помалкивая, Томас тронул коня, медленно въехали во двор.

Бородач закрыл ворота, снова загремели засовы. Дорожка петляла между деревьями, оттуда навстречу гостям спешил толстенький ухоженный человек. Увидев гостей, он всмот-

релся, всплеснул руками, розовое лицо расплылось в изумленно-умильной улыбке.

– Господи, торговый человек ибн Олег! Счастливы вас видеть!

Олег неспешно покинул седло, бросил ему поводья. Розовый человек ловко поймал их, Олег промолвил отстраненно, словно погруженный в сложные дела коммерции:

– Мы ненадолго.

– Сколько скажете, – ответил розовый человечек угодливо. – Позвольте проводить вас в ваши покои... За коней не беспокойтесь, я нанял в ваше отсутствие двух лучших в городе конюхов! Вашего слугу тоже поселим от вас поблизости... где-нибудь поближе к кухне. Прошу вас, господин, осчастливьте нас своим посещением после такого долгого отсутствия!

Обалдевший Томас шел позади всех, бородач уже принял у него коня, Олег идет впереди, а толстячок забегает то справа, то слева, кланяется угодливо и что-то рассказывает, рассказывает, похожий на торопливо отчитывающегося за время отсутствия грозного хозяина вороватого управителя.

А он, Томас Мальтон из Гисленда, уже почти побывавший королем, в понимании этого управителя – слуга почтенного торговца ибн Олега? Ну и шутки у Создателя!

Дорожка прихотливо петляла между деревьями. Потом пошли розовые кусты, наконец, открылось вымощенное пространство, в центре которого возвышается ухоженный трех-

поверховый дом. Во всем чувствуется добротность, домовитость, управитель забежал вперед, Олег двигается так, словно перед ним и должны открывать угодливо двери, Томас помалкивал, хотя рыцарская гордость бурлила и распирала грудь праведным гневом.

Когда их провели наверх, Олег на ходу коротко распорядился, чтобы «слугу» тоже пропустили с ним, Томас ахнул, обнаружив самые роскошные покои, которые мог только представить: никакие королевские покои ни в какое сравнение, разве что у Мелик-шаха настолько изысканные и роскошные, но Олег и здесь вел себя, как дикарь: на ходу сбрасывал одежду и расшвыривал ее, нимало не заботясь, куда упадет, стащил сапоги и рухнул на дивное роскошное ложе.

– Ух, – сказал он удовлетворенно. – Хорошо... Поесть принесут сюда, не скули.

Набывчившись, Томас рассматривал развалившегося на спине наглого язычника. Тот ответил откровенной бесстыдной улыбкой.

– Это ты, – спросил Томас с недоверием, – торговый человек? Ибн... как тебя?

Олег фыркнул:

– Уже имя мое подзабыл?.. Не дуйся, сбрасывай доспехи. Переведем дух, подумаем, как попасть к королю. Я сказал, что поесть принесут сюда?

– Сказал, – ответил Томас раздраженно. – А ножками-ножками не хочешь потрудиться, спуститься в трапез-

ную?

– Здесь нет трапезной, – объяснил Олег равнодушно. – Разве что для слуг, только они обедают сообща. Да и то не все. А постояльцам подают прямо к постелям.

– Ну ты и свинья! – сказал Томас искренне.

– Ты это говорил, – напомнил Олег. – Что делать, есть гостиницы для общего люда, есть... для тех, кто может заплатить.

Томас спросил с подозрением:

– Это ты можешь заплатить? Что-то я не увидел при тебе запаса золотых монет!

– А мне и ни к чему, – ответил Олег. Он зевнул. – Мне и в долг поверят. Эта гостиница для особых клиентов. Я – особый.

– А я – слуга, – заметил Томас с сарказмом.

Олег отмахнулся, зевнул еще шире.

– Да что там. Ну, обознался мужик. В прошлый раз я приезжал со свитой, где ниже графа ни одного... У слуг доспехи и плащи лучше, чем у здешних королей... ты раздевайся, раздевайся! Или девок кликнуть, чтобы помогли?

Томас снял и поставил на широкий подоконник шлем, отстегнул и снял половинки панциря.

– Нет уж, – сказал он решительно, – догадываюсь, что здесь за девки, язычник непристойный! Спасибо, что сразу не позвал.

– Они прям ломились, – сообщил Олег радушно, – все хо-

тели услужить, помочь, а я им так и сказал, что ты женатый, потому не сможешь, увы, на тебе такое заклятие...

Томас сказал уязвленно:

– Никакого заклятия на мне нет! Я ж сказал, христианин имеет свободу воли, но хороший христианин борется с искушениями, в этом обретая гордость и величие духа. Я могу, но не стану.

– Точно? – переспросил Олег серьезно.

– А вот не стану, – повторил Томас гордо. – Ты не знаешь, что, воздержавшись от соблазна, можно больше получить счастья, чем... Эх, да что ты понимаешь, язычник! Что коза, что корова, что язычник – понятия у вас одинаковые...

В дверь деликатно постучали. Олег подал голос, вошла молодая женщина, цветущая и налитая зрелой красотой, поклонилась и сообщила ровным голосом, что ванна с горячей водой наполнена. Олег сделал вялый жест:

– Томас, иди. А мне надо перемолвиться с управителем. Помойся как следует, а то от тебя, как от всех трех коней, прет.

– А от тебя, – обиделся Томас, – как от козла!

Женщина и бровью не повела, услышав, как слуга разговаривает с господином, Томас ощутил, что в этой гостинице привыкли к странностям гостей, да и гости, судя по Олегу, здесь останавливаются очень необычные.

Дверь за ними уже закрывалась, когда услышал вдогонку:

– Отскоблите его хорошенько!.. Он полгода не мылся.

Олег успел быстро помыться, сменил одежду и отдал ряд распоряжений управляющему и слугам, когда распахнулась дверь, в облаке нежных ароматов вошел, шлепая босыми ногами, обнаженный до пояса Томас. Мокрые волосы торчат, как петуший гребень, чресла туго обтягивает широкое толстое полотенце.

– Ну ты и гад, – сказал он с гневом. – Почему не предупредил, что мне самому не позволят и пальцем до себя дотронуться?

– А что, – удивился Олег, – плохо отмыли?

– Три женщины, – сказал Томас обвиняюще. – У тебя есть совесть?

– Есть, – ответил Олег, – могу занять. Сколько надо?

– Свинья!

– От кабана слышу, – отпарировал Олег. – Хорошо отскоблили, я же вижу, чего жалуешься?

Томас сказал яростно:

– Представляю, какие видения меня посетят ночью!

Олег спросил с интересом:

– А ты в самом деле воздержался?

– Представь себе, – отрезал Томас с усталой гордостью, но Олег уловил в голосе рыцаря сильнейшее сожаление. – Я был стоек, аки... адамант. Да какой там адамант, все адаманты рассыпались бы, если бы их так чесали, гладили и терли! Это что, в самом деле гостиница?.. Это просто я даже не знаю

что... И тебя здесь знают? Как знатного торговца?

Олег вяло отмахнулся.

– Да вообще-то этот дом принадлежит мне, но даже управитель не знает... Как и еще кое-что в городе. Было больше, но ты же знаешь, эти постоянные войны, то да се... Словом, я послал сказать, что завтра мы должны быть представлены королю.

Голова Томаса шла кругом, он воскликнул:

– И гостиница твоя?... И эти женщины... И... а как попадем в королевский дворец?

Олег отмахнулся с небрежностью знатного сеньора.

– Оставь мелочи слугам. Думай лучше, что скажешь. Там уже ты будешь знатным рыцарем. Не скрывай, что тебя избрали было королем, но потом передумали. Все равно это со временем сюда докатится, а так ты сразу преподнесешь свою лживую версию. Попробуем ее закрепить.

Томас спросил с подозрением:

– Это какую же?

– Ну, что знатные сеньоры на воинском совете выдвинули тебя в короли, но ты вместо того, чтобы сразу сесть на трон, сперва по долгу рыцарства отлучился спасать свою женщину. А когда вернулся, рыцари сказали, что им нужен не рыцарь на троне, а король-хозяйственник.

– И где же лживость? – спросил Томас настороженно.

– Да кто поверит? – спросил Олег трезво. – Слишком красиво. Кто ж откажется сразу плюхнуться на трон и покрепче

угнездить там зад? А женщины... не одна, так другая, все одинаковые. Так что изложи сперва эту лживую версию, этого достаточно.

— А ты? — поинтересовался Томас. — Будешь моим слугой?

— Мечтай, мечтай, — ответил Олег безмятежно. — Я буду... гм... кем же на этот раз... да что придумывать, торговым человеком быть совсем неплохо. Это человек грядущего завтра.

Глава 17

Король Гаконд сидел на троне прямо и надменно, откинувшись на спинку и положив руки на широкие подлокотники. Пальцы у него, как сразу заметил Томас, привыкшие держать оружие, будь это рукоять меча или топора, древко пики или копья. Крупный, золотая корона на седых волосах, пурпурная мантия ниспадает с плеч, открытое лицо и ясный взгляд. Глаза усталые, под ними мешки в три яруса, а сверху нависают снежно-белые кустистые брови, взгляд пыливый, лицо человека, который всегда живо принимает все, что происходит вокруг. За спиной Гаконда по обе стороны высокой спинки духовник и грузный человек в мантии с золотой цепью на шее. Трон, как водится, на возвышении, к нему ведут три ступеньки, покрытые красной дорожкой, что идет через весь зал к дверям. Придворные и гости почтительно внимают под стенами. Освободив середину зала для приема

послов, знатных гостей.

Томас в великолепных доспехах и в новеньком плаще с эмблемой креста на спине стоял среди гостей, Олег протолкался к нему и встал рядом. Лицо довольное, словно ухитрился зажать в тесном коридоре сочную служанку и задрать ей подол.

– Как тебе здесь? – шепнул он.

– Не хвались, – ответил Томас угрюмо. – Зато здесь больше знатных рыцарей. И вообще здесь епископ, здесь присутствие Святого Духа, а у тебя там один вертеп.

– Зато какой, – ответил Олег и подмигнул.

Томас с надменностью отвернулся. Церемониймейстер представил королю прибывших в его владения герцога Колонелиуса и его брата Ундина, те церемонно раскланивались, король говорил дежурные любезности, Томас гадал, когда же представят его и как начинать разговор, что он готов поступить на службу королю, если ему выделяют какое-нибудь захудалое поместье, дохода с которого будет хватать на содержание его боевого коня и найма хотя бы десятка воинов для охраны владений от разбойников.

Расталкивая толпу, к трону ломился человек в запыленной одежде королевского посыльного. Затихли веселые голоса, фанфары испустили пару фальшивых нот и умолкли. Король прервал себя на полуслове, в наступившей тишине Томас услышал, как человек с золотой цепью сказал тревожно:

– Ох, не люблю это... Только-только начинаем радоваться жизни...

– Не каркай, – оборвал король.

Ближе к трону перед посланцем начали расступаться, он почти подбежал, рухнул на одно колено и торопливо вытащил из-за пазухи свернутый в трубочку свиток.

– От кого? – бросил король.

– Барон Рэд Лайк прислал весть, – ответил посланец почтительно.

Человек с золотой цепью взял из руки короля свиток, всмотрелся в сургучные печати, сам в свою очередь поднял над плечом раскрытую ладонь, сзади аккуратно вложили в требовательно растопыренные пальцы маленькие серебряные ножнички. Человек с золотой цепью срезал печать, подал королю. Тот развернул, несколько мгновений всматривался в текст, Олег сразу понял, что неграмотный, тем же величественным жестом снова передал обратно.

– Читайте, сэр Ольстер.

– Благодарю за честь, ваше величество!

Олег видел, как бледнеет лицо сэра Ольстера, брови сперва приподнялись, затем сшиблись на переносице. Глаза все быстрее дергаются в глубоких пещерах, затем взгляд скакнул по прочитанному, из груди вырвался тяжелый вздох.

– Ну? – спросил король.

– Послание от барона, – ответил сэр Ольстер, хотя об этом сказал еще посланец. Видно было, что говорить ему очень

трудно. – Очень срочное!

– Читай, – велел король.

– «Ваше величество, – начал читать Ольстер, запинаясь на длинных словах, – осмелюсь снова напомнить про Адово Урочище. Три дня тому оттуда донесся дикий вой, затем затряслась земля. Из адовых бездн выплеснулся столб горячей крови, что явно достиг небес. Аббат Васнеций пошел туда со всем клиром, стремясь облегчить участь мучеников, ибо это их кровь давят с такой силой... Но небеса не приняли кровь, обрушилась обратно и смыла в адское ущелье преподобного Васнеция с тремя монахами. Спаслись двое, но они в полубезумном состоянии, весь день трясутся и лежат в часовне, распростершись на каменных плитах, не могут рассказать, что увидели, заглянув за край... Но в окрестных селах начался падеж скота, а из лесов начали выходить волки невиданных размеров. Они врываются в дома среди бела дня, хватают людей и рвут на части. Сейчас волчьи стаи окружили мой замок. Ваше величество, я со своим малым войском ничего не в силах сделать. Если не прибудет помощь, я с дружиной прорвусь через их кольцо и, оставив замок, перевезу всю семью к графу Фардию, своему родственнику, что в королевстве Нортумбия».

– Предатель, – прорычал король.

– Ваше величество, – напомнил сэр Ольстер, – разве он трусил в битве при Флешбахе? Его отряд принял удар рыцарей графа Родентальского, уцелело всего трое, но никто не

отступил, и сам Рэд Лайк, израненный, продолжал сражаться, не отступая ни на шаг. Но сейчас...

– Ладно, – бросил король раздраженно, – сам знаю. Но настоящий рыцарь должен не трусить и перед лицом нечисти.

– Если может сражаться, – возразил сэр Ольстер. – А если нет?

Король опустил голову, долго молчал, в зале никто не шевелился, и, казалось, никто даже не дышал. Наконец король поднял голову, лицо сразу постарело, глаза ввалились, а в голосе прозвучали нотки смертельно усталого человека:

– Не в силах рыцарей сражаться с таким злом. Я буду ждать помощи от церкви!

– В Рим снова посланы люди, – напомнил сэр Ольстер. Король отмахнулся.

– Знаю. Но пока что и они ничего сделать не могут.

Томас вздрогнул от толчка в бок. Олег прошептал на ухо:

– Выбираемся. Сейчас не время лезть к королю. Ситуация изменилась, нужно обдумать.

Томас прошипел:

– Мы же совсем рядом!

– И что? – холодно сказал Олег. – Пойдем-пойдем. Как в этот раз пришли, так и завтра придем.

Перед ними расступались охотно, меньше народу в зале – больше внимания достанется им самим.

На обратном пути Томас кипел, как большой котел на

огромном костре. На него, такого красивого и статного, заглядывались молодые женщины и строили глазки, но он люто вперил взгляд перед собой, словно там размахивал дубиной отвратительный демон.

Олег поглядывал на него краем глаза, раздвигал народ, а то рыцарь прет, как бронированный конь, затопчет кого, выбрал самую короткую дорогу к гостинице.

– Почему, – воскликнул наконец Томас, – почему святая церковь смотрит на это спокойно? Вообще смотрит? Это же нам перчатку бросили! Да не под ноги, а прямо в... лицо. Если нельзя бороться с чудовищами копьем и мечом, а также булавой и кинжалом... еще и доброй палицей, усаженной шипами, в Эссексе делают самые прочные, то пусть потрудятся монахи!

Олег долго молчал, задумавшись. Лицо оставалось озабоченным.

– А в самом деле, – проговорил он медленно, – удивляет такая тишина. Когда какую несчастную ведьму поймают, об этом трезвонят по всему королевству, но Адово Урочище – это не мелочь. Почему мы не слышали? Или ты слышал, но по беспробудному пьянству забыл?

Томас покачал головой, пропустив обидный и крайне несправедливый выпад про беспробудное пьянство.

– Не слышал. Правда, не очень внимаю, если не про оружие и новые способы дрессировки ловчих птиц... но все-таки краем уха бы уловил.

– Я бы тоже, – сказал Олег озабоченно. – Хотя, конечно, я тоже изволю совсем другими мыслями... Но все-таки... гм... Видимо, церковь не желает, чтобы панические настроения ширились. И так уже за один этот год пережили два Конца света, а на следующий обещают приход Антихриста... и еще какой-то дряни, забыл.

– Полчища саранчи, – подсказал Томас безучастно.

– Вот-вот, – обрадовался Олег. – Ее самую... Но тебя, как вижу, не пугает?

– Нет, – ответил Томас честно.

– Почему?

– Какая саранча в Британии? – ответил Томас. – Кто такое болтает, тот, кроме сарацинских земель, других не видел. Но вот это Адово Урочище...

Они вернулись в гостиницу, Олег жестом отослал слуг, сразу же лег на ложе, опустил веки, постарался представить себе это образование, вообразить, прочувствовать и в самом деле ощутил сперва жар, а потом леденящий холод, причем лицо и всю кожу опаляло жаром, а лед образовывается внутри, замораживает внутренности. Перед внутренним взором встала огромная котловина, заполненная вечно кипящей лавой. Хуже того, в сгорающем воздухе над лавой время от времени возникают сгущения, комья, их тут же поднимает вверх, однако там остывают и начинают опускаться. Если нет ветра, сгорают в том же адском огне, что их породил, но бывает и так, что ветер относит далеко в сторону. Там эти сгуст-

ки либо начинают свою новую жизнь, либо входят в тела людей или зверей, из-за чего те начинают вести себя совсем-совсем иначе, о чем и предупреждает барон Рэд Лайк...

Он вздрогнул, широко раскрыл глаза. Видение четкое, но не раз бывало так, что в реальности оказывалось совсем не так, как рисовало воображение. Томас сидит рядом на скамье, посматривает настороженно, крестится и шепчет молитвы, обалделый вид волхва во время транса не нравится, но в глазах светится отчаянная надежда.

– Плохо дело, – проговорил Олег хриплым голосом.

Томас подал кубок, полный вина до краев, Олег выпил, не отрываясь, щеки порозовели, а хрипота из горла ушла. Даже глаза заблестели. Он швырнул кубок через всю комнату, Томас ожидал звон металла, но кубок перевернулся раз двадцать и, упав на ножку, покачался, но не упал.

– Что увидел?

– Еще не понял, – признался Олег. – Но это такая язва, что народ бежит, бежит... Сама по себе эта язва захватила немало земли, но хуже, что земли обезлюдели. А те деревни, куда заносит гадость оттуда, начинают...

Он умолк, Томас спросил жадно:

– Что они делают?

Олег вяло пожал плечами.

– Скажем так, для начала отвергают Христа. Это чтоб тебе было понятнее. А вообще-то попросту теряют человеческий облик. Сперва фигурально, то есть нарушены все заповеди

и совершены все семь грехов больших и сотня маленьких, а потом и в буквальном, то есть постепенно обрастают шерстью, опускаются на четвереньки и убегают в лес. Но хорошо бы козами или коровами, а то все больше волками, медведями, хищными птицами невиданной величины...

Томас сжимал и разжимал кулаки. Зубы скрежетали, он сам чувствовал, как глаза мечут молнии, а те короткими сполохами озаряют стены. Олег хлопнул в ладоши, вошла милая девушка и, не поднимая глаз, обошла комнату и везде зажгла свечи. Возле Томаса остановилась на мгновение, но он не протянул руку, не ухватил и не усадил на колени, и она быстро пошла к двери. Олег сидел в глубоком раздумье, голову устроил на кулаке, глаза исподлобья буравили стену. Устрашенный Томас видел, как там начинает дымиться.

– Олег, – позвал он, Олег вздрогнул и посмотрел на него. Багровые глаза медленно стали зелеными, Томас перевел дыхание и сказал нерешительно: – А что можем сделать мы?

Олег кивнул.

– Я сам только что о таком думал. Сперва нужно выяснить размеры катастрофы. Мне кажется, Адово Урочище захватило слишком уж много земли.

Ночь прошла беспокойно, Томас дергался и бил ногами в стену. Олег сочувствовал молча: рыцарь уже сражается со Злом, как это понимает.

Рано утром уже были на ногах, наскоро позавтракали, а

еще через полчаса уже приблизились к воротам королевского дворца, Олег сказал громко:

– К его величеству – доблестный рыцарь Томас Мальтон!

Томас зашипел, как придавленный колесом уж:

– Из Гисленда! Томас Мальтон из Гисленда!

Но калика по невежеству не понял или не обратил внимания, а стражи склонили головы и, взявшись за створки ворот, распахнули перед Томасом и Олегом. Они вошли во внутренний двор, Томас снова обратил внимание, что дворец больше по названию, а пока что это обычный рыцарский замок, суровость которого пытаются скрасить украшениями, лепниной на стенах, фигурами каменных львов у входа.

Начальник дворцовой стражи, массивный гигант в железе, густым басом напомнил, что с оружием чужакам во дворец нельзя, Томас безропотно оставил меч, кинжал и мизерикордию. Олег развел руками, но его никто и не обыскивал, перед ними вновь распахнули двери уже в зал, а оттуда повели длинными переходами через анфиладу.

У последнего зала снова стража, сопровождающий велел подождать, исчез за дверью. Томас прошептал:

– Ты как этого добился?

– Неважно, – ответил Олег равнодушно, – главное, не ударь лицом в грязь.

После томительного ожидания дверь распахнулась, их ввели в большую комнату, богато уставленную, но все же не зал. Томасу очень хотелось оглядеться, как же живут другие

монархи, но заставил себя со всем почтительным вниманием смотреть на короля Гаконда. Уже без короны, в теплой вязаной одежде, он напоминал удалившегося от ратных дел сеньора, что посвятил себя книгам и воспитанию пажей. Сидя в глубоком кресле, он ответил небрежным кивком на поклоны Томаса и Олега.

– Нам сообщили, – сказал он звучным голосом, в котором возраст почти не сказывался, – что вы совершили немало славных дел, особенно – при взятии Иерусалима.

Томас поклонился.

– Ваше величество, я первым поднялся на башню Давида, что отметили все короли, возглавлявшие поход...

– Славно, – сказал король, – да, славно... Но что занесло вас в наши края?

– Ваше величество, – ответил Томас и бесстрашно посмотрел ему в глаза, – дело в том, что меня в королевстве на воинском совете избрали королем. Но в день коронации враги похитили мою женщину. Я немедленно отправился за нею, отыскал обидчиков. Со всеми расправился, женщину отбил и привез обратно. Но за это время рыцари собрались еще раз и решили, что им нужен король-хозяйственник. А не король-рыцарь... Возможно, они правы. Потому я, чтобы не возникало столкновений, решил покинуть королевство и поискать себе места в других землях. Если у вас есть такая возможность, я хотел просить вас какой-то клочок земли, чтобы я мог осесть и укрепиться, дабы мог верно служить вам

своим мечом...

Король слушал, кивал, внимательные глаза изучали молодого рыцаря с головы до ног, часто задерживали взгляд на взволнованном разбурявшемся лице и блестящих отвагой и доблестью глазах. Олег заметил, что у короля самого посвежело лицо и задорно блеснули глаза, но затем померкли, он откашлялся, но прежде, чем заговорил, Олег сказал быстро:

– Ваше величество, позвольте мне пару слов. Земель свободных, как я понимаю, нет, а вам не захочется урезать владения своих верных сеньоров. Но есть один интересный вариант...

Король кивнул.

– Слушаю внимательно.

– Ваше величество, этот рыцарь отличился при выполнении ряда очень сложных заданий. Я даже не стану их называть, они и секретны сами по себе, так как касались дел государственной важности, да и трудно будет поверить... слишком они невероятны. Это я сказал лишь потому, чтобы вы не выпали из своего кресла...

Гаконд коротко усмехнулся.

– Да-да, говорите.

Олег взглянул на Томаса, тот то принимал небрежный вид, то сжимался, как будто над ним горный великан занес кулак.

– Этот рыцарь просит пожаловать ему в ленное владение

ние земли, которые сейчас обезлюдели из-за Адова Урочища. А также, само собой разумеется, само Адово Урочище. Я слышал, оно расположено в очень живописных краях.

Король в самом деле дернулся, на Томаса взглянул неvěряще, потом вздохнул.

– Вы либо безумец, либо... в самом деле способны на большее, чем вся эта масса прибывших на турнир. Вы прибыли, как я понимаю, чтобы переломить копья и добиться признания дам?

В его глазах мелькнули веселые искорки, когда рыцарь и его спутник дружно поморщились. Томас произнес с нескрываемым отвращением:

– Ваше величество, я настоящий рыцарь, не турнирный. Я защищал имя Христа и отвоевывал Гроб Господень от сарацин, мы сражались в знойных песках, срывались с высоких башен, топили в седых океанах... нам ли смешить людей в игрушечных сражениях? Нет, мы прибыли к вашему двору с предложением своих услуг. Если вам изволится пожаловать нам те земли, я отбуду в этот же день.

А Олег посмотрел на короля взглядом равного по возрасту и пониманию человека, сказал мягко:

– Ваше величество, турниры – это несерьезно. Для мальчишек разве что. И хотя на турнирах тоже иногда ломают шеи, но все-таки в них ломают копья лишь те, кто не ломал их в настоящем бою, не защищал короля и Отечество. Девиз моего рыцаря: за короля, веру и Отечество! Для турниров

места в нем нет.

Король внимал с таким удовольствием, что даже встал, а когда Олег закончил, сказал с жаром:

– Побольше бы таких рыцарей!.. Так нет же, я раздаю им угоды во владения, чтобы копили силы на случай, если нападет враг, но они предпочитают растрачивать силы и оружие в этих дурацких схватках!.. В прошлом турнире было убито шестеро знатных рыцарей, а сколько покалечено коней, разбито дорогих доспехов, щитов, сломано мечей, копий? Я не говорю о том, что для того, чтобы собраться в хороших доспехах на турнир, рыцарь вынужден поднимать налоги, обдирать крестьян, а они уходят в леса и начинают разбойничать!

Олег кивнул, добавил, словно невзначай:

– Да и вообще рыцари должны собираться в полном вооружении и в таком количестве... только по приказу короля. А уж никак не по своей прихоти.

Томас видел по лицу короля, что калика попал в самую точку, это короля беспокоит даже больше, чем бедственное положение крестьян из-за турниров, но вслух король после паузы сказал:

– Да, но вернемся к вашему смелому предложению. Должен сказать, что вы единственный, кто решился на такое... А ведь местные сеньоры знают, что земли, захваченные исчадиями Адова Урочища, самые плодородные в нашем королевстве. Удобно расположены, с одной стороны защище-

ны большой и глубокой рекой, она делает гигантскую петлю, охватывая эти земли с трех сторон... с четвертой стороны там труднопроходимые горы...

Он коротко взглянул на Томаса, Олег понял, что король недоговаривает нечто важное, скорее всего – очень опасное, но смолчал, пока все идет так, как и рассчитывал.

– Как велики земли, захваченные слугами дьявола? – спросил Томас.

Король взглянул на его дышащее отвагой лицо, вздохнул.

– Даже... чересчур. Я чувствую к вам, дорогой Томас, неподдельную симпатию и хочу вам предложить... отказаться от этой затеи. Мне жаль будет потерять такого рыцаря, столь верно понимающего нужды королевства! Это я о вашем отношении к турнирам. Давайте-ка я лучше дам вам совсем малый участок... попрошу своего кузена, герцога Дюванваля поступиться клочком земли, зато у вас будет безопасное ленное владение. Я приближу вас к себе, вы займете при дворе достойное положение. Я вижу, что смогу полагаться на вас...

Томас с достоинством поклонился.

– Ваше величество, я еще полон сил, чтобы добывать земли мечом.

Король вздохнул.

– Доблестный рыцарь, должен сказать, что мне будет очень жаль вас потерять. В вас горит такой чистый огонь!.. Земля вокруг Адова Урочища не заселена, хотя там и почва

хороша для посевов, реки и озера для ловли рыбы, леса для охоты, а сам край отличается ровным климатом. Почему там никто не селится... думаю, знаете.

Томас с достоинством поклонился.

– Знаю, ваше величество. И потому, радея для вящей славы Господа, а также Британии – Боже, храни королеву! – прошу лучше дать мне ту землю. Рыцарю надлежит завоевывать, а получать из рук государя готовое может только в старости, когда рука не удержит меч!

Глава 18

Он гордо выпрямился и обвел короля и Олега ясным взором праведника. Король посмотрел на подвижника долгим взглядом, вздохнул, на чело набежала тень, затем лицо стало сухим и деловым. Он прошел к дальнему столу, Томас и Олег подошли, повинувшись властному кивку.

На столе рулон из хорошо выделанного пергамента, король взмахом развернул, прижал загибающиеся края кинжалом и подсвечником. Томас сразу понял, что это карта, но как ни всматривался, долго не мог уловить знакомые очертания, все картографы рисуют по-своему. Король ткнул пальцем в закрашенную черным довольно большую область.

– Вот!.. По легендам, что дошли еще от пиктов и бриттов, там прекрасные леса и богатые рудники с медью, железом и даже золотом. Может быть, даже олово есть, которого уже в

других областях не осталось.

По спине Томаса пробежал холодок, он поежился, сказал с осторожностью:

– По легендам пиктов, мы стоим прямо на логове драконов и россыпи золотых самородков размером с конскую голову. И все дороги вымощены этими самородками.

Король поморщился.

– Легенды легендами, но сейчас в тех местах... смотрите внимательнее, что-то происходит. Сперва оттуда перестали поступать подати, а посланные отряды сгинули без вести. Посылали людей и другие лорды, граф Коллонтай отправил три отряда, а потом целое войско, не мог терпеть, чтобы у него под боком творилось что-то непонятное...

– А что за непонятное? Помимо Адова Урочища?

Король закусил губу, в глазах сверкнул гнев.

– Если бы только разбойники, кто их назвал бы непонятным?.. Что-то очень злое, сэр Томас. Очень нехорошее колдовство. И очень сильное. Настолько сильное, что мои священники в один голос твердят о пришествии Антихриста и близком конце света.

– Ого, – сказал Томас невольно. Он огляделся по сторонам, словно черпая уверенность в реальности толстых стен и развешанного поверх ковров и гобеленов оружия, снова обратил взор на карту. – Если там Антихрист, то чего торчит на месте?

– Может быть, – предположил король, – собирает рать?

Томас кивнул, в самом деле, ни один герой не в состоянии действовать без войска или хотя бы могучего отряда. Это в легендах пиктов Беовульф в одиночку побивает дракона, а в реальности только нападением со всех сторон удастся поразить могучее чудовище.

Олег внимательно всматривался в карту.

– Адово Урочище примерно вот здесь, – сказал он и потыкал пальцем, – а вся область... под влиянием, так сказать?

Король кивнул.

– Если верить всем, кто прошел те земли хотя бы по краешку, она вся кишит жуткими демонами, созданиями ада, огненными драконами, черными летучими мышами размером с коров, выпрыгивающими из-под земли волками и вообще всем, что может пригрезиться после сильной пьянки.

– А что на самом деле? – спросил Томас.

Король сказал раздраженно:

– Никто не знает. Может быть, там просто разбойники. Большой отряд, который перехватывает всех на своих землях. Если так, то с ними можно говорить. Я дарую вожаку звание барона, пожалую земли, которые он и так захватил, а взамен принесет мне клятву оммажа. Словом, как обычно...

Томас надулся, в Британии уже давно не захватывают так земли. Последние массовые захваты были при вторжении Вильгельма Завоевателя, а теперь уже давно земли и замки переходят от отца к сыну, от сына – к внуку. И основатели рода считаются уже не разбойниками, а... рыцарями того

времени.

Король водил пальцем уже не по пятну, а по его краям, с легкостью пересекал реки, горы, леса.

– Здесь владения графа Черча, – повторил он, – а вот тут выходит лес, что принадлежит барону де Грассиану. С той стороны земли барона Рэд Лайка, ему пришлось хуже всего...

– Что случилось?

– Почти половина его земель поглощена этой Язвой Дьявола, – пояснил король. – К счастью для Рэд Лайка, отец оставил ему самые большие владения в этих краях. Кое-как ютится на оставшейся половине, в ярости, что его люди исчезают. Хуже того, пятно расширяется...

Томас насторожился.

– Все-таки Антихрист начинает поход?

– Вряд ли, – ответил король. – Скорее всего к нему прибывают силы и уже не умещаются на захваченном плацдарме.

Томас вспомнил Олега, поинтересовался:

– А как насчет церкви? Она что-то делает?

Король кивнул.

– Наш архиепископ уже попросил о помощи братьев из монастыря Святого Бенедикта, а также Святого Игнатия и Святого Йоргена. Откликнулись еще несколько монастырей, их монахи уже прибыли на границы Язвы Дьявола. Все они поспешили сообщить, что сдерживают дальнейшее продвижение сил Сатаны...

– А как насчет перейти в наступление?

Король устало отмахнулся.

– Я сказал, что Язва медленно расширяется?

– Понятно, – ответил Томас. – А монахи доказывают, что, если бы не они, Язва захватила бы весь мир?

– Примерно так, – ответил король с недоброй улыбкой. – Даже церковь хочет хоть что-то, да урвать. Все же верю, что монахи в какой-то мере Язvu сдерживают. Так что если решишься принять те земли, то с монахами постарайся найти общий язык.

Томас снова вспомнил Олега, поморщился, какой там общий язык, язычник все испортит, но король смотрит требовательно, и он сказал деревянным голосом:

– Ваше величество, я бы и так... но ежели вы жалуете мне все те земли, которые сейчас под Язвой, то я с удвоенным рвением начну готовиться к походу. Только подготовьте королевский указ, чтоб с вашей подписью и печатями. Не за себя пекусь, но с бумагой смогу привлечь из безземельных рыцарей, им в свою очередь пожелаю участки уже своей земли под поместья. Благо земли это проклятое Урочище захватило очень обширные.

Король смотрел на него испытующе.

– Бумагу составят уже сегодня, – пообещал он. – Ко всему еще вы лично и все ваши земли, сэр Томас, на сто лет освобождены от всех налогов и сборов. Кроме того, лично вам будет пожаловано право: не вставать в присутствии короля,

не снимать шляпу, ковыряться в носу и называть меня по имени. Это не будет распространяться на ваших потомков.

Томас поклонился.

– Польщен, ваше величество.

Король неожиданно улыбнулся.

– Вы крестоносец, сэр Томас, воевали в Палестине, для вас эти знаки ничего не значат, но для тех, кто трется у моего двора, это очень много. И ценить вас будут выше.

Олег склонился над картой, лицо озадаченное, потыкал пальцем.

– А здесь тоже оно... Урочище?

Король покачал головой, обвел рукой по карте почти правильный круг.

– Нет, здесь цепь холмов, а через них почему-то не перевалили... Хотя с той стороны деревни уже опустели. Народ бежит, сеньор ибн Олег! А с этой стороны, вот здесь и здесь, захвачено Язвой. Сейчас она замерла, не распространяется, но, как считают мои священники, это ненадолго. Так уж получилось, что с севера и северо-востока, как я уже говорил, широкая река, ее не одолеть... во всяком случае, с ходу, как Язва катила по равнине, с юга и востока еще одна, смотри, как она делает широкую петлю, тем самым остановив распространение этой гнили... А на западе горный кряж. Небольшой, но цепь тянется довольно далеко, тоже преграда для Язвы...

Томас всматривался в захваченную Язвой местность,

сердце сжималось от негодования, кровь стучит в висках. Судя по расположению, там когда-то была цветущая долина с полями и садами, заливными лугами, ручьями и мелкими речушками, в которых кишела рыба. А сейчас там ужасающее болото, что гнилостными испарениями отравляет мир. Даже если Язва на самом деле осталась бы в этих пределах, все равно она вызов Господу, сотворившему прекрасный мир.

Король сказал задумчиво:

– В Язве что-то происходит. Через реку перелетает все больше ночных тварей, крестьяне с заходом солнца закрываются в домах, запирают двери и окна, прячут скот. В лесах появились странные волки, очень крупные, режут не только скот, но даже днем врываются в села. Мои священники говорят, что Язва набирает сил, чтобы однажды затопить грязью реку и перейти на другую сторону.

Томас спросил, стараясь, чтобы голос звучал мужественно:

– Ваше величество, это и будут мои владения?

Король замялся, даже глаза на миг отвел, но пересилил себя и прямо посмотрел молодому рыцарю в глаза.

– Да. Там нет клочка, которого не захватила бы Язва... мои священники зовут ее Тьмой, однако же если вам удастся как-то одолеть, то у вас не будет лучшего владения во всей Британии!.. Смотрите, по размерам почти равно иному королевству, защищено реками и горами, и земли там были са-

мые лучшие.

Томас отошел от стола, поклонился. Вид у него был твердый и торжественный.

– Ваше величество, не будем отнимать у вас драгоценного времени. Мы пойдем готовиться к отъезду. И как только указ будет готов – выступим в самое сердце Зла!

За ночь народу в городе, казалось, удвоилось, а за то время, что они провели в королевском дворце, утроилось. Хотя рыцари, возможно, ночью и не приезжали, зато горожане высыпали на улицы все: торговцы, столяры и плотники, оружейники, кузнецы, даже каменщики предлагали свои услуги, хотя они на турнире совсем ни к чему, зато плотников набирают даже из соседних сел, те далеко за городом спешно сколачивают многоярусные помосты для зрителей. Из города к распахнутым воротам тянутся тяжело нагруженные телеги с бревнами и досками, везут туда шатры и палатки, туда же спешно перебираются торговцы разной мелочью.

Олег поглядывал с интересом, коротко заметил:

– А власть короля не совсем... гм... восточная.

– Зато меньше вреда, – огрызнулся Томас, – если король дурак.

– Да, – согласился Олег, – везде пятьдесят на пятьдесят.

Томас не понял, но спорить не стал, шел впереди по узкой улочке, расталкивая тесную толпу. Иногда попадались конные рыцари, почти у всех в руках копьё тыльной стороной в

специальной выемке в стремени, длинные и толстые, со специальным раструбом для руки, особые копы для таранного удара.

Олег тоже внимательно рассматривал этих конных воинов. Для Томаса такие копы вполне привычные, хотя вошли в употребление совсем недавно. Доселе были намного легче, что можно бить сверху, держа над головой, бить из-под руки снизу, даже бросать, как дротик, но сейчас рыцари всюду принимают на вооружение это тяжелое копьё, все предыдущие рядом с ним еще не копы, а пики или дротики.

Освоивших новое оружие рыцарей пока немного, однако их небольшой отряд с легкостью пробьет брешь в любом войске на всю его длину, сомнет и втопчет в землю лобовым ударом, затем развернется и снова пронесется, как стадо кабанов по пшеничному полю. Иные времена, иное вооружение. Иная воинская тактика. Но главное не то, что иные времена, а что новое время. Когда не бесконечное повторение одного и того же – как же надоело и вгоняет в тоску! – а в самом деле видна заря нового мира... даже в этом.

Они вернулись в гостиницу, Томас не возжелал идти в роскошные покои, расслабляет, отправился в конюшню, осмотрел коней, стойла, придирчиво пропустил между пальцами ячмень, любуясь крупными янтарными зернами, затем зашел к кузнецу и поговорил о новом способе перековки коней, а с оружейником поделился опытом заточки мечей из дамасской стали.

Олег поднялся на самый верх, там, на крыше, особая площадка, как на башне, удобно рассматривать город с высоты. Для европейских зданий такая архитектура непривычна, но вернувшиеся из Святых Земель, где все дома с плоскими крышами, не видят ничего удивительного.

Город бурлит, заполнены уже не только гостиницы и постоянные дворы, но и все сараи, амбары, а многие будущие участники жарких схваток разбили шатры за городской чертой. Им туда возят еду, а часть торговцев уже поставили там временные лавки. Малые турниры, которые устраивают через каждые пару недель, длятся по два дня, средние – по четыре, но крупные, на которые приезжают из дальних стран, нелепо втискивать в такие сроки, они длятся не меньше недели. К примеру, знаменитый Марлезонский турнир длился полмесяца.

На ранних турнирах не могло быть и речи о женщинах, но потом, когда турниры под прессингом церкви начали облагораживаться и обрести правила, появились первые зрительницы. Сперва, насколько он помнит, присутствовала жена правителя или дочь. Потом – с подругами, свитой. А вот теперь, говорят, прекрасные дамы – едва ли не главный элемент украшения турнира. За них бьются, за их улыбки готовы умереть, а то и от добычи отказаться, чтобы показать свою щедрость, великодушие, благородство.

– Пятьдесят на пятьдесят, – повторил он. – Везде эти пятьдесят на пятьдесят...

В Европе, напомнил себе, все еще нет постоянных армий. В отличие от того же Востока, где владыки держат сотысячные армии в постоянной боевой готовности, а для походов собирают армии, превышающие миллион воинов. А где нет постоянных армий и нет стандартных методов обучения воинов, там каждый оттачивает свое умение сам.

Оттачивает вот здесь, на турнирах. Сперва турниры были только репетициями будущих сражений, и потому всегда сражались отряд на отряд, а вот сейчас, помимо этого привычного действия, начали вводить еще и одиночные схватки. И хотя им пока еще не придается значения, их ставят в самом начале, для разогрева публики, а кульминация – генеральное сражение двух больших отрядов, однако одиночные поединки важны совсем для другой цели.

В одиночных поединках рыцари оттачивают новые трюки, совершенствуют приемы боя, проверяют снаряжение, исправляют после схваток, тут же подставляют под удары в новых схватках. Если заглядывать в будущее, то не нужно быть даже неграмотной бабкой-гадалкой, чтобы предсказать одиночным поединкам большое будущее. Возможно, они даже затмят грандиозные схватки отрядов, хотя там с каждой стороны могут выступать по несколько сотен рыцарей, и турнир начинает выглядеть настоящим полем битвы.

Он вспомнил обеспокоенного короля. Еще бы правителю не дергаться, когда в опасной близости собираются для турнира рыцари, количество которых в десятки раз превосходит

его войско!

Глава 19

В полдень Томаса сразу же пропустили в апартаменты. Король занят, но королевский министр узнал Томаса, попросил подождать, скрылся в королевских покоях. Придворные посматривали на чужака с любопытством, по большей части – с недоброжелательством.

Томас терпеливо ждал, один из рыцарей что-то говорил своим друзьям, те поглядывали на Томаса с насмешливым презрением, посмеивались, мерили его презрительными взглядами. Томас отвернулся, хотя кулаки сами собой начали сжиматься.

Наконец министр вышел, в руках свернутый в трубочку лист. Приятно улыбнулся, Томас ощутил, как на сердце отлегло. Министр подал лист, крест-накрест перевязанный красной шелковой лентой, вдобавок все скреплено королевской печатью.

– Ознакомьтесь, – сказал министр. – Я сам составлял указ. Не думаю, что вкралась ошибка, но все равно...

Томас ответил с вежливым поклоном:

– Не смею сомневаться в вашей компетентности.

– Не в компетентности дело, – отмахнулся министр. – Я всего лишь записал, что велел король. Но его величество выражается порой грубовато, я облек в приличную форму.

Все равно прочтите, чтобы потом не было жалоб. Ведь сейчас, как вы понимаете, все легко поправить...

Томас без охоты сорвал печать, принялся с трудом разбирать украшенные завитушками буквы. Придворные, шушукаясь, приближались вроде бы по своим делам, но останавливались и бесцеремонно заглядывали через плечо. Томас дочитал только до половины, пока все правильно, как его грубо толкнули под локоть.

Грузный рыцарь в бархатном камзоле, проходя мимо, сказал брезгливо:

– Откуда они приезжают, эти грязные попрошайки?.. И всякий раз что-то выпрашивают у его величества.

Томас вскипел, но взглянул на министра и, подавив порыв размазать наглеца по стенам, продолжал читать. Второй придворный толкнул его в спину, а третий ухитрился наступить на ногу. Томас сцепил зубы, дочитал, министр с облегчением перевел дух, в глазах его стояло понимание и благодарность рыцарю, что удержался, не ввязался в драку.

– Все в точности, – сказал Томас. – Особо хочу отметить ваш великолепный слог, такой величественный и торжественный! Именно таким и должен составлять документы государственный муж.

Министр воскликнул польщенно:

– Вы мне льстите! Я рад, что нет ошибок. До свидания. Я доложу его величеству о вашей стойкости... даже здесь.

– Я сегодня же отбуду, – сообщил Томас. – До ночи я

успею пройти десятка два миль.

– Я доложу его величеству, – повторил министр, Томас ощутил недосказанное, министр тоже рад, что он отправится по делу, а не останется на дурацкий турнир. – Он будет доволен.

Они раскланялись, Томас повернулся и пошел к выходу. Министр проводил его взглядом, слуги отворили перед ним дверь в королевские покои, он исчез. Томас подошел к дверям, но там расположилась группа молодых дворян, уверенных и наглых. Дорогу перегородили так, что выйти невозможно, никого не толкнув.

Сердце Томаса начало стучать чаще, чем сарацинский барабан перед боем. Горячая кровь пошла по телу, воспламенила, он ощутил, как дыхание становится горячим. Их пятеро, да еще и другие явно поддерживают этих, всем ненавистна мысль, что кому-то дали земли. Взяли бы сами, кто мешал?

Он на ходу натянул кожаные перчатки со стальными пластинками, защищающими костяшки пальцев, попробовал сжать кулаки, шаг не замедлял, лицом старался не выказывать никакие чувства. Они нагло и уверенно смотрели на его приближение, уже изготовившись задирааться, все больше и больше наглея, хмелея от безнаказанности ввиду преимущества в численности...

Кулак Томаса ударил в нижнюю челюсть одного, тут же развернулся и молниеносно ударил в висок другому. Третий

отшатнулся, но рука взбешенного рыцаря сграбастала его за шею, короткий удар лбом, переносица красавца треснула и вмялась, алыми струями брызнула кровь.

Томас безглаголиво отшвырнул и без торопливости прошел через освободившиеся двери.

Олег седлал во дворе гостиницы коней, прислушался. Взглянул на Томаса с некоторым удивлением.

– Ты ничью дочь не обесчестил?.. Не вообще, а пока ходил во дворец за грамотой?

Томас отрезал с достоинством:

– Ни сейчас, ни вообще я ничьих дочерей не бесчестил.

– Да ну, – не поверил Олег. – Ты прям... ангел бестелесный!

– Что было, – огрызнулся Томас, – называлось по-другому, сэр калика. Не знаешь реалий христианского мира, не берись судить!

– Да я и не сужу, – ответил Олег мирно. – Просто интересно, чего это такая ревущая толпа собралась на улице... На общую молитву не совсем похоже. Хотя кто вас, христиан, знает?

Томас прислушался, с той стороны высокого забора доносятся не просто голоса, а что-то вроде грозного морского прибоя, когда океанская волна с торжествующим ревом бьется в скалистый берег и всякий раз отламывает огромные камни. Олег пустил коня первым, привратник угодливо рас-

пахнул ворота.

Народ отхлынул, но оба конца улицы оказались перегороженными людьми в одеждах благородного сословия, хотя за их спинами угадывается множество челяди. Несколько человек вообще в седлах, из них трое – в полном вооружении рыцарей.

Томас сжал челюсти, рука поползла к рукояти меча. Олег придержал за локоть, пустил коня вперед:

– Что случилось?

Один из конных рыцарей сказал рассерженно:

– Стань в сторону, раб. Отвечать будет господин. Назовись, рыцарь, дерзнувший так не по-рыцарски оскорбить наших сотоварищей!

– Томас Мальтон из Гисленда, – отчеканил Томас. – Рыцарь Храма, первым ворвавшийся на башню Давида в Иерусалиме, если вы в этой глуши хотя бы слышали о таком городе и вообще о Святых Землях!.. Ту рвань, что пыталась загораживать мне дорогу, я проучил, как она и заслуживает: не вынимая благородного меча. Есть еще вопросы?

Конный рыцарь придержал коня, что норовил привычно пойти на таранный удар, спросил гневно:

– Это не ответ. На чьей стороне вы предполагаете сражаться на турнире, чтобы я мог выбрать другую сторону?

Томас ответил надменно:

– Я не участвую в турнире.

Конный рыцарь спросил настороженно:

– Почему?

– У меня хватает дел, – огрызнулся Томас, – а ерундой заниматься некогда.

Толпа, дотоле молчавшая и внимавшая каждому слову, разъяренно завывала, закричала, затопала. Всадник оглянулся на других конных рыцарей, те хранили остолбенелое молчание.

– Ерундой? – повторил всадник ошеломленно. – Вы ска-
зали ерундой?

– Я сказал, – холодно отрезал Томас. – Если вам заложил уши, я могу их прочистить... как уже прочистил вашим соратникам.

Всадник резким движением опустил забрало. Теперь на Томаса зло сверкали глаза из узкой щели. Рука всадника легла на рукоять меча.

– Я, граф Лангер, клянусь, что заставлю вас драться на турнире! Или вам придется драться прямо здесь.

– Предпочитаю здесь, – ответил Томас немедля и вытащил меч.

Между ними бросились трое из городской стражи, подбежал начальник караула, а за ним еще несколько человек с острыми пиками в руках.

– Нет! – рявкнул он. – Никаких драк в городе. Именем короля я волен арестовать любого графа или герцога, а если кто вздумает оказать сопротивление, то я посмотрю, как он выстоит против моих копейщиков!

Граф Лангер и Томас одновременно покосились на острые копья, только с их помощью можно справиться с конными рыцарями, а против десятка копейщиков ни один рыцарь не устоит.

Лангер первым взял себя в руки, процедил со злобой:

– Конечно, вы, трусливый рыцарь, постараетесь не выезжать за стены города...

– Ошибаетесь, – возразил Томас. – Я как раз собрался ехать, так что, даже если целая стая ваших шакалов встретит меня там, у меня хватит плети, чтобы разогнать их.

Граф церемонно поклонился.

– Я ожидаю вас за городскими воротами.

Он повернул коня, за ним поспешно развернулись остальные рыцари. Олег выждал, пока вся толпа с радостными криками бросилась за ними, посмотрел на Томаса. Бледный от ярости и с закушенной губой, он неотрывно смотрел им вслед.

– Ну как?

Томас процедил ненавидяще:

– Умолкни. Тебе все хахоньки, а меня от дела отвлекают.

– Будешь драться?

Томас в сильнейшем раздражении дернул плечом.

– Некогда. Конечно же, обойдусь.

Они выехали на улицу, открывающую прямой вид к воротам, когда через нее выдавливало последние остатки тол-

пы. Олег хмыкал, Томас держал лицо неподвижным, но коня не торопил, дал всем выбраться на ту сторону ворот, потом лишь отпустил повод, словно раньше брезговал соприкасаться с чернью.

За городскими воротами конные всадники держались отдельной группкой. Один отделился и погнал в карьер в сторону шатров, где отдыхают в ожидании турнира рыцари, там на свежевкопанные столбы как раз вешают под бдительным наблюдением владельцев щиты с красочными гербами.

Граф Лангер пустил коня навстречу шагом. На этот раз уже с открытым забралом отсалютовал обнаженным мечом, деловито показал в сторону турнирного поля.

– Первые бои начнутся завтра. Если вы полагаете себя рыцарем, я предлагаю схватку на копьях прямо на поле. И неважно, что мало зрителей...

– Принимаю, – оборвал Томас.

Он повернул коня в сторону турнирного поля. Граф Лангер, заметно раздраженный, ударил коня хлыстом и понесся вскачь. За ним помчались его сторонники, и, когда Томас в сопровождении молчаливого Олега прибыл на свой край арены, с другой стороны уже выстроились рыцари.

– Это что же, – проворчал Олег, – они кинутся все разом?

– Это не по-рыцарски, – заверил Томас, – но когда я вышибу этого хвастуна, остальные имеют право бросить мне вызов.

– Если вышибешь, – поправил Олег.

– Когда вышибу, – повысил голос Томас. – И остальных вышибу. Думаешь, я их не рассмотрел, пока они тут перья топорщили?

Горожане, что высыпали из города вслед за рыцарями, поспешно занимали места на трибунах. Пользуясь тем, что знать явится только завтра, когда турнир начнется, занимали самые роскошные ложи, свистели, орали, улюлюкали. У некоторых в руках появились дудки, варварски задудели, засвистели и заверещали на разные голоса.

Томас поморщился. Когда чернь ликующе закричала, приветствуя сэра Лангера, явно местного сеньора, музыканты дудели изо всей силы, сэр Лангер фанфаронил на коне, заставляя его поворачиваться вправо-влево, вставать на дыбы и красиво месить передними копытами воздух. Несколько человек разом взревели веселую песню, довольно ритмичную, из-за чего многие стали дружно хлопать в ладоши, кое-кто притопывал.

Даже стражи у отдаленных городских ворот поднимались на камни. Чтобы дальше видеть, звякали рукоятями топоров о щиты, что значит подпевали. Сэр Лангер выехал наконец на свой край поля, в хорошем железе, голова коня тоже в металле, только для глаз и торчащих ушей вырезы, клетчатая попона свисает с обоих боков чуть ли не до земли.

Томас внимательно всматривался в красное лицо, сейчас опустит забрало, и перед глазами будет только металличе-

ская фигура, совершенно безлика, но пока что по лицу видно, что это вообще-то простой рыцарь, ничем не примечательный. Народ его приветствует, наверное, за то, что пьет здесь вместе с йоменами, простолюдинами, рыцарским званием не чванится.

Один из рыцарей, выполняя роль герольда, спросил громко:

– Сэр Лангер, вы готовы?

Рыцарь вскинул руку с копьем, потряс, голос прозвучал мощный и глухой, как будто медведь проревел из огромного дупла:

– Готов!

Герольд повернулся к Томасу.

– Сэр Томас, вы готовы?

Томас вскинул копье, красивый и сразу вызвавший симпатии женщин.

– Готов!

Рыцарь-герольд опустил обнаженный меч, посмотрел на графа Лангера, очень медленно повернул голову в сторону Томаса. На трибунах замерли в ожидании, герольд сознательно нагнетал напряжение, затем резко вздернул меч и крикнул:

– Бой!

Томас наклонился и, быстро опуская копье в горизонтальное положение, прищпорил коня. В грозной тишине слышался нарастающий сухой стук копыт, два закованных

в железо рыцаря на тяжелых конях, укрытых металлом, понесли друг другу навстречу. Копыта стучали чаще, копья быстро опустились, рыцари пригнулись и выбирают точку для удара.

Сэр Лангер не показался опытным бойцом, Томас опустил копье и с силой ударил в щит, а сам легко уклонился от тупого острия, что скользнуло рядом со шлемом. Грохот, лязг железа, его руку тряхнуло, содрогнулся и конь, приняв всю силу удара на себя. Томас удержал его поводом, оглядываться не стал, чутье подсказало, что противник не просто удержаться в седле не сумел, но вылетел, будто его вышибло бревном тарана, вернулся в свой конец поля.

У входа на поле Олег с укоризной покачал головой.

– Вот чему ты учился всю жизнь?

– Чему? – спросил Томас настороженно.

– Людев обижать, – ответил Олег печально. – Он же на землю упал!

– А ты б ему соломки подстелил, – сказал Томас язвительно. – Ишь, человеколюб отыскался!

– Знал бы...

– Так ты ж вроде в будущее заглядываешь?

– Такие мелочи не зрю, – ответил Олег. – Я зрю движение народов, падение и рождение царств. А вот ты – грубый. Так человека вдарить! Было бы за дело, а то потехи ради.

Томас нетерпеливо оглядывался, с той стороны уже вышагает другой всадник, герб Томас не различил, да и не

важно, в крестовом походе с королями приходилось сражаться бок о бок, а потом, в минуты отдыха, еще и съезжались в рыцарском поединке, где никто не смотрел, кто перед ним: король, герцог или простой однощитовый рыцарь.

Сшибка, резкий сухой треск, в воздухе с треском разлетелись белые щепки. Томас пронесся вдоль барьера, покачиваясь и с трудом удерживая копье, а его противник от удара завалился на спину, пробовал удержаться, но испуганный конь неся слишком быстро, и рыцарь все сильнее заваливался на спину, наконец, пытаясь удержаться, он выронил из руки тяжелое копье, в седле удержался, однако рев на галерее, где разочарованный, где восторженный, показал, кто проиграл схватку.

Олег рассматривал схватку с ленивым интересом человека, повидавшего этих схваток... и все же увидевшего нечто новое. Когда-то конница всех стран и народов не знала даже такой вещи, как стремяна, но вот их придумали скифы и ввели в обиход, хотя в Европе они появились всего двести-триста лет тому, совсем недавно. Как и везде, это сразу дало преимущество над бесстременными и абсолютное превосходство над пешими, но самое главное, что теперь пика стала превращаться в копье, по-настоящему грозное оружие.

Без стремян таранная атака тяжелой конницы с копьями «в упор», то есть плотно зажатыми под правой мышкой, абсолютно невозможна. Но когда появились стремяна, то это прежнее копье стали называть просто пикой, а копьем стало

служить настоящее чудовище, длинное и толстое. Укрытый броней конь, тяжеловооруженный всадник и само громадное копьё составляют единое целое. Когда такой всадник разгоняется, это страшное зрелище, и ничто не в состоянии остановить тяжело вооруженного рыцаря. Как говорят знатоки, такой рыцарь способен пробить даже крепостную стену. Во всяком случае, глинобитную стену восточной крепости прошибет навывлет, почти не замедлив скорости, а в крепости еще потопчет и расплющит, как лягушек, массу вооруженных защитников.

А если учесть, что такое копьё можно держать дальше центра тяжести, ближе к хвостовой части, то в этом случае копьё можно удлинить почти на треть, даже чуть больше. Кстати, седло тоже изменили, подняв заднюю луку и уперши ее в поясицу всадника, теперь такой всадник несокрушим...

Он вздохнул, окинул оценивающим взглядом могучего Томаса. Да, такой конный рыцарь с копьём наперевес несокрушим, но лишь до тех пор, пока не встретит скачущего навстречу такого же рыцаря. И тоже с длинным копьём, зажатым под мышкой.

Слуги примчались, держа на плечах эти свежеструганные бревна, там, у края турнирного поля, уже соорудили высокую подставку для копий. Сюда слышно, как остро пахнет свежим деревом, сейчас там не меньше дюжины новеньких копий, но к концу турнирного дня обычно остается едва ли

хоть одно, а к середине всего турнира на этой подставке копы сменяются несколько раз.

Он отвлекся, за это время Томас вышиб из седла еще одного. Среди толпы нашлись сторонники этого прибывшего чужака, уже сбегали к шатрам побежденных и привели оттуда коней с навьюченными доспехами: конь и доспехи достаются победителю.

Глава 20

Олег с ленивым беспокойством посмотрел на Томаса. Доспехи еще целы, зато грудь вздымается, как волны в бурю, в легких свистит и клокочет, будто закипает вода в гигантском котле. Когда поднял забрало, со вспотевшего лба сорвались крупные капли.

– Может, хватит?

– Бросают вызов, – возразил Томас.

– Возьмут измором, – сообщил Олег. – У тебя уже руки дрожат!

– Еще нет, – огрызнулся Томас. – Парочку еще заставлю поваляться в грязи...

Протрубили трубы, на арену вышел, вышагивая надменно и торжественно, одетый в золото и парчу оруженосец, за ним на прекрасном дорогом коне выехал сэр Филипп фон Ризенштерн, так его объявили, красивый и надменный, весь в блестящих доспехах из прекрасной стали, на груди выче-

канен герб и вздыбленные львы, с плеч красиво ниспадает пурпурный плащ.

Голову он оставил непокрытой, светлые волнистые волосы красивыми локонами падали на плечи и спину. На галерее взорвались восторженными криками.

Томас сказал ревниво:

– Это не рыцарь, это дамский угодник!

– Не обманись внешностью, – предостерег Олег. – На тебя тоже можно всякое подумать.

– Что? – спросил Томас с подозрением.

– Не отвлекайся, не отвлекайся, – ответил Олег ласково. – Тебе сейчас вдарят.

– Нет, ты мне скажи!

– После схватки, – пообещал Олег. – Когда тебя вынесут ногами вперед.

Томас молча опустил забрало, конь тряхнул гривой и по-неся, набирая скорость, навстречу всаднику с опущенным копьём. Олег напрягся, когда прозвучал металлический удар сокрушительной силы. Томаса отшвырнуло навзничь, Олег видел, с каким трудом восстанавливает равновесие, но копьё из руки не выронил, на свою сторону прибыл уже ровный, как свеча, копьё смотрит обломанным острием строго в небо, а его противник потерял и копьё, и стремя.

Рыцари, взявшие на себя роль судей и герольдов, вынужденно признали победу сэра Томаса Мальтона. Олег дождался, когда подъедет Томас, сказал тихонько:

– Говорил же, что он только выглядит дамским угодником?

Из-под опущенного забрала прохрипело:

– Так что можно на меня подумать?

– Но тебя ж не вынесли ногами вперед, – напомнил Олег. – Разворачивайся, пленник чести... Вон там еще один выезжает! Неужели и с этим будешь драться?

Оруженосец и слуга, оба одетые кричаще пышно, вели под уздцы от шатров в сторону турнирного поля крупного коня под красной в крупную клетку попоной. На коне восседал, как влитой, огромный рыцарь в темных доспехах, солнце тускло блестит на матовом металле, выглядит опасным. Со стороны галереи подбадривающе закричали, рыцарь вскинул руку в приветствии, на галерее закричали громче, в воздух взлетели шапки.

На локте левой руки этого рыцаря норманнский щит, закрывающий бок от плеча до пояса, в правой – длинное копье с раструбом, защищающим кисть руки.

– А что еще? – ответил Томас с безразличностью. – Сброшу и этого. Подумаешь...

Олег наблюдал, как оба рыцаря разъехались на края, судья взмахнул мечом, оба закованных в железо всадника понеслись навстречу друг другу. Удар копья Томаса был такой силы, что конь вместе со всадником опрокинулся, повалился на барьер. Жерди затрещали, сдвоенная туша коня и всадника с грохотом проломилла ограждение.

Томас развернул коня и под ликующие крики толпы проскакал обратно. Народ неистовствовал, симпатии переменялись на сторону этого чужака, что выказал силу, ловкость и присутствие духа, продолжая сражаться против все новых противников. А этот удар, когда всадник падает, увлекая с собой коня, да еще на барьер, ломая его к чертям собачьим... это же так здорово!

Олег заметил, что Томас уже не просто тяжело дышит, а задыхается, лицо красное, как у вареного рака, и покрыто обильным потом. Он опустил копье, уперши его концом в землю. Подбежали двое рыцарей, Томас взглянул враждебно, но оба в цветистых выражениях заверили его в совершеннейшем почтении и восторге его доблестью. Один, отстранив слуг, сам проверил копье и, отыскав трещину, заменил на новое, второй самолично проверил подпруги и затянул туже. Олег бдительно следил за обоими, но рыцари в самом деле старались чем-то услужить Томасу, будто заглаживали свою или чью-то вину.

На ту сторону поля выдвинулся, как грозовая туча, чудовищно громадный и толстый рыцарь в доспехах из непомерно толстых листов. Томас с недоверием смотрел, как примчались оруженосцы, рыцарь тяжело вздымает руки, ему уже на коне прилаживают добавочные латы, не пригодные в бою, так называемые турнирные, толстые пластины из кованой стали, защищающие самые важные места. И так громадный, теперь выглядит монолитной глыбой металла, а конь, где он

только и отыскал такое чудовище, покрытый толстой броней до середины живота, в свою очередь несет сотни фунтов добавочного веса.

Олег покачал головой, между бровями пролегла морщина.

– Этого тебе не выбить, – определил он. – Откажешься?

Никто слова не скажет, ты уже провел семь боев и все выиграл.

Томас вздохнул, а когда заговорил, Олег ясно слышал смертельную усталость и неуверенность в голосе рыцаря Храма:

– Надо бы отказаться...

– Так откажись!

– Не могу.

– Что мешает?

– Не знаю, – ответил Томас со злостью. – Что-то мешает.

Вот мешает – и все.

– Судя по ухваткам, – заметил Олег вполголоса, – этот мордоворот бьет в левую сторону груди. Так что отклоняйся вправо. Копье скользнет по выпуклому панцирю и, конечно, тебя тряхнет, но большая часть удара уйдет в воздух.

Томас прохрипел:

– А если ударит вправо?

– Не ударит, – буркнул Олег. – Все вы, чему научились, уже не меняете. У него хорошо поставленный удар в левую часть панциря, этот удар уже столько лет приносит победу. С чего стал бы менять?

– Да, – простонал Томас, – этот не бывал в крестовых походах.

Олег кивнул, все понимая. В крестовых походах рыцари столкнулись с сарацинами, у которых совсем иные приемы боя и вообще воюют иначе. Многое пришлось пересмотреть, так что уцелевшие крестоносцы на две головы превосходят местных увальней, что щеголяют только в своих болотах. Но это преимущество еще надо уметь реализовать.

Томас опустил забрало, ему подали копьё, он зажал под мышкой и пустил коня к месту, откуда по сигналу судьи кони идут бешеным аллюром. Олег неотрывно смотрел на разворачивающееся действо, зеленые глаза загадочно мерцали.

Они сшиблись на середине поля, удар копьё Томаса потряснул гиганта, он поспешно наклонился вперед и в сторону, чтобы уравновеситься, однако не рассчитал тяжести усиленных доспехов, слишком качнулся. В помраченном сознании не сумел удержаться, на галереях ахнули, когда он тяжело рухнул на заново отремонтированный барьер, его понесло по бревну, как по смазанным жиром перилам, наконец, перевалился на сторону поля Томаса и тяжело грохнулся оземь, но еще и там его дважды перевернуло, как перекасти-поле.

Когда к нему подбежали оруженосцы, он остался лежать, не двигая даже пальцем. Один из оруженосцев отчаянно замахал руками, призывая лекаря, однако из толпы выбежали охочие люди, подхватили вдсятером, с великим трудом подняли и с тяжелыми вздохами вынесли с поля.

Олег кивнул, сказал одобрительно:

– Молодцы. Ты еще скажи, что поступили по-христиански.

Томас возразил замученно:

– А что это, как не милосердие?

– Освобождают поле для новых драк, – хладнокровно сказал Олег. – Это интереснее, чем смотреть, как оказывают помощь ушибленным.

Томас холодно смолчал, не признаваться же, что язычник прав. Не все еще в христианских странах пропитались христианскими добродетелями, не все. Но пропитаются. А кто не пропитается, тех в конце концов можно пропитать насильно.

Над полем словно пронеслось дуновение холодного ветра, остудившее накал страстей. Томас увидел, как все поворачиваются, смотрят в сторону города. Оттуда на тяжелых, но быстрых и выносливых конях скачут закованные в железо всадники, передний держит баннер с гербом, на котором два вздыбленных льва. Сзади виднелся кортеж королевы.

Кто-то вблизи Олега ахнул испуганно-восторженно:

– Король!.. Сам король!.. Ох, что теперь будет...

Король держался в середине отряда, а вперед вырвались рыцари с суровыми и значительными лицами. На трибунах сразу началось шевеление, народ стремительно исчезал со скамей для благородных. Рыцари, однако, остановили коней

на краю поля, король подъехал шагом, все затихли и смотрели в тревожном ожидании.

Он бросил косой взгляд на Томаса.

– Не оправдывайтесь!.. Я не слеп и не глух. Да, вас спро-
воцировали, но вы должны были ехать дальше, невзирая...
Граф Лангер, это вы все затеяли?

Лангер стоял впереди группы рыцарей. Трое из них уже побывали на земле, сброшенные копьем Томаса, на короля смотрят с той почтительностью, у которой есть пределы, и эти пределы совсем рядом. Лангер отвесил короткий поклон.

– Ваше величество, со всем почтением должен заметить, что вам нужно больше считаться с мнением ваших покорных слуг. Все доблестное рыцарство жаждет турнира...

Король рывкнул:

– При чем здесь турнир? Я пожаловал этому рыцарю земли, захваченные Черной Язвой!

– Ваше величество...

Голос Гаконда прогремел, как гром:

– Что, кто-то из вас восхотел бы эти земли? Да если бы даже я попытался навязать кому-то из вас эти земли, кто бы принял?.. Вы примете, граф Лангер?.. А вы, граф Розен?.. А вы, барон Удельгейт?.. Но вы тут же воззавидовали другому! Или вы ощутили, что этот рыцарь намного сильнее вас? Поняли, что он может добиться своего?.. И стараетесь его остановить? Кому вы служите, граф Лангер?.. Богу или Дьяволу?

Рыцари вздрагивали и опускали головы, глаза короля полыхают, как горящие уголья, а голос стал трубным, как у архангела, созывающего на Страшный суд. Только граф Лангер хоть и побледнел, но выдерживал взгляд.

— Ваше величество, — возразил он с достоинством, — вы не так все поняли. Этот рыцарь покидал город, весьма сожалея, что ему не выпало счастье сразиться на турнире и завоевать любовь и восторженные улыбки дам. Мы пошли ему навстречу и предложили помериться силой прямо сейчас. Так и сделали. Вот и все, никакого заговора!

Король смерил его испытующим взглядом, медленно повернулся к Томасу.

— А что скажете вы, сэр Томас, о котором я был намного лучшего мнения?

Томас медленно наклонил голову.

— Да, ваше величество, именно так.

Король побагровел, все затихли и втянули головы, ожидая вспышки монаршего гнева, однако король совладел с собой и поинтересовался жутковато ровным голосом:

— И что вы хотели этим доказать?

Томас ответил бестрепетно:

— Ваше величество, я прошу вашего позволения напоследок еще раз сразиться с графом Лангером. Он уже один раз кувыркался здесь в пыли, но почему-то не считает это поражением. Второй раз запомнит лучше. А я тут же отъеду по своим неотложным делам.

Рыцари затихли как вокруг Лангера, так и за спиной Гаконда. Король молчал, оглядывал собравшихся, даже бросил короткий взгляд на тучу простого народа, а из раскрытых ворот города бегут падкие до зрелищ горожане.

– Вы знаете мое отношение к турнирам? – спросил, наконец, король у Томаса.

Признал поражение, сказал себе Олег угрюмо. Уже не запрещает, королевской дружины недостаточно, чтобы справиться с баронской вольницей. Уже только выражает свое негативное отношение...

– Знаю, – ответил Томас в тишине. – И полностью разделяю, ваше величество! Но это не турнирная схватка, а Божий суд, ваше величество. Граф Лангер наговорил много оскорбительных слов в мой адрес, так что я призываю Господа в свидетели, что он лжец... в смысле, граф лжец, а не Господь наш, и потому я намерен вбить лживые слова вместе с зубами ему туда, откуда они исторглись, – в подлую лживую задницу!

Лангер вскипел, бросил ладонь на рукоять меча, его ухватили за руки, плечи. Он пожирал взглядом Томаса. Но ему что-то нашептывали на оба уха, он морщился, кривился, наконец, кивнул, все еще не отрывая взгляда от лица Томаса, и по сжатым губам скользнула злая усмешка.

– Как видите, ваше величество, – сказал Лангер громко, – я не могу не ответить на вызов, брошенный перед лицом знатных рыцарей! И я сейчас докажу перед Господом Бо-

гом, королем и всем рыцарством, что этот самоуверенный рыцарь – лжец. Он обманул ваше доверие, он использует вашу бумагу для каких-то иных целей, явно порочных и преступных, а к Черной Язве не приблизится и близко...

К королю подъехали его рыцари, начали уговаривать, убеждать, упрашивать. Голоса становились все громче, требовательнее, наконец, Гаконд вскинул руку.

– Тихо! Видит Бог, – сказал он зло, – я против этого способа разрешения спора. Но если нет другого пути, что ж... Объявляю Божий суд. Пусть поединок рассудит графа Лангера и сэра Томаса. А я приму результат поединка... каким бы он ни был.

Он махнул рукой, рыцари вокруг восторженно заорали. Гаконд повернулся и направился к центральной галерее, где сиденья с навесами от палящих лучей солнца. Придворные заспешили за ним, Олег сказал с укором:

– Лангер отдыхал да присматривался к тебе. Он свеж, а ты измотан!

– Он уже один раз рыл своим свиным... ликом землю, – огрызнулся Томас.

– У него лопнула подпруга, – напомнил Олег. – Только потому он и кувыркнулся.

– Не лопнула бы подпруга, – ответил Томас зло, – лопнула бы голова. Не каркай под руку! Каркатель.

Звонко и зловеще протрубили трубы. Глухо простучали барабаны и разом умолкли. В наступившей тишине Томас

и граф Лангер разъехали на края ристалища. Им подали свежие копы, граф сменил коня, в то время как Томас все еще на том же гуннском жеребце. «Надо бы поменяться с каликой, – мелькнула мысль, – этот устал не меньше меня», но судьи уже вышли на середину, один обнажил меч и в ожидании оглянулся на короля.

Тот раздраженно махнул рукой, судья взмахнул мечом. С обоих концов арены раздался нарастающий грохот копыт. Оба рыцаря мчались друг другу навстречу еще быстрее и яростнее, чем начинались схватки доныне, на трибунах замерли. Бойцы одолели только по трети турнирного поля, а скорость бронированных коней настолько велика, что на трибунах зрители начали непроизвольно подниматься, и когда рыцари оказались на середине поля, все задержали дыхание.

Железный грохот ударил с такой силой, что многие вскрикивали и хватались за уши. Копья разлетелись в щепки, белые брызги со свистом прорезали воздух, кони от столкновения едва не опрокинулись, а сейчас, встав на дыбы, бешено молотили по воздуху передними копытами. Полуоглушенные всадники изо всех сил управляли поводьями и шпорами, не давая рухнуть, но выучка обоих оказалась настолько велика, что кони развернулись на задних ногах и тяжелой рысью отправились каждый на свой конец поля.

Глава 21

Трубачи вскинули трубы с подвешенными флагами, раздались звонкие торжественные звуки. На арену вышел герольд, а когда трубачи опустили трубы и воцарилась тишина, прокричал громко:

– Схватка закончилась вничью!.. Его величество спрашивает, готовы ли рыцари закончить схватку по-христиански? Простить друг другу, как велел нам Христос?

Олег стоял близко и слышал, как Томас пробормотал глухо:

– Да что нам Христос! Пречистая Дева прокляла даже осину, что не наклонила ветви для колыбели ее ребенка!

На той стороне всадник поднял руку с копьём, все замороженно смотрели, с какой легкостью он потряс им в воздухе. Олег вздохнул: граф Лангер выглядит так, будто только-только выехал на схватку. Томас покачал головой, герольд развел руками и пошел к королю с сообщением о непримиримости бойцов.

Они ринулись друг другу навстречу с той же яростью, будто она копилась в них всю прошедшую жизнь. На трибунах затихли, застыли, никто не шевелился, даже облака и птицы в небе повисли неподвижно, и только двое закованных в железо всадников несутся, подобно двум катящимся с крутых гор огромным валунам, которым суждено столкнуться в тес-

ной долине.

Томас целил в щит, но, когда уверился, что Лангер укрепил щит и приготовился принять на него удар, успел в последний миг поднять копье, острие ударило в шлем. Лангера отшвырнуло на заднюю луку седла, он удержал копье и щит, однако толстые ременные завязки не выдержали, шлем взлетел и, кувыркаясь на ярком солнце, обрушился в толпу на трибунах.

Удар нечеловеческой мощи раздробил щит Томаса, он чувствовал себя так, словно в него угодил камень, брошенной катапульты, что дробит крепостную стену. Копье вылетело из ослабевшей руки, он с трудом удержался в седле. Конь сам донес Томаса на его край поля, встречающие расплываются перед глазами, будто в тумане, и покачиваются, словно на волнах. Рыжая голова Олега, он высится над оруженосцами и слугами, кажется втрое больше.

Подбежал один из придворных короля, граф Велезейн, спросил с беспокойством:

– Вы будете продолжать бой?

Томас прохрипел:

– А... Лангер?

– Он потрясен, но, потеряв шлем, сохранил копье и щит, так что счет равен.

– Сразимся, – произнес Томас глухим голосом. – Если граф готов...

Приблизился Олег, буркнул:

– Он еще как готов. Ему уже несут шлем. Может, передумаешь?

Томас прошипел яростно:

– Ни за что! Как ты мог даже подумать такое!

На той стороне оружейники быстро заменили порванные ремни новенькими, граф Лангер обеими руками нахлобучил шлем и сразу опустил забрало. Ему подали копье и щит, он неотрывно смотрел на другую сторону поля. Томас за это время перевел дух, перед глазами перестало двоиться. Ему заменили щит и копье, герольд поинтересовался, готов ли он к новой схватке, Томас произнес надменно:

– Готов и сейчас и всегда во славу Пречистой Девы. Если граф Лангер не признается, что оболгал...

Герольд сказал торопливо:

– Я не стану пересказывать, что благородный граф Лангер предложил вам, сэра Томас, просто передам королю, что обе стороны к схватке готовы.

Прозвучал сигнал трубы, рыцарь-судья взмахнул мечом. Оба пустили коней вскачь, разогнались, на трибунах орали, только король сидел угрюмый и наблюдал сурово и нахоженно, втянув голову в плечи. Рыцари сшиблись на середине, снова громовой удар железа о железо, словно оба рыцаря ударились железными телами. Брызнула белая щепка, со свистом рассекла воздух, как будто стая белых голубей разлетелась в испуге. Зрители провожали щепки остолбенелыми взглядами, а потом повернулись и проводили взглядами

обоих рыцарей, что придержали коней, остановили и повернули обратно, каждый отбросил обломок копья не длиннее полена.

Двое судей с каждой стороны по одному вскинули мечи, народ загудел, кто разочарованно, кто радостно, в предвкушении повторной схватки, а судьи помахали мечами и, за неимением белых флажков, означающих ничью, воткнули кинжалы в специально высверленные дырочки в бревне.

Томас вернулся, покачиваясь в седле. Олег поддержал, сказал рассерженно:

– Может, хватит?

– Нет...

– Ты свалишься раньше, чем он дотронется до тебя копьем!

– Это он... свалится, – донесся прерывистый шепот из-под шлема.

Олег раздраженно выругался. Подбежал рыцарь, присланный королем, поинтересовался, будет ли Томас продолжать бой. Томас ответил с гордостью, достойной самого Врага рода человеческого:

– Если граф готов, то почему откажусь я?

Рыцарь унесся, и почти без передышки протрубили призыв появиться на краю поля. Томас принял из рук сочувствующих копье, зажал под мышкой и пустил усталого коня к месту старта. Судья взмахнул мечом, Томас прошептал коню в опущенные уши:

– Последний бой... После него ты будешь отдыхать долго-долго. Только сейчас не опозорь...

Конь прынул ухом, копыта застучали, Томас собрался с силами, тело напряглось, как будто превратилось в камень, страшный удар, что вышиб из него дух, в глазах потемнело, грохот ударил в череп и едва не разломил его. Он сам не понимал, каким чудом удержался в седле, помогла выучка жарких боев в Святой Земле, где упасть – верная смерть. Конь остановился, дрожа и растопылив ноги. Томас ощутил, что он сейчас упадет, начал поспешно освобождать ноги из стремян.

А граф Лангер, тоже потрясенный ударом, словно в него угодила наковальня, долго пытался удержаться в седле, уже свесился с коня так, что загребал руками землю, но все еще невероятными усилиями удерживался, даже не выпускал из руки тяжелого копья, однако подпруга, не выдержав такой нагрузки, снова лопнула, опозорив его вторично, и он с силой ударился о землю, перевернулся дважды и остался на спине, обессиленно раскинув руки.

Томас вскрикнул:

– Победа!

Он хотел соскочить на землю, но сил не осталось, он почти сполз, но конь вздохнул благодарно, а Томас сделал шаг в сторону распростертого графа, до него еще десяток шагов... и вдруг граф вскочил на ноги, как ошпаренный, в его руке моментально оказался меч.

– Сдавайтесь, граф! – сказал громко Томас. Дыхание обжигало горло, он задыхался, но старался, чтобы голос звучал по возможности ровно. – Признайтесь, что оболгали меня, и король вас простит. Я тоже прощу... по-христиански.

Граф ответил руганью, а к Томасу метнулся, как взбешенный тур. Взметнулся меч, Томас едва-едва успел подставить щит, но удары посыпались со всех сторон. Граф, оказывается, с одинаковой мощью лупит и справа и слева, его меч не просто доминировал в воздухе, а казалось, только у него он и есть, а Томас лишь содрогался от яростных ударов, вздрагивал и отступал, вздрагивал и отступал.

Граф взревывал, как разъяренный бык, Томас слышал яростное сопение, тяжелые удары сотрясали его от макушки до пят, левая рука со щитом онемела. Меч графа длиннее на целую ладонь, шире, и, когда прорезает воздух, на трибунах вскрикивают, кто в страхе, кто в восторге. Тяжелый удар, Томас вовремя подставил щит, однако в левое плечо резко кольнуло болью.

Узкая щель в шлеме не позволит посмотреть на рану, но граф пустил первую кровь, радостно орет, потряс мечом, вызвал на трибунах вопль ликования, снова насел с удвоенной яростью. Томас задержал дыхание, неожиданно шагнул вперед и сам нанес несколько торопливых ударов, слабых, но чтобы остановить графа, как-то нарушить победный ход, а ближний бой вроде бы благоприятнее для того, у кого меч короче...

Длинный меч на длинной рукояти дает преимущество на дальней дистанции, но и у него, Томаса, меч не настолько короток, чтобы сойтись вплотную и успеть ткнуть, как кинжалом. Граф отпрянул, Томас ощутил его беспокойство, воспрянул духом и постарался обрушить удары, целясь в шлем. В плечо покалывает, теплая струйка поползла по груди. Рана вряд ли серьезная, на силе рук не сказывается, но если бой затянется, то трудно сказать, насколько ослабеет...

Сквозь щель забрала пытался рассмотреть глаза графа. Тот вроде бы дышит с хрипами, привык заканчивать схватку в первом же яростном натиске, но движения все такие же быстрые и уверенные. Он шагнул в сторону, Томас поспешно отступил в другую, так что некоторое время кружили, делая вид, что собираются напасть, даже делая ложные движения, наконец, Томас первым разорвал дистанцию, граф закрылся щитом и одновременно нанес тяжелый удар сверху.

Томас подставил щит, согнулся от удара, как под рухнувшей скалой, сделал выпад, кончик меча скрежетнул по булатному панцирю. Тут же пришлось отпрыгнуть, граф готовился нанести второй удар сверху, а Томас в отчаянии сомневался, что выдержит два подряд. Дыхание обжигало горло, он хрипел и задыхался.

Граф тоже медлит, но это могло означать и то, что готовит новую атаку. Он вскинул меч и, прикрываясь щитом, вращал мечом над головой, готовый в любой момент обрушить тяжелый удар меча, равного по весу боевому молоту. Томас

стал хрипеть громче, уже не скрываясь, отступил на шаг, потом еще и еще. Граф взревел победно, ринулся вдогонку.

Томас внезапно остановился и сделал быстрый шаг вперед. Тяжелый меч графа поспешно поднялся над головой, Томас вскинул щит, а сам как можно сильнее ударил в единственное место, где, как рассмотрел в момент схватки, иногда возникала узкая щель между краем булатного панциря и массивом наплечной брони.

Сейчас, когда он вскинул меч над головой, щель снова появилась, и узкое лезвие меча Томаса вонзилось, он ощутил сопротивление кольчуги, толчок, с которым меч прорвал ее, затем толстый свитер и – ни с чем не сравнимое греховно-сладостное ощущение, когда острая сталь рвет плоть противника, рассекает мышцы и крушит кости...

Он содрогнулся под чудовищным ударом. Раздался жуткий грохот, щит разлетелся в щепки. Граф попытался вскинуть меч для второго, уже смертельного удара, но заревел, покачнулся, рука с мечом начала опускаться. Томас вырвал меч из раны, поспешно отступил. Ноги дрожат, как у новорожденного олененка, едкий пот выжигает глаза, горячие струйки бегут по лицу, груди, щекочат между лопатками.

Граф шагнул к Томасу, колени подогнулись, на трибунах ахнули, когда он рухнул и завалился на бок. Томас некоторое время ждал, но вовсе не потому, чтобы увериться в поражении противника, нет сил поднять меч в знак победы, а хриплое дыхание заглушило бы победный клич.

На арену выбежали оруженосцы графа, его подняли, усадили, поддерживая под спину, Томас молча порадовался, что ничего не сказал, так он выглядит куда христианистее, что очень важно, деревянными шагами пересек арену и, оказавшись перед помостом, где сидит король, преклонил колено.

– Ваше величество, Господь Бог указал виновного.

Король промолчал, его взгляд через плечо Томаса заставил того обернуться. Оруженосцы удалились, явно сконфуженные, а Лангер, опираясь на меч, поднялся и ненавидяще смотрел на Томаса. Томас вздохнул, сразу ощутив, насколько он избит, изранен, все тело в кровоподтеках.

– Сэр Лангер, – сказал он громко и звучно, – ваша презренная жизнь в моих руках. Но я христианин...

Граф, зарывав, поднял меч и двинулся на него, как медведь, вставший на дыбы. Томас легко уклонился от сверкающего лезвия, сам с наслаждением нанес сильнейший удар мечом в голову. Раздался звон, граф закачался и рухнул на колени.

Томас договорил, стараясь, чтобы голос звучал так же уверенно:

– ...и как христианин я дарю вам остатки вашей презренной и насквозь вонючей жизни, чтобы вы провели ее в муках остатков зачатков совести... Но сперва вы должны признаться громко и ясно, чтобы слышали все, что вы грязно и низко оболгали мои благородные устремления...

Граф хрипло выругался, снова встал на ноги и шагнул к

Томасу. Его шатало так, что он делал больше шагов в стороны, чем вперед, за ним оставались кровавые следы, а потом уже и потянулась кровавая дорожка.

Томас еще раз ударил по голове, чувствуя сильнейшее желание добить сволочь, но в то же время изо всех сил борясь с этим искушением. Граф грохнулся оземь, Томас вернулся к королю и сказал, глядя снизу вверх:

– Ваше величество, если сам Господь уже сказал, кто здесь последняя свинья, то скажите же и вы слово.

Король хмуро промолчал. Томасу показалось по лицу Гакконда, что королю очень почему-то хочется, чтобы победу одержал граф. И хотя уже почти ясно, что графу изменило счастье, король все никак не может объявить приговор вслух.

Томас оглянулся, граф барахтается, пытаясь подняться. Под ним расплылась лужа крови. У распахнутых ворот теснится группа рыцарей и оруженосцев, но никто не решается выбежать на поле, чтобы не оскорбить гордого графа. Томас вернулся к графу и, остановившись в трех шагах, опустился на колени и, склонив голову, сказал громко:

– Пресвятая Дева, пощади этого дурака... И ты, сэра Лангер, вот что я скажу тебе. Признайся, что оболгал меня низко и подло, и я подам тебе руку, не побрезгаю, я ж христианин, сам выведу с поля. Ты дрался храбро и мужественно, хоть и плохо, ты достоин хвалы, а не лежания вроде пьяного каба-на, перееханного деревенской телегой...

Граф подтащил к себе меч, сил не хватило подняться, он начал приближаться к Томасу ползком. На трибунах снова установилась тишина, все не сводили глаз с происходящего на арене. Томас сказал предостерегающе:

– Вам лучше лежать, благородный сэр. Я ценю ваше мужество, но и себя я тоже ценю.

Граф прохрипел:

– Добей...

Глава 22

Томас взглянул поверх распростертого противника в сторону далеких врат, там Олег знакомым жестом указывал большим пальцем вниз. Так, как он объяснил однажды, римские короли и герцоги в древности указывали победителю-гладиатору, что нужно побежденному вогнать мизерикордию в щель забрала.

– Я христианин, – ответил Томас гордо, хотя какая-то часть души возмущенно орала, что не все из старых времен надо отмечать, добить гада – это вполне в духе христианства, – и потому я как христианин, я вас прощаю...

Он отступил от ползущего, хотя граф с мечом в руке мог разве что ткнуть острием в ноги, вернулся к трибунам и снова сказал громко:

– Ваше величество, я простил его... ибо Бог велит прощать. Что скажете вы?

Король в неудовольствии поерзал на троне. Если Бог и рыцарь простили, то ему надо и подавно, вот уже священники смотрят так, что готовы предать анафеме, король вскинул голову и, выпятив нижнюю челюсть, посмотрел поверх головы Томаса.

Не дождавшись ответа, Томас вернулся к поверженному графу. Тот уже сумел встать на колени и, опираясь на меч, старался воздеть себя на ноги. Томас сказал громко, чтобы слышали все на трибунах:

– Дорогой граф, вы в самом деле дрались мужественно. Я прощаю вас, хоть вы и не принесли извинений... Какая на хрен разница, если Господь Бог уже сказал, кто прав!

Граф прохрипел:

– Сражайся, трус...

– Я не хочу вас убивать, – объяснил Томас и, снизив голос до шепота, прибавил: – Хотя сделал бы это с охотой. Но я, увы, христианин...

– Убей, – прорычал граф негромко. – Убей, я не хочу жить в позоре...

– А придется, – ответил Томас злорадно.

Отступил, вернулся к королю и провозгласил громко:

– Ваше величество, умоляю!.. Это же ваш человек, зачем его терять? Пусть лучше погибнет в битве, защищая ваши знамена. Нехорошо оставлять своих вассалов на верную смерть.

Придворные со всех сторон загудели, придворные вель-

можи начали уговаривать короля, один из видных сановников громко отозвался о доблести графа, а Томас сказал с таким чувством достоинства, словно он, император, объяснял собравшимся королям:

– Я уеду, а этот храбрый рыцарь останется. Он может служить вам верой и правдой, ибо это не вы встали на его сторону, а Господь Бог встал на мою. Так что примите его, ваше величество.

С арены рыцари и оруженосцы уже уносили потерявшего сознание графа. За оградой его положили на землю, кое-как содрали помятые мечом Томаса доспехи. Кроме тяжелой раны в подмышечной впадине, отыскиались еще три болезненных разреза, полученных не столько от меча, сколько от треснувших доспехов, поранивших острыми краями тело. Граф выглядел ужасно, но лекари торопливо перевязали его, старший из них заверил, что граф выживет.

Король сказал с великой неохотой:

– Да, конечно... Господь на вашей стороне, сэр... Эй, сэр Гогенлерд! Провозгласите сэра... как вас...

Из-за спины прошептал сэр Ольстер:

– Сэр Томас Мальтон из Гисленда, ваше величество.

– Томас, – ответил Томас с достоинством, – сэр Томас Мальтон из Гисленда, ваше величество.

Король Гаконд сказал высокомерно:

– Провозгласите сэра Мальтона из Гисленда победителем. Томас вскинул руку.

– Сэр Гогенлерд, остановитесь. Я не хочу этого. Все и так видят, кто победил. Не стоит наносить новую рану этому в самом деле отважному и могучему воину. Такая рана для настоящего мужчины покажется злее, чем та, которую я нанес мечом.

Человек в мантии сказал громко:

– Достойная речь сына церкви! Вы дрались, как лев, но речь ваша подобна воркованию сизокрылой голубки, что жила в хлеву, где родился Христос.

Томас с достоинством поклонился.

– Я рыцарь Храма, сэр.

– Ах, тогда понятно!

Министр с еще большей симпатией посмотрел на Томаса, наклонился к уху короля, что-то пошептал. Король нахмурился, повелительным движением подозвал Томаса.

Томас приблизился, с достоинством преклонил колено перед сюзереном, стараясь проделать это с привычным изяществом, но тяжелые, как чугун, ноги слушались плохо.

– Вы победили, сэр Томас, – сказал Гаконд все еще недовольно. – Но вы устроили такое представление для народа, что, как вижу, турнира уже не избежать. Вы, конечно, отдохнете и останетесь?

Томас ответил учтиво, но твердо:

– Ваше величество, я обещал своему коню дать небольшой отдых, но... будем считать, что я бесчестно обманул бессловесное животное! Я отправлюсь к Черной Язве прямо

сейчас.

Король смотрел пытливо из-под по-королевски набрякших век.

– Мне уже рассказали, что вы сумели вышибить из седла всех лучших рыцарей моего королевства! Если останетесь, наверняка станете победителем. О вас будут слагать песни.

Томас покачал головой.

– Ваше величество...

Он умолк, король смотрел внимательно, министр сказал одобрительно:

– Этот рыцарь, ваше величество, молод годами, однако он прошел трудными дорогами. Жаль, что он взвалил себе на плечи такую задачу... Борьба с Черной Язвой – это ближе к церкви, чем к отважным воинам. Да и не всякий служитель церкви дерзнет выступить, бессмысленно гибнуть – не похристиански! Нужны умелые воины-клирики из Ватикана.

Прекрасная королева смотрела на Томаса с грустью, он видел по ее глазам, что она уже оплакивает его гибель в черных болотах. В стороне слышались веселые крики, вопли. Кто-то заорал возмущенно, но его крик потонул в радостном гомоне, смехе, даже дерзких песенках. Король оглянулся, поморщился, королева покачала головой, министр перекрестился и сказал с укором:

– А что, все верно. Урок за бахвальство.

– Да уж, – согласился и король. – Господь долго терпит, но больно бьет.

Томас все оглядывался на веселящуюся толпу, пока не раздался треск, один из роскошных шатров завалился, красная материя накрыла барахтающихся под ним людей. Несколько человек с готовностью распороли дорогую ткань, через дыры вылезли хохочущие люди, многие прижимали к груди серебряные подносы, украшенные камнями утятницы, золотые кубки, кто-то нес целого жареного гуся и на ходу впивался зубами в нежное, исходящее паром мясо...

Гаконд перехватил непонимающий взгляд Томаса.

– Это шатер графа, – пояснил он. – Оруженосцы и слуги все здесь, спасают хозяина, а шатер без присмотра. Вот и расхищают приготовленное для пира.

Томас благочестиво перекрестился. Что Господь ни делает, все к лучшему. Освиневший граф был настолько уверен в победе, что созвал праздновать победу над сэром Армагаком толпу гостей. И привез сюда из замка лучшую посуду из золота и серебра, всю украшенную драгоценными камнями, великолепные кубки, не говоря уже о том, что по его приказу двадцать поваров готовили к этому моменту птицу, дичь, оленину, в шатер завезли сорок кувшинов самого дорогого и редкого вина...

Даже шатер у него самый пышный и дорогой. Сейчас этот шатер с превеликим рвением втаптывают в землю, рвут дорогую ткань, ломают в нем столы и скамьи, расхищают все, что стоит расхищения. Простолюдины есть простолюдины, падение благородного человека им приятно вдвойне.

– Ваше величество, – сказал Томас с поклоном, – с вашего разрешения, я отбываю.

Калика, уже на коне, подвел в поводу его гуннского коня. Тот взглянул с укоризной, Томас мысленно пообещал ему дать отдохнуть, как только скроются из вида этого турнирного сборища. Кто-то из рыцарей с готовностью помог Томасу взобраться, после блистательной победы у него появилось множество сторонников.

Неожиданно подбежал один из молодых рыцарей, что-то прошептал королю на ухо. Тот потемнел, вздохнул, развел руками. Лицо стало мрачным и раздраженным.

Калика, прислушавшись, шепнул:

– Граф Лангер, не желая жить по твоей милости, сорвал повязки и только что истек кровью.

Томас перекрестился.

– Пусть Господь примет его дурную, но рыцарскую душу.

Он разобрал поводья и красиво прогарцевал на прощанье перед королевской трибуной. Усталый жеребец из последних сил перебирал ногами, рыцарь в полных доспехах весит немало, Томас ощутил, как жеребец на миг задержал дыхание, в нем что-то прошло внутри, он вздрогнул, одновременно раздался могучий сильный рев, каким архангел созывал бы на последний суд.

Томас съезжился, он видел, как прекрасная королева вздрогнула, как умолкли и вытаращили глаза ее придворные на пукнувшего коня. Калика проезжал в сторонке, а когда

взгляд испуганного Томаса упал на довольное лицо отшельника, тот поднял кверху большой палец и кивнул в сторону королевы.

Сжав сердце, Томас заставил коня приблизиться к галерее, учтиво поклонился и сказал:

– Ваше величество, прошу простить за такую маленькую вольность...

Королева неожиданно усмехнулась:

– Ничего, сэр Томас. Не смущайтесь! Я понимаю, вы больше привыкли к ратным подвигам, чем к соблюдению всех мелочей этикета.

– Спасибо, ваше величество, – пробормотал он, шпорами заставляя коня попятиться.

Она кивнула на прощанье, милостиво добавила:

– Если бы вы не извинились, я продолжала бы думать на вашего коня.

Глава 23

Дорога ныряла с холма на холм, Томас ощутил себя на палубе корабля, что взбирается на огромную волну, чтобы тут же соскользнуть по склону и начинать взбираться за следующей. Его все еще мучило, что так и не сумел оправдаться перед королевой, она тогда отпустила его милостивым кивком, а он, как дурак, поехал и только за оградой турнира сообразил, что надо бы как-то объясниться. Но Олег ухватил

поводья его коня и сказал твердо, что любое возвращение расценят как попытку остаться либо на турнире, либо в королевской свите.

И вот теперь крыши городских зданий скрылись за лесом, Олег свернул, на полянке расседлали коней и отпустили пастись. Конь Томаса стоял, расставив ноги, и даже не поднимал головы, будто не веря, что наконец-то можно отдохнуть. Потом Олег сводил их к ручью поблизости, искупал, а когда вернулся, Томас лежал у костра, закинув руки за голову, взгляд синих глаз устремлен в листву, доспехи, похожие на разгрызенный панцирь крупного рака, разбросаны по всей поляне.

Олег сочувствующе смолчал: хорошо и то, что у рыцаря хватило сил самому совлечь с себя эти стальные скорлупки. Без них, правда, похож на белого телом рака-отшельника, когда тот покидает старую раковину и отыскивает более просторную, но и Томас тоже недолго будет светить белой, не целованной солнцем грудью.

– Есть будешь? – спросил Олег.

Томас ответил вяло:

– Тошнит.

– По голове много били, – определил Олег. – Там все взбултыхалось, значит. Ладно, пусть успокоится, сметана отскочит, оживешь. Все равно уже вечер, а к утру пройдет.

Томас сказал язвительно:

– Да, ты особенно потрудился! Раз вовсе заснул стоя.

Олег зевнул.

– Да и сейчас бы заснул в охотку. Ну, раз тебе все равно не спится... и есть не будешь, тебе и сторожить.

Он зевнул шире, начал укладываться с другой стороны ковра, убирать из-под себя щепочки, сучки, мелкие камешки. Томас смотрел с недоверием, спросил:

– И что, вот так и заснешь?

– Вот так и... – начал отвечать Олег, но вдруг оборвал себя, насторожился. Томас видел, как вздрогнули и расширились ноздри, после паузы Олег договорил тихо: – Но все-таки как охотник я не могу допустить, чтобы обнаглевшие свиньи подбирались так близко!

Он цапнул лук, быстро набросил тетиву и скользнул за деревья. Томас остался лежать, бездумно глядя в зеленую крону, что слегка сдвигается под проносящимся над верхушками легким ветерком. Все тело ноет, мышцы стонут, но надо дать им вот так побыть в расслабленности, и в благодарность они очень быстро восстановят мощь и крепость, кровоподтеки рассосутся, утром он снова ощутит себя свежим человеком.

Шаги слышались не скоро, слишком шумные, потом Томас сообразил, что отшельник нарочито загребает ногами, дабы он, благородный рыцарь, не вскакивал с мечом наготове, ведь все благородные – тупые, не в состоянии отличить шаги человека от топота кабаньих копыт...

Олег вышел к костру, прислонил к дереву лук с уже снятой

тетивой. Томас огляделся, даже привстал, чтобы заглянуть за ближайшие деревья.

– А где свиньи?

Олег отмахнулся.

– Ты же сказал, что ужинать не будешь.

– Все равно, – возразил Томас обидчиво. – Мог бы притащить хоть одну.

– Зачем?

– Просто так, – объяснил Томас. – Не понимаешь?

– Нет, – сказал Олег. – Ничего интересного. Свиньи как свиньи. Не знаю точно, кто их послал, но уже то, что шли за нами от города, мне как-то не понравилось.

Томас открыл и закрыл рот, сам ощутил, что вид у него не совсем соответствующий благородному облику, но некоторое время глупо хлопал длинными ресницами, наконец, выдавил:

– Так это были... люди?

Олег подумал, ответил:

– Это смотря в каком смысле. К примеру, философская концепция сунь-хунь-вчай вообще не рассматривает в качестве людей категории, к которым относятся...

Томас прервал поспешно:

– погоди! Это были двуногие? И одеты, как мы?

Олег зевнул, сказал сонно:

– Давай спать, а? А то мне столько пришлось отгонять от тебя колдунов на турнире, что с ног валюсь... Да, это были

двуногие. Только одеты не так, как мы... Пряжки не такие... и башмаки размером поменьше...

Он заснул на полуслове. Сердце Томаса колотилось, как у пойманного зайца. Калика спит, как коней продавши, погоною обезвредил, а в остальном рассчитывает на него, Томаса Мальтона, который никогда не подводил боевых соратников.

Постанывая сквозь зубы, он поднялся, тело обиженно взвыло, каждая мышца начала обвинять в вероломстве и нарушении обязательств, однако он дотащился по следу калики до места схватки, застыл, ошарашенный. Шесть трупов, все безжалостно убиты стрелами, трое – в позвоночник, калика не очень считается с рыцарскими правилами не бить в спину, хотя для подлого сословия правила не писаны, ни один после удара стрелой не прошел и двух шагов, калика бьет либо в голову, либо дробит стрелой позвонки, так что жертва сразу перестает двигаться.

Он услышал стон, один из распростертых на спине смотрел умоляющими глазами, такими же синими, как и у него. Томас приблизился с осторожностью, человек в серо-зеленой одежде лесного стрелка, из груди как раз посередине торчит окровавленный кончик стрелы. Похоже, стальное лезвие, перебив позвоночник, прошло мимо сердца, человек не может шевельнуть ни рукой, ни ногой, такое Томас иногда видел, когда кому-то ломало хребет, эти люди медленно умирали, полностью парализованные, но как не по-христиански поступил калика, оставив несчастного добычей диких зве-

рей!

Томас наклонился к нему.

— Ты можешь говорить?

Несчастный смотрел отчаянными глазами, из них выкапывались крупные слезы, омывая пересыхающую роговицу. Похоже, он не мог даже моргнуть.

— Ладно, — сказал Томас, — исповедуйся... хотя бы мысленно, и Господь тебя примет в объятия... может быть. Во всяком случае, шанс есть. Будь только искренен!

Выждав минуту, он вытащил меч и вонзил острие в горло. Кровь хлынула струей, Томас провел ладонью по лицу убитого, опуская веки, прошелся к остальным, все мертвы, прочел заупокойную молитву. Мелькнула мысль вырыть могилу и похоронить по-христиански, но руки едва подняли меч, чтобы вложить в ножны, куда уж рыть могилы. Да и подлое это сословие, для благородного пришлось бы стараться, а хоть для Господа все люди одинаковы и равны, но, как объяснял полковой прелат, имеется в виду, что даже самый низкий простолюдин подвигами может завоевать рыцарское звание и стать знатным сеньором. Также простолюдин может стать архиепископом или даже папой римским, может стать профессором богословия, все может... но эти не стали. И хрен с ними.

Калика спал, Томас сел, прислонившись спиной к дубу, и строго напомнил себе, что он должен бдеть, ибо, как выяснилось, калика повоевал даже больше, чем он, только не ба-

хвалится. Надо бдеть и охранять сон благочестивого отшельника...

Он очнулся от сухого потрескивания угольков, запаха жареного мяса. Костер уже прогорел, калика любовно поворачивал насаженные на прутьики ломти мяса, захваченные из гостиницы, то ли разогревал, то ли поджаривал заново.

Томас пробормотал виновато:

– Прости...

– Да все хорошо, – ответил калика. – Я посмотрел коней, живучие... Уже отъелись, отоспались. Сказано, гунны. Нашим бы неделю отдыхать... Ты как, готов в дорогу?

– Позавтракать бы, – напомнил Томас.

– Это само собой, – согласился калика. – Ты вчера нагулял аппетит, нагулял!

– Тебе бы так нагуливать, – буркнул Томас. Он пошевелился, прислушался, лишь отголоски вчерашней боли, тело избавляется от зверских ушибов ускоренно, видит, что отдышать не дадут. – А что насчет колдунов?

Калика посмотрел на него удивленно:

– Каких?

– Ты с кем-то дрался на турнире, – напомнил Томас.

– А-а-а... не на турнире, а во время турнира. Это только простой народ думает, что самое интересное – на сцене. На сцене только то, что показывают, а за сценой – что на самом деле. Я кое-что ощутил еще во дворце Гаконда... Он не до-

гадывается, что дело куда серьезнее. И опаснее.

Томас насторожился, прутик с кусочком мяса замер в его руке.

– Что там?

– Темное колдовство, – сказал Олег буднично. – Правда, неявное, ему мешал архиепископ. Но на турнир ни один священник не пришел, вот там-то и...

Он вгрызся крепкими зубами в истекающее соком мясо, застонал от удовольствия. Пальцы заблестели от жира, он причмокивал от удовольствия, мол, язычнику можно чревоугодничать, ему ничего не будет, языческие боги сами не прочь пожрать вволю, выхлестать бочонки вина, а потом еще и подгрести под себя бабу. А нет бабы – сойдет и любая животина. Вот Зевс даже рыбами и пернатым миром не брезговал.

– И что? – спросил Томас.

– А ничо, – ответил Олег с набитым ртом. – Ничо у них не получилось. Хотя пытались, пытались... Но вот что не зело борзо, так это совпадение.

– Какое?

– А никакой магии и близко не было, – ответил Олег, – пока ты не переговорил с Гакондом. Да и то не сразу. Сдается мне, дело нечистое...

Томас сказал раздраженно:

– Конечно, нечистое, магия! Но мы при чем?

– А притом, что тобой заинтересовались только тогда, как

король выписал тебе грамоту на все те земли, откуда идет Черная Язва. До этого ты ну никого не интересовал!.. Я и сейчас не понимаю, кого ты мог заинтересовать... на мой взгляд, ты совсем неинтересное существо, но поди ж ты, нашлись такие...

Он обгрызал косточку, затем раздались мощный хруст и ужасающее сопение, это калика перекусил берцовую кость и высасывал костный мозг. Томас поморщился, даже огляделся украдкой, не видит ли кто из приличных, что он рядом с человеком, который ведет себя так непосредственно, что свойственно только животным и простолюдинам.

– Знаешь ли, – сказал он высокомерно, – не тебе судить о моей интересности. Впрочем, ты можешь судить тоже, никто не запрещает, но у благородных людей несколько другие критерии интересности.

Олег сказал хладнокровно:

– Мне благородными не показались.

– Их могли послать благородные, – сказал Томас строго.

– Благородные? – переспросил Олег. – Ах да, ты о родословной...

Он швырнул мелкие остатки кости в кусты, поднялся. Томас поспешил встать тоже, непозволительно, чтобы простолюдин оказывался крепче и выносливее, шагнул к коням, тяжелые седла устроились под деревом, по ним ползают муравьи, а проворные паучки уже пытаются строить ловчие гнезда для мух.

День за днем ехали между холмами и по долинам, дорога часто ныряла в лес, Олег обычно брал в руки лук и внимательно осматривался, ноздри раздуваются, как у волка, все слышит и чувствует, Томас поначалу вообще не снимал доспехи, а когда дорога шла через лес, еще и надевал шлем, даже опускал забрало, потом махнул рукой, кто станет нападать на двух мужчин, и буквально в тот же день за спиной шелестнуло, посыпались срезанные листочки. Длинная стрела вонзилась чуть ниже шеи.

Еще две стрелы звякнули по панцирю. Он заорал больше от оскорбления и неожиданности, чем от жгучей боли, и, выхватив меч, ринулся в ту сторону, откуда прилетели стрелы. В кустах затрещало, дважды мелькнули фигуры в зеленом, дальше их скрыл бурелом, через который не проберется и белка.

Выругавшись, он вернулся, Олег исчез, Томас попытался достать застрявшую стрелу, он чувствовал, что ранен серьезно, но еще больше дергался от чувства вины перед каликой, предупреждавшим же...

Через четверть часа кусты затрещали, на дорогу выметнулся храпящий конь, Олег спросил с беспокойством:

– Как ты?

– Царапина, – сказал Томас виновато. – Как я после подвигов в Сарацинии совсем потерял бдительность? Мол, в родной стране... Кто стрелял?

– Разбойники, – буркнул Олег. – Кто ж еще. Догнать не удалось, они в лесу бегают быстрее. Да и завалы везде, коряги... Ого, ничего себе царапина! Если наконечник зазубренный...

– Зазубренный, – подтвердил Томас с неловкостью. – Я уже пробовал тащить.

Пришлось у ближайшего ручья устроить привал, Олег промыл рану, наложил живицу с ближайшей березы, плотно замотал шею чистой тряпицей. Томас раздраженно потрогал повязку.

– И надолго это?

– Посмотрим на твое здоровье, – ответил Олег уклончиво. – Тебе еще платочек Яры помог!

Томас просиял.

– Да? Как?

– Кончик стрелы запутался и вместе с платком влез в твою нежную плоть. Да ладно, шея у тебя плотная, как у дуба. Да и сам ты еще тот дуб, так что все заживет быстро, не трусь.

– Я не трушу, – ответил Томас с достоинством. – Просто с такой повязкой не совсем эстетично.

Часть II

Глава 1

И снова дорога вилюжится, как след огромной змеи, что ну никак не может ползти прямо, конские копыта стучат глухо, будто в мешки с шерстью: впереди туман, земля влажная, небо снова серое, ровное, никакого тебе купола, к которому оба привыкли в жарких странах. Томас в доспехах, даже в шлеме, разве что забрало поднято, копье в руке, щит на локте, даже не чувствует тяжести железа, привык, так черепаха привыкает к панцирю, хоть и тяжел, но что с нею бы случилось без этой тяжести?

Олег изредка посматривал по сторонам, узнавая и не узнавая места, по которым когда-то хаживал. На землях старых империй дороги утоптаны до твердости камня, там еще и разрушающие их дожди в редкость, а здесь только знаменитые римские дороги и спасали империю, соединяя ее в единое целое. Однако такие дороги только там, на юге, почти не требуют ухода, а здесь с частыми ливнями, затяжными зимами и бурными паводками их подновляли каждую весну. Теперь же, с уходом римлян, дороги размыло, заровняло, а поверх выросли такие дремучие леса, что всяк поклянется насчет вековечности и неизменности этих дубрав...

Сейчас дороги начали пробивать заново. Собственно, они были и во времена бриттов и пиктов, но тогда это были тропки, что боязливо огибали массивы деревьев, предпочитали держаться у опушек, теперь же эти земли быстро заполняются народом. Тропки превращаются в дорожки, дорожки – в дороги, а между городами владельцы земель вообще пробивают прямые и широкие тракты, чтобы могли двигаться войска с тяжелыми телегами.

Навстречу ползут телеги, везут провизию, холст, горшки и прочий деревенский товар на продажу, гонят скот, телеги тянутся в сторону темнеющих в голубом небе зубчатых башен, воздвигнутых по обе стороны врат. Втрое меньше телег тащится обратно... воздух заполнен тягучим утробным мычанием скота, груженного товарами, купленными в городе.

Европа быстро застраивается городами, села отпочковываются друг от друга стремительно, возникают монастыри, как рассадники учености, а при них – университеты. И только церковь объединяет этот разобщенный мир, где воюют не только королевства, но и все знатные сеньоры один с другим. Но уже то, что церковь очень быстро переварила вторгшихся варваров и обратила их в христианство, доказало ее мощь.

Человеку, привыкшему к огромным империям Востока, странно и дико в этих землях, где крестьяне одного сеньора зачастую не знают, что делается у соседей, не торгуют с ними, не обмениваются ничем, даже новостями. Связи не то что порваны, просто еще не установлены. В одной области

может свирепствовать голод, а у соседей – полное изобилие и перепроизводство продуктов, в третьей – идет война, о которой не знают в двух предыдущих.

Больше всего, конечно, наживаются купцы, так как перепады цен просто дикие. Правда, торговля – занятие очень рискованное: каждый феодал, на чьи земли они вступали, считает вправе хоть купить товары по своей цене, хоть просто отнять товары, а купцов, этих проклятых торгашей, можно для потехи вздернуть над городскими воротами.

И только церковь сохраняет единство этих разодранных на ключья конгломератов: ни один епископ не теряет связи с Римом, все сведения доставляют быстро и оперативно. Это короли не знают, что делается у соседей: епископы знают, настоятели монастырей знают, даже знают не только что у соседей, но и у соседей соседей, а также во всем остальном мире.

До полудня ехали, каждый погруженный в свои мысли. Дремучий лес сменялся легкомысленным березняком. Несколько раз выезжали на исполинские поляны, сплошь заросшие цветами, где воздух рябил от бабочек, стрекоз, жуков и шмелей, затем пошло разнолесье, часто попадались огромные валуны, похожие на заснувших баранов, которых укрыло толстым слоем зеленого мха.

Конские копыта то и дело вздымают брызги, ручьи чуть ли не через каждые сто шагов, мелкие птицы носятся с ве-

селям писком, трижды встречали огромные дубы, из щелей которых вытекает мед, но не подступиться: воздух гудит от множества пчел. Олег, наконец, снял лук, и, когда дорогу перешло небольшое стадо оленей, грозно загудела тетива, молодой олень сделал прыжок и грохнулся оземь.

Томас нагнулся на ходу, Олег подивился, с какой легкостью рыцарь подхватил и привязал добычу к седлу. Из небольших лесных озер часто раздавалось предупреждающее кряканье, а когда как-то проехали слишком близко, целая стая жирных гусей взметнулась в воздух. Олег стрелять не стал, хотя Томас уже напрягся в ожидании щелчка и предсмертного вскрика летящего последним гуся, что выглядит самым толстым.

Когда ехали через дремучий лес, Олег начал присматриваться к деревьям, на лице появилось озабоченное выражение, конь под его рукой свернул в чащу. Томас крикнул в спину:

– Живот схватило?

– Ты можешь остаться, – ответил Олег, не оборачиваясь.

– Размечтался, – фыркнул Томас зло.

Олег ехал между огромными толстыми деревьями, конь осторожно переступал через вылезшие из земли корни, похожие на сытых змей. Иные зеленые бугры под копытами прорывались, обнаруживая те же корни, поднявшие на себе толстый ковер мха и прошлогодних листьев, конь боязливо фыркал на огромных белесых мокриц, никогда не видевших

света.

Наконец деревья нехотя расступились, конь ступил на поляну, в центре которой настолько могучий дуб, что Томас, который выехал следом, ахнул и торжественно перекрестился.

– Это... это нечто языческое!

– Угадал, – ответил Олег, все так же не поворачиваясь. – А теперь помалкивай.

Томас обиделся, но смолчал, даже коня остановил, а Олег все так же шагом поехал к дубу. Томас перекрестился снова, чем ближе к дереву Олег, тем громаднее выглядит дуб, таких просто не может быть, это ж всем дубам дуб, как будто и среди деревьев есть такие, которых смерть избегает, но в отличие от людей они продолжают расти и матереть...

Олег объехал дерево чуть, на той стороне дупло, крикнул весело:

– Подобрю ли здорову?

Долгое время никто не отзывался, он хотел повторить призыв, но слышался шорох, скрежет, царапанье, затем глухой старческий голос:

– Снова... ты?

– Снова я, – ответил Олег жизнерадостно, – как дела? Как жизнь? Какие новости?

– Новости? – донеслось из темноты дупла. – Вот мокриц что-то в этом году многовато... В позапрошлом было гусе-ниц нашествие, даже ко мне заползали...

– Да, – согласился Олег, – если даже к тебе, то не представляю, сколько их было. Но вообще как?

В дупле проворчало глухо:

– Плохо, но раз еще и ты появился, то будет еще хуже, знаю.

– Это точно, – согласился Олег. – Со мной не соскучишься. Либо лес спалю, либо наводнение устрою... шучу-шучу, не прячься. Ты что-то слышал о Черной Язве?

В дупле пошуршало, голос ответил осторожно:

– Едешь туда?

– А ты как думаешь?

В дупле вздохнуло.

– Можно было и не спрашивать, как же какая гадость в мире без тебя обойдется? Но вообще-то в плохое время едешь. Там страшноватые дела творятся. Старые боги, говорят, просыпаются...

Томас насторожился, а Олег вздохнул.

– Сколько раз я это слышал, – сказал он с тоской. – Ну почему ничего нового... всегда одно и то же... И что, черные маги обнаглели, уже в города заходят?

– Верно, – ответили из дупла.

– И тролли с гоблинами перестали воевать, теперь вместе на людей ходят?

– Точно, – ответили из дупла несколько озадаченно.

– И урочный час близок, – протянул Олег заунывным голосом, – скоро мертвецы выйдут из могил и будут пожирать

живых...

В дупле зашуршало, появилась огромная лохматая голова. Грязные спутанные волосы закрыли лоб и все лицо, только крючковатый нос торчит, как лезвие изогнутого ножа. Томас ощутил, что житель дупла лишь бегло оглядел волхва, а вот его рассматривал настороженно и с большим вниманием.

– Насчет мертвецов не слышал, – сказал лохматый, – но похоже на правду. И еще похоже, ты знаешь больше.

Олег буркнул:

– Но все равно меняться с тобой не буду. Хотя ты и счастлив.

Конь под ним встал на дыбы, ржанул, Олег развернул его на задних ногах. Томас поспешно дал дорогу, Олег на резвом жеребце проскочил мимо, как выпущенная стрела. Красный хвост гуннского коня помахивал резво и задорно, Томас пустил своего вскачь, догнал между деревьев, Олег едет сосредоточенный, брови сдвинулись, зеленые глаза мечут молнии.

– Это кто? – спросил Томас.

– Лесовик, – ответил Олег безучастно.

– Лесовик, – повторил Томас. – Ах, так это сам Лесовик?..

Тот самый Лесовик? А кто такой Лесовик?

Олег отмахнулся.

– Да не забивай голову, тебе это надо? Один из местных богов. Правда, из мелких.

Томас торопливо перекрестился.

– Демон?

– Бог, – терпеливо сказал Олег. – Бог, а не демон.

– Все равно демон, – упрямо сказал Томас.

– Невежда, – бросил Олег раздраженно. – Демоны – это те ангелы, что взбунтовались против вашего Бога. Они были низвергнуты на землю, у них отобрали белые крылья и нимбы, и там, в аду, они стали демонами.

– Обратил, – буркнул Томас, – но все равно эти языческие боги – демоны.

Олег вздохнул.

– Да, в интересах дела так считать удобнее. Я тебе уже говорил, на самом деле дохристианские боги понятия не имели ни о каком великом расколе на небе, в результате которого часть ангелов была низвергнута и теперь в опале. Старые боги в драке не участвовали, и то, что сейчас их под одну гребенку с действительными бунтовщиками... несправедливо.

Томас выпрямился, взор устремлен вдаль, постарался, чтобы голос звучал твердо и решительно:

– Они – демоны! Если нет, то должны покаяться и принять святое крещение. И тогда Господь в своей превеликой милости, возможно, их допустит к себе!

Олег вздохнул, зеленые глаза вспыхнули злостью, но быстро погасли, злость сменилась бесконечной усталостью. Он прищипорил коня и вырвался на дорогу, что начала выходить из леса.

Дважды за день встречали шайки разбойников, но никто

не осмелился напасть на двух вооруженных мужчин. На следующий день встретили шайку побольше, но и те не рискнули ввязаться в драку, только грозили издали, выкрикивали оскорбления и угрозы, делали непристойные жесты, но едва Томас опустил забрало и сделал вид, что сейчас нападет, бросились в кусты.

Однажды двое из разбойников побойчее изготовили луки и выпустили по стреле. Одна упала перед конской мордой, другая ударила в попону коня Томаса и застряла. Томас в бессилии выругался, на эту шваль не поскачешь ни с копьем, ни с мечом в руке. Даже с плетью не удастся, разбегутся, как испуганные зайцы, а за деревьями да завалами не отыскать достойному рыцарю.

Звонко шелкнуло дважды. Оба разбойника выронили луки, один повернулся вокруг оси и упал лицом вниз, и стальное острие высунулось из спины, второму стрела ударила в голову и опрокинула навзничь.

Томас оглянулся, Олег с тем же отстраненным выражением лица убирал лук за спину. Разбойники опешили, затем заорали снова, Томас видел, как потрясает кулаками, но теперь в душе ликование и чистая радость, прости, Господи, за такие чувства, он принял скорбный вид, все-таки христианские души сейчас расстаются с телами, поехал дальше суровый и неподвижный, даже сказал пару слов заупокойной. Правда, про себя, чтобы калика не ехидничал.

Олег поглядывал искоса с интересом. Любопытный народ

эти христиане. Очень даже. Чувствует одно, а говорит и делает другое. Можно бы такого назвать отъявленным лжецом, как и есть на самом деле, но, с другой стороны, полностью свободен только дикий зверь, а человек то и дело врет, чтобы уживаться в обществе. А наибольшие лжецы из всех людей на свете – христиане, что бесспорно.

Возможно, потому они и так быстро распространяются по всем странам.

– Новый мир, – пробормотал он. – Новый мир... Новые люди для нового мира...

Припомнились предыдущие попытки вырваться из закольцованной Вселенной. Пробовали Керге, Ришке, Просветленный Самми, очень много над этим бились восточные мудрецы, из тысяч которых даже знатоки помнят разве что Заратуштру, Гаутаму да еще десяток наиболее ярких, но никто не мог проломиться через стену, ибо человек был язычником, и Вселенная оставалась языческой.

Чтобы выйти на следующий уровень, человек должен сам стать иным. Перво-наперво он должен отринуть весь этот мир, придумать себе другой, более чистый и высокий, и начинать в нем жить, хоть это и смешно, и дико. Да, жить в придуманном мире. Если о нем будет говорить противник, то вполне справедливо скажет, что в лживом.

А если не противник?

Глава 2

За день пятьдесят миль, где проехали, где промчались, а заночевали на опушке леса, выбрав удобное место, чтобы с одной стороны стена деревьев, с другой – простор, а над головой плотная крыша веток. Кони даже не выглядели очень уж усталыми, Томас восхищенно бормотал, что если бы такие кони да в те времена, когда он прямо на коне взбирался на башню Давида...

На другой день Олег чуть ли не пинками разбудил рыцаря Храма, напомнил о его орденском уставе, как будто знает, что это, и Томас полез на коня, намереваясь завтракать на ходу, калика объяснил, что настоящие мужчины делают именно так.

Лес становился все реже, воздух свежее, а когда однажды деревья вообще отступили, Томас обнаружил, что они едут по суровому предгорью. Олег тоже обратил внимание на гранитные скалы, ущелья с изрезанными трещинами стенами, где в щелях ухитряются расти сосенки и другие неприхотливые деревца, искривленные, цепкие, живучие.

– Хорошо, – произнес он с удовольствием.

Томас огляделся по сторонам.

– Что именно?

– Горные ручьи, – ответил Олег, – даже водопады... Как-то забываешь, что здесь вся страна – сплошное болото, по-

крытое туманом.

Томас ощутил себя уязвленным.

– А что, сарацинские пески лучше?

Олег всерьез задумался.

– Вообще-то там неплохо, однако... болот в Сарацинии не хватает.

– Да ну? – спросил Томас.

– Верно, верно. Когда их много – плохо, когда совсем нет, то... недостает. Ты эта... не отставай уж очень! Какие вы все, рыцари, черепашистые.

Сам он ухитрялся на ходу стрелять дичь, но всякий раз тщательно выбирал молодого и жирного гуся или такого же зайца, ни разу Томас не видел, чтобы у него зверь уполз раненным или покалеченным. Он часто выезжал вперед, возвращался обычно с добычей.

Сейчас вернулся хмурый, сказал с раздражением:

– Снова болото! В который раз!

Томас спросил удивленно:

– Да, болото. Ну и что?

– А ничего, – огрызнулся Олег. – Вся Британия в болотах, всяким разным жабам нравится. Самые крупные так вообще в восторге! А я как вспомню жаркие земли Палестины, где по полгода ни капли дождя, где и слова такого, как «болото», не существует...

Томас вздохнул.

– Не бреди душу, – сказал он. В голосе, помимо грусти,

прозвучала и металлическая нотка. – В Палестине Святая Дева Мария родила благословенного сына, но только здесь, в болотистой Европе, его приняли всем сердцем! А там, в Палестине, поселилось зло и неверие.

– А почему там климат лучше? – коварно спросил отшельник.

– Господь посылает нам испытание, – ответил Томас сурово. – Вот этими болотами, гнилью, комарами, зимним холодом... А на тех, кто в Палестине, махнул рукой. Так что еще увидишь, где в конце концов будет лучше!

Он говорил с такой убежденностью в голосе и взоре, что Олег ощутил, как сдвинулись незримые пласты в мироздании, на них воздействует новая странная мощь, именуемая христианством, и мир уже никогда не будет прежним.

Но все равно, как бы ни чувствовал себя куликом на родном болоте, туманы раздражают. Вообще-то привычные, какая же Британия без туманов, но кто побывал в Святой Земле, тот прекрасно понимает, что вообще-то можно прожить и без туманов, без болот, без ненастной погоды, без постоянного морозящего неделями дождя. Олег всякий раз снимал лук, когда впереди показывался туман. Натягивал тетиву и ехал так, с наложенной стрелой, а Томас нахлобучивал шлем и даже опускал забрало.

Приходилось ночевать под открытым небом, Томас ложился, не снимая доспехов, а рукоять меча всегда оставалась

под рукой. Олег вообще почти не спал, утром поспешно завтракали и пускались в путь. Почти ежедневно на них пытались нападать разбойники, но достаточно было показать обнаженные мечи, те понимали, что схватка будет жестокой, и отступали.

Хотя крупные шайки пробовали навалиться. Тогда Олег быстро и страшно бил из лука. Меньше половины из нападавших успевали добежать до рукопашной, где грозный Томас встречал мечом и ревел в боевом гнев, так что двух-трех ударов хватало, чтобы рассеять любой отряд.

После каждой схватки Олег неприкрыто любовался Томасом, что рыцарю определенно льстило. Миллионные армии восточных владык, поражающие воображение, просто немыслимы в разодранной на множество королевств, княжеств, герцогств и графств Британии. Крупную армию просто не прокормить, здесь нельзя оперировать большими силами. На крохотных пространствах просто невозможно, так что число в Европе ушло с римлянами, теперь же все зависит от отдельных бойцов.

Конный всегда сильнее пешего, а если конный еще и рыцарь – ему нет равных. Все ориентировано на рыцарскую экипировку: лучший конь, лучшее оружие, лучшие доспехи да плюс воинская выучка – рыцарь еще с юного возраста пажа учится владеть оружием, умирять коней. В возрасте оруженосца принимает участие в сражениях, так что, когда получает золотые шпоры рыцаря, он один стоит не одного де-

сятка простых конников или десятков пехотинцев.

А когда нет войн, хмуро подумал Олег, что вообще-то редкость, рыцарь участвует в рыцарских турнирах, странствует в поисках драк и приключений, постоянно поддерживает в себе высокий воинский дух и готовность бестрепетно обнажить меч. Так что Томас не случайно стоит целого воинского отряда. Много денег вложено в его обучение, доспехи, оружие, коня, зато потом все окупается с лихвой. Да и прокормить отряд потруднее, чем одного рыцаря.

– Что смотришь? – спросил Томас с подозрением.

– Просто люблюсь, – ответил Олег честно.

– Что-о-о-о? – спросил Томас грозно. Он торопливо оглядел себя. – Это в каком смысле?

– Хорош, – объяснил Олег еще искреннее. – Так хорош, что просто уже и нельзя лучше. Вон доспехи как сияют! Хоть и побитые.

Томас перевел дыхание.

– А, ты о доспехах... Я уж подумал, меня так обозвал.

Как-то полдня ехали через лес, когда из-за деревьев, из кустов, даже из высокой травы выглядывали широкие жуткие лица. Томас никогда не понимал тех сеньоров, что держат при замках маленьких уродцев, горбунов или карлов: когда другие хохотали, он морщился и отворачивался, брезгуя смотреть на человеческие уродства. Сейчас эти уродцы, уже вызывающие не жалость, а страх, страшно корчат и без того отвратительные рожи, скалят зубы и потрясают копьями и

топорами.

Олег заметил его застывшую гримасу, обронил:

– Это не уроды.

– Почему? – переспросил Томас.

– Они такие и есть, – пояснил Олег. – Это не уроды, это такой народ. Не понимаю, откуда они снова здесь... Ведь исчезли же настолько давно, что не могу сказать, как давно...

Из-за дерева вылетел дротик, Томас небрежным движением принял на щит. Щелкнуло, дротик исчез в траве, но, когда проезжали мимо группы деревьев, с веток посыпался целый град стрел, дротиков и даже камней. Томас выругался и, прикрываясь щитом, поспешно подал коня в сторону. Стрелы отскакивали от доспехов, застревали в конской сбруе.

Олег что-то прокричал карликам, те ответили глумливым хохотом. Он прокричал снова, строже, в ответ его забросали камнями. Он догнал Томаса, лицо удрученное, хмуро молчал, пока неслись вскачь, выбирая голые места, подальше от деревьев и кустов, избегая даже зарослей густой травы, что вымахала коню по брюхо.

Томас поглядывал на Олега с хмурым сочувствием.

– Что, не удалось договориться с собратьями?

– Это твои собратья, – ответил Олег равнодушно. – Они первые британцы и англичане. Хотя, конечно, мерзкие создания. И злобные... Добро бы сейчас озлобились, видя таких, как ты, рослых красавцев, так нет же – всегда такими были, когда здесь только зверье всякое бегало...

Томас зябко передернул плечами.

– Несчастный.

– Да они себя такими не считают, – возразил Олег.

– Это я о тебе, – пояснил Томас.

– Почему?

– Не принимает тебя Господь, – ответил Томас с глубоким сочувствием. – Где-то подосрал ты ему, не желает видеть твою поганую рожу.

Олег подумал, пожал плечами.

– Это твоя догадка. Не хуже и не лучше других.

– А что, – удивился Томас, – есть еще?

– Конечно, – буркнул Олег. – Немало.

Томас сказал задиристо:

– Назови хоть одну!

Олег усмехнулся.

– Я оставлен на боевом посту.

Олег ехал весь в думах, но Томас видел, как взор загорается, когда мимо проплывают ничем не примечательные руины или когда на высоких скалах проступают странные надписи на исчезнувших языках. Возможно, на месте нынешних руин когда-то высился гордый замок, а хозяином был друг Олега, а то и он сам, с ним никогда не угадаешь, кем мог быть и кем стать потом.

Если так, то в руинах вполне мог быть тайный ход, что приведет в сокровищницу. Язычники ухитрились собирать

огромные богатства. Не всегда же Олег беспечно скитался по дорогам, он знает нелегкий труд сеньора, когда обязан охранять весь край, защищать крестьян, быть справедливым судьей, заключить с соседями союзы о дружбе и зорко следить, чтобы не нарушались ни с чьей стороны... Жизнь сеньора нелегка, куда проще все бросить и уйти странствовать, якобы «искать истину», дурь какая, последнему дураку понятно, что вся истина в Библии, другую искать глупо, ее просто нет...

Он покосился на Олега, тот с луком в руках поглядывает на верхушки деревьев. Томас сказал с насмешкой:

– А не боишься стрелкнуть в какого-нибудь своего бога?

Олег не понял, переспросил:

– Бога? Какого бога?

– Откуда я знаю, – ответил Томас победно. – У нас Бог один. Его не достать, а ваши под каждой кочкой прячутся. И в каждой луже, не говоря уже о болотах. И на каждом дереве...

Олег сказал равнодушно:

– А что, зато живые боги. Живут себе и живут. Им даже церковью строить не надо.

– Церкви, – ответил Томас важно, – необходимы.

– Ну да, – ответил Олег саркастически, – куда же без них!

– А что, – сказал Томас с удивлением, – ты считаешь, можно быть христианином и не ходить в церковь?

Олег буркнул:

– Знаешь, у тебя что-то не состыковывается. Вера в Бога – ладно, это одно. Верить или не верить – личное дело каждого. Бог, как сказано в ваших книгах, есть в сердце каждого. Так зачем в этом случае церковь вообще?

Томас задумался надолго, Олег уже решил, что рыцарь либо задремал, либо забыл о трудном вопросе, но, когда все же заговорил, голос его был мягкий и увещательный, как будто старый мудрый дед вразумлял туповатого внука:

– Понимаешь, все не так просто. Скажи, как без церкви донести до язычников Слово Божье? Как поддержать колеблющихся и сомневающих христиан? Тысяча лет прошло со дня гибели Сына Божьего, и все это время церковь несет свет в мир, просвещает, поясняет, строит везде школы, учит детей читать и писать, строит приюты для брошенных детей и помощи увечным на войнах... Без церкви как бы все это свершилось?

Олег проворчал:

– Ладно-ладно, с этим ты уел, признаю. Но ты вспомни хоть священника в замке своего отца, хоть архиепископа, что подле короля Гаконда! Первый не дурак выпить и за бабами приударить, а второй – чревоугодник, разве не видно? А ведь не простые монахи – иерархи церкви, но какой пример подают?

Томас посмотрел удивленно, переспросил с недоверием в голосе:

– Ты в самом деле не понимаешь таких простых вещей?

Ах да, все забываю, ты – язычник. А язычник, даже если очень грамотный и много знает, все тот же слепец, блуждающий во тьме невежества и всяческих заблуждений.

Олег предложил саркастически:

– Ну-ну, просвети.

– Даже не знаю, – ответил Томас с сомнением, – твое невежество столь велико, что я иногда думаю, что прикидываешься. Ведь не может даже простой человек быть таким... слепцом.

Олег сказал раздраженно:

– Я не понимаю, что в моем вопросе выглядит глупым. Разве те высшие священники не образцы всех пороков? Разве церковь не является во многом рассадником... всех гадостей не перечислишь! Так почему я должен следовать за такой церковью?

Томас всмотрелся в него внимательно, с отеческой жалостью во взоре.

– А ты в самом деле не понимаешь, – произнес он жалостливо. – Теперь зрю. Олег, за церковью не надо следовать. И никто не следует. Христиане следуют за Господом. А церковь – это Божий дом, открытый для королей, рыцарей и простого люда, ибо перед Богом все равны. Он с такой высоты смотрит, что все мы тут внизу для него одинаковые, как вроде вон для тебя муравьишки. В церковь ходят, чтобы пообщаться с Богом, посоветоваться, попросить что-то или просто побывать в Божьем доме! Как навещают роди-

телей примерные дети, что ввиду взрослости живут отдельно. А все эти священники, о которых ты говоришь с таким смешным жаром, – всего лишь слуги Божьи в Божьем доме. Ну, вроде конюхов, стряпух, дворецкого и прочей челяди. В каждом доме свои правила, а в Божьем – особые. Потому здесь и слуги прошли трудную подготовку для служения Господу. Ну и что, если какой слуга начинает задирать нос, он-де выше других, и тем более выше тех простолюдинов, что рубят лес или пахут землю? Мало ли ты видел слуг при важных господах, что тоже начинают важничать? От этого величие и благородство их господина не убавляется.

Олег смолчал, посматривал на рыцаря с удивлением. Томас хорош, даже сам не понимает, что достаточно просто излагает вообще-то трудные истины. Или очень хорошо слушал полкового прелата, а тому наверняка не раз задавали вопросы насчет примерного поведения священников.

Глава 3

Справа медленно двигался длинный пологий холм, но достаточно высокий, слева продолжался спуск, а дорога проложена по косогору как раз посреди холма. Томас видел, как дальше она опускается и выходит в зеленую долину, где дубовая роща, небольшая речушка и заросли камышей. Отшельник занят своими мыслями, Томас попытался думать о приятном, как он сумеет повергнуть всех к копытам свое-

го коня и все признают его величие и беспримерную скромность...

Под ногами дрогнуло, прокатился далекий тревожный гул. Из подземной норки выскочил зверек и, не помня себя от ужаса, бросился вниз по склону, упал, покатился, кувыркаясь через голову. С вершины холма взлетела стая ворон, раздраженно закаркали.

Томас насторожился, заученным движением метнул руку к забралу. Железо лязгнуло, закрывая лицо, другой рукой он нащупал рукоять меча. За спиной послышался злой вскрик Олега:

– Этого еще не хватало!.. Томас, скачи вниз!

Не раздумывая, Томас пустил коня осторожной рысью вниз, сильно откинувшись на заднюю луку седла. Склон оказался круче, чем выглядит, за спиной гул нарастает, донесся голос Олега, но Томас не оглядывался: те, кто бывал в битвах, привыкли подчиняться, не раздумывая, от этого зависит, быть живым или не быть. Тот, кто первым замечает опасность, успевает предупредить остальных, а кто замешкается – будет объясняться на Страшном суде, почему медлил, почему не выполнил клятву крестоносца и дал себя убить, не сделав все, что должен человек и рыцарь.

Земля под конскими копытами вспучилась, конь зашатался, остановился, растопырив все четыре и дрожа всем телом. Томас вскрикнул, быстро перекрестился: под землей прошла волна, вздымая ее на высоту в половину человеческого ро-

ста, пронеслась дальше вниз и там в долине незаметно растворилась, как растворяется любая волна в озере.

— Пошел! — велел он коню. — Пошел!..

Конь пошел сразу скачками, при каждом скоке приседая на круп, кое-где даже съезжал на нем, сидя на зеленой траве, как на льду. За спиной нарастал новый гул, теперь в нем проступил рев, будто подал голос исполинский медведь, запертый в подземелье. Томас стиснул челюсти, вцепился в поводья.

Толчок нагнал их почти сразу, Томас ощутил, что его вышвырнуло, как могучим пинком. Он ощутил себя падающим с коня, тело инстинктивно проделало все то, что приучилось делать за долгие мучительные походы и сражения: ноги молниеносно освободились от стремян, он собрался в кучку и грохнулся оземь так, что ничего не сломал, и даже дух не вышибло, только земля и небо быстро-быстро замелькали, сменяясь, перед глазами.

Наконец, его перестало крутить, как белку в колесе. Он торопливо ощупал землю, попробовал встать и тут же со стоном рухнул: земля и небо продолжали кружиться. Послышался топот, он с трудом повернул голову, кровь застыла в жилах: Олег спускался на коне с холма следом, а за ним, настигая, гналась гигантская волна в три человеческих роста — уже не зеленой земли, а камней, валунов, щебня. Все это с каждым мгновением вырастало, появился гребень и начал угрожающе загибаться вперед, намереваясь накрыть бегле-

ца, как шатром.

– Олег! – прохрипел Томас. Он указал трясущейся рукой в сторону жуткой волны. – Олег...

Олег на ходу оглянулся, посмотрел быстро на Томаса, тот видел, как исказилось лицо волхва, снова оглянулся и резко взмахнул рукой. Каменная волна, что достигла уже высоты трехповерховой башни, замедлила бег, начала застывать, а Олег промчался рядом с Томасом, протянул руку:

– Быстро!

Томас промахнулся, зато ухватился за стремя, некоторое время даже бежал рядом, затем упал, но стремя не выпустил. Его проволочило по земле еще десятка два ярдов, затем конь остановился, а Томас услышал тяжелый гул, грохот, далекий подземный треск.

Вскочив в испуге, обернулся. Застывшая каменная стена рушилась с грохотом, тяжелые глыбы обрушились с карниза, затем рассыпалась вся, крупные валуны покатались по склону. Томас расширенными глазами смотрел, как они катятся, катятся, катятся... Самые удачливые докатились ему буквально под ноги, остальные остановились раньше. Зеленый склон теперь стал коричневым от вздыбленной глины, камней, вытолкнутых из глубин неведомой силой обломков скал.

Томас прохрипел, все еще чувствуя тошноту от долгого кувыркания:

– Что... это?

– А ты как думаешь? – ответил Олег вопросом на вопрос. – Садись, поехали.

Томас огляделся, его конь, оказывается, сбежал вниз куда быстрее, чем его доволочили мордой по земле, хорошо забрало опустил, но назачерпывал столько, что голову не повернуть, как будто впрессован в плотную глину...

Олег, поколебавшись, слез, устало сел на землю. Томас кое-как стащил шлем, земля рухнула черным водопадом, получились две огромные кротовые кучи. Пока он чистил шлем, Олег проговорил измученным голосом:

– Я, похоже, перестарался...

– Отдохни, – сказал Томас обеспокоенно.

– Отдохну, – согласился Олег. – А ты поохраняй. Я сейчас не отобьюсь и от воробья.

Томас уловил движение, быстро повернулся. Роскошный дуб красиво раскинул в стороны могучие ветви, и на одной уселся огромный ворон, блестящий, словно агат. Крупные перья отливают синевой закаленной стали, мощные лапы, как у орла, обхватили ветку с такой силой, что вот-вот брызнет сок, а блестящие глаза с недобрый любопытством рассматривали рыцаря.

– Брысь, – произнес Томас.

Олег устало оглянулся.

– Ты это кому... А, птичка. Что по вашим христианским суевериям это предвещает?

– У христиан нет суеверий, – отпарировал Томас. – Только

мерзкие язычники верят в приметы.

— А в чудеса?

— Тоже язычники, — сказал Томас твердо. — Господь сотворил человека, это было последнее настоящее чудо. А все, что сейчас еще творится, — это недобитая магия недобитых колдунов... А ну, брысь, говорю!

Ворон продолжал рассматривать его с любопытством. Олег всмотрелся в ворона внимательнее, вдруг удивленно присвистнул. Томас с непониманием смотрел, как Олег, не отрывая взгляда от ворона, поднял руку к оперенным стрелам, некоторое время перебирал их, а когда наложил на тетиву, наконечник блеснул не сталью, а серебром.

Ворон теперь смотрел уже на Олега, лапы его сжали ветку крепче, он чуть присел, готовый в любой миг оттолкнуться и взлететь, но тетива щелкнула неожиданно, стрела сорвалась молниеносно. Томас выругался разочарованно: ворон успел метнуться в воздух с неожиданной быстротой... стрела должна пройти внизу, над веткой, где он сидел...

Удар, во все стороны полетели перья, ворон дико каркнул, а затем уже вскрикнул почти человеческим голосом, и Томас запоздало понял, что волхв рассчитал и взял прицел на то место, где ворон окажется через мгновение.

Падая, ворон ударился о ветку, на которой только что сидел, на миг странно завис быстро меняющимся телом, перевалился и тяжело ударился о землю. Томас подбежал уже с обнаженным мечом в руке, вздрогнул, дикими глазами по-

смотрел на Олега. Тот замедленными движениями снял тетику и сунул в карман, лук спрятал за спину, и все очень неторопливо, словно надеясь, что Томас все остальное возьмет на себя.

Томас с отвисшей челюстью стоял над распростертой на земле обнаженной женщиной с роскошными черными волосами. Она лежала навзничь, стрела по самое оперение погрузилась под левую грудь, этот аккуратный холмик с розовым соском еще судорожно вздымался, кровь течет совсем тонкой струйкой, но на безукоризненное красивое лицо уже легла тень скорой смерти.

– Это же... – прошептал Томас перехваченным горлом, – женщина!

– В самом деле, – пробормотал Олег, – ты наблюдательный. Как ты догадался?

Томас сказал со злой растерянностью:

– А почему она... ворона?

– Действительно, – согласился Олег, – странно. Женщина вообще-то хищная тварь, она больше в кошку, обычно – черную, ну там в лису, волчицу, щуку, глендию... ну это тебе знать рано, но чтоб в ворону... гм.

– У нас как-то вороны даже на овец нападали, – вспомнил Томас. – А так вообще они цыплят крадут...

– Вообще-то да, – сказал Олег. – Все-таки рыцарский мир, если присмотреться, лучше. При всей его жестокой дурости у вас женщин не посылают вот так... в самые опасные места.

У вас женщины вообще не воюют, что есть хорошо. Нельзя женщин так использовать, нельзя!..

Он вздохнул и, махнув рукой, лег под дубом, накрыл лицо полой плаща и тут же заснул. Томас в дикой растерянности переступал с ноги на ногу перед умирающей. Она смотрела в его сочувствующие глаза. На ее бледном лице мелькнула слабая надежда, тонкие руки поднялись в его сторону в безнадежном жесте, моля о спасении. Он вздрогнул и помимо воли протянул руку, их пальцы успели соприкоснуться... и тут же ее рука упала, а лицо дрогнуло и застыло.

– Пресвятая Дева, – прошептал Томас и перекрестился, – спаси и сохрани...

Он сам не знал, какое спасение жаждет в этот момент и спасение ли жаждет, но привычные слова пошли автоматически, он дочитал молитву до конца, а когда сказал «Аминь», на душе стало ровно и спокойно, словно в морском заливе, откуда только что ушла буря.

Мельница, похожая на каменный палец, отличается от встреченных ранее и размерами, и тем, что впервые увидели добротную каменную, только четыре крыла выглядят как-то несерьезно: даже не деревянные лопасти, а натянутый на рамы холст.

Правда, вращаются уверенно даже при слабеньком движении воздуха, почти незаметном. Томас слышал отдаленный хруст работающих жерновов. У мельницы две подводы,

а третью он заприметил далеко на выезде из деревни.

– Неплохо живут, – определил он. – Зерна много, можно коней накормить и в запас взять.

– Может, все продают, – буркнул Олег. – А на вырученные деньги покупают квадратные камни.

– Зачем? – удивился Томас.

– Чтобы бросать в пруд и ломать голову, почему камни квадратные, а круги всякий раз – круглые?

– Зачем? – спросил Томас еще больше.

– Мы ж люди, – объяснил Олег. – Мы должны думать над непростыми вопросами. Над простыми думают только звери.

Томас насупился, не зная, дурость это или шуточка, на всякий случай сделал надменное лицо и красиво смотрел на вырастающие по обе стороны дороги аккуратные дома, с одной стороны которых огороды, сады, пашни, а с этой – колоды перед каждым домом, чтобы вечерами сидеть и чесать языками.

Еще от околицы их уже провожала стайка мальчишек, девочки застенчиво смотрели из-за высоких заборов, а когда миновали первые дома, навстречу вышли два старика в белых одеждах и с посохами, разом поклонились.

– Мы старосты, – сказали оба в один голос. – Мимо едете аль гостями будете?

Томас ответил великодушно:

– Переночуем у вас, а утром поедем дальше. У вас, надеюсь, деревня не голодает?

Один от великого возмущения даже задохнулся, второй староста замахал руками.

– Что вы, господин рыцарь, как можно?.. Мы ведем деревню по праведному пути. Господь велел трудиться и приумножать богатства. Труд – это благо, это святое дело. А кто трудится – тот богат.

– Проверим, – ответил Томас весело.

Он бросил повод старосте, тот поймал и пугливо посмотрел на грозного коня. Томас обернулся к Олегу, тот все еще осматривался в седле.

– Ты на коне и заснешь?

Олег спрыгнул, вручил повод подбежавшему мальчишке. Тот, очень гордый оказанным доверием, потащил коня за собой. Первый староста уже справился с праведным возмущением и полным достоинства жестом пригласил в сторону самого большого и высокого дома.

Глава 4

Со стола перед Томасом только что убрали пустое блюдо с остатками разгрызенных костей молодого барашка, взамен появилась овальная тарелка с огромной толстой рыбиной, украшенной зеленью. Вокруг рыбины – Олег так и не понял, что за рыба, – зажаренные перепелки и вареные перепелиные яйца, молодому рыцарю наперебой щедро предлагают со всех сторон деревенскую снедь, прямо с огородов

и с веток плодовых деревьев.

Томас раскраснелся, рот до ушей, есть и пьет за троих. Стойко и с достоинством переносит тяготы пути, как заметил Олег, зато умеет наверстывать на отдыхе, особенно когда вот так: и еды всякой вволю, и все радушны, каждая жилка в организме отдыхает, наслаждается покоем.

Олег ел достаточно равнодушно, мысли текут вяло, приземленно. Пытался взогнать их, как голубей, ввысь, помыслить о возможных путях развития народов, но они лениво спускались на землю и ползали, как толстые ленивые крысы, питаясь обильными крошками слухов, домыслов, сплетен, рассказов о ссоре королей Эссекса и Уссекса, что уже начинают собирать войска верных вассалов.

Интересно, будет ли у этой ссоры продолжение, решатся ли государи на такое святотатство, как нарушение Божьего Мира: установленный церковью строжайший закон, который поддерживают все местные церковные советы и большинство крупных сеньоров? По этому миру запрещено проводить любые военные действия с пятницы до понедельника, а также в дни церковных празднеств, плюс – абсолютная гарантия от тягот и последствий войны священникам, торговцам, артистам, менестрелям и крестьянам.

Если учесть, что кампания грозит затянуться, а служба королю ограничена сорока сутками, после чего любой вассал сворачивает шатер и со своим отрядом с чувством выполненного долга возвращается в замок, а у короля хоть трава

не расти, нарушения Божьего Мира не избежать. Да и слишком густонаселенные здесь места, пришлось бы вести войско через сады и пашни. Но даже если короли и пойдут на такое нарушение, то церковь от такого поражения только выиграет: народ увидит, что только церковь защищает земледельца, вообще простого человека от тягот войны, а все беды – от светской власти.

Он вздрогнул, на дальнем краю деревни кто-то громко и отчаянно застучал по металлической доске. В большой комнате мгновенно стало тихо, все прислушивались с недоумением, но без тревоги. Томас вскочил, спросил отрывисто:

– Тревога?

– Да, – ответил староста как-то неуверенно, – но волки давно не нападают, у нас там сильные собаки...

– Пошалил кто-то, – высказал предположение кто-то. – Помните, как в прошлый раз сынишка Козлодрала?

– Мало его тогда пороли!

– Но...

Металлический звон оборвался, затем все услышали грохот конских копыт. Целый отряд с гиком и криками несясь по улице. Кто-то бросился к окну, вскрикнул:

– Господи!.. Они поджигают дома!

Все ринулись к двери, сбились в кучу, толкаясь и стараясь прорваться наружу. Томас обернулся к Олегу, глаза метали синие молнии.

– Мой меч и доспехи в доме через три отсюда!

Олег буркнул:

– Прими соболезнования.

Он прыгнул в угол, там тяжелый лук, пальцы привычно выудили из кармана моток с тетивой, набросили петлю на рог, толстое дерево затрещало, сгибаемое безжалостной рукой, вторая петля дотянулась до другого рога. Тетива грозно загудела, как гигантский шмель, Олег схватил колчан со стрелами и тоже бросился к двери.

Томас опоздал лишь на мгновение, Олег могучим толчком выбросил всех застрявших наружу и вылетел следом сам. Томас выбежал и, не обращая внимания на крики и жестокий смех на улице, задами бросился к дому, где им определили ночлег. Нападающие, судя по всему, проскочили в центр деревни, кто-то из местных снова проскользнул к сигнальной доске и отчаянно стучал в нее, в деревне переполох. Женщины с визгом хватают детей, что пытаются увернуться и продолжают носиться друг за другом. Мужчины застыли, в смертном страхе оглядываясь по сторонам, им придется пасть первыми, бросались к топорам, вилам, копьям и пикам.

Между домами крик, кто-то пытался укрыться в сарае, кто-то в панике лез на крышу, самые хладнокровные из женщин хватали детей и тащили в подполье, а мужчины с топорами в руках встали в дверных проемах. Кто поумнее или уже с опытом схваток, затаился в комнате за дверным косяком.

Всадники неслись с грохотом, опрокидывая плетеные корзины, большие и мелкие кувшины, легкие навесы от дождя и солнца, ограды для коз, налетели с грохотом копыт, звоном железа и дикими криками, от которых стыла кровь в жилах. Мечи и острия копий страшно сверкали под потемневшим небом. Один из крестьян упал на пороге своего дома, пораженный дротиком в спину, из раскрытой двери выметнулись четыре руки и торопливо втащили вовнутрь. Дверь захлопнулась, всадник рассерженно остановил коня и начал тыкать копьём в окна.

Остальные с гиканьем и устрашающими криками промчались по улице. В самом конце зарубили еще двоих, не успевших или не пожелавших прятаться. Некоторые вышибали двери и вламывались в дома, другие, соскочив на землю, торопливо высекали огонь. К ним уже тянулись смоляные факелы, вожак обеспокоенно посматривал в сторону замка, покрикивал, поторапливал.

Томас на бегу видел, как некоторые женщины прыгают в заранее заготовленные ямы и быстро накрываются перепачканными землей крышками, из которых торчат пучки травы, делая укрытия почти неотличимыми от земли. Дети там послушно замрут, как подземные зверьки, матери будут спешно подгребать, прижимать их трепещущие тельца, все в ужасе станут прислушиваться к грохоту копыт сверху, конскому ржанию, крикам и звону железа, к звукам схватки, где могут пасть их мужья и старшие дети.

Во главе отряда Томас рассмотрел всадника и, хотя лишь мелькнуло его злое перекошенное лицо, понял, что не забудет: рослый, худой, лицо узкое, будто его самого перековали из меча, в настолько облегченных доспехах, что даже конь кажется тяжело закованным рыцарем, меч в руке всадника длинный, блестящий, выкован очень умелым оружейником.

Всадник постоянно бросал взоры в сторону далекого замка, покрикивал, чтобы торопились, и Томас застонал на бегу от чувства бессилия, наконец, ворвался в дом, успев увидеть, как в соседний амбар вбегает народ, двое дюжих мужчин с обеих сторон навалились на тяжелые створки. В доме, куда вбежал Томас, двое мужчин торопливо рылись в углу, один с радостным воплем вытащил плотничный топор, второй отыскал палицу, утыканную обломками кремня.

– Быстро помогите с доспехами! – гаркнул Томас.

Он подхватил половинку панциря, мужики все поняли и хотя неумело, но споро застегнули ремешки. По улице с бесшумным грохотом копыт носились страшные люди на огромных конях, совсем не похожих на тех смиренных лошадок, на которых пашут, возят на телегах зерно. Слышались крики, грохот, лязг и злобный смех. Заприметив женщину, что не успела спрятаться, двое мужчин сразу же спрыгнули с коней и торопливо бросились к ней.

Один из всадников завопил торжествующе, заприметив впереди перед кузницей жаровню с раскаленными углями. Тотчас же несколько человек подскакали с факелами, под-

жигали, Томас заскрежетал зубами, когда они понеслись вдоль улицы, поджигая соломенные кровли. У последнего дома всадник зашвырнул ненужный факел на крышу, выхватил меч и прокричал:

– Выходите, жалкие трусы!.. Ваши дома горят!

Конь под ним гарцевал, мотал головой, роскошная грива красиво реяла по воздуху. Пятеро, оставив коней, бросились к дому и, выбив двери, ввалились вовнутрь. Слышны крики, хохот, отзвуки тяжелых ударов. Наконец, трое выволокли отчаянно вопящую женщину, волосы растрепаны, платье разорвано, следом вышел еще один, зажимая рукой окровавленное плечо, между пальцев стекали красные струйки. Пятый, судя по всему, остался в доме, крыша которого уже вся занялась жарким оранжевым пламенем.

Остальные части доспехов Томас надевать не стал, с обнаженным мечом выбежал на улицу. С той стороны стоял, широко расставив ноги, Олег. Красные волосы развеваются, как пламя, зеленые глаза блещут звериной яростью, а руки двигаются быстрее, чем мелкая птица бьет крыльями. Стрелы с ужасающей силой пробивали кожаные доспехи нападающих, лишь двое сумели прорваться к нему, но он ухитрился быстро отступить в сторону и обоих вышиб из седла рогом тяжелого лука.

Томас в ярости рубил, выкрикивал клич Мальтонов, во-первых сперва было бросился в его сторону с поднятым мечом, но передумал, прокричал приказ отступить, уцелевшие раз-

вернулись и ринулись вскачь вдоль улицы. Томас с проклятиями бросился следом, выкрикивая оскорбления и требуя, чтобы вернулись и сражались, но тяжелая рука рванула за плечо.

– Пешком? – раздался насмешливый голос.

Томас опомнился.

– Да, у нас такие кони, что сразу догоним!

– Никого догонять не будем, – отрезал Олег. – У нас дела.

– Но наш рыцарский долг...

Олег поморщился, словно оскорбленный до глубин души предположением, что у него может быть такая хрень, как рыцарский долг.

– Наш долг, – сказал он веско, – добраться до Адова Урочища.

Томас запротестовал:

– Но как можно мимо такого...

– Надо, – отрезал Олег. – Быстрее доберемся, быстрее справимся... быть может. Большое Зло плодит множество маленьких. Хочешь всю жизнь сражаться с маленькими? Не рискуя оказаться лицом к лицу с большим?

Томас захрипел ослабленно, как боевой конь при виде волка, оглянулся еще раз на дорогу, где уже опадает пыль, поднятая копытами усакавших.

– Надо сказать здешнему сеньору, пусть своих крестьян защищает получше! Моих никто пальцем тронуть не посмеет. Сеньор для того и сеньор, чтобы оберегать народ, а не для

сдирания налогов, если доспехи для турнира хочется подороже...

Олег кивал, соглашался, наконец, возмущенный рыцарь, излив душу, позволил увести себя с улицы, с ранеными и ушибленными простолюдины справятся и сами.

Завтрак был нервозный, старосте то и дело докладывали о потерях: один крестьянин убит, восьмеро ранены, из них двое – тяжело, два сарая сгорели начисто, у двух домов сгорели крыши. Староста руководил девушками, что прислуживали гостям, то и дело многословно извинялся, такое у них впервые, всегда с соседями жили мирно, что же в мире творится, что вот так, недаром же знамение было в небе, у коновала курица кричала петушьим голосом, а еще в лесу видели рогатую лягушку, не к добру, не к добру...

– Все не к добру, – сказал Томас сурово. – Враг не дремлет! Я имею в виду Врага рода человеческого. Потому надо всегда бдеть, всегда давать отпор.

– Даже загодя, – сказал Олег очень серьезно.

Томас посмотрел строго, но не понял, где тот уел, повторил, повысив голос:

– Давать отпор всегда! Господь создал совершенный мир, но поддерживать красоту и порядок поручил нам.

– Рыцарям Храма, – поддакнул Олег.

– Всем людям, – отрезал Томас грозно. – Для Господа нашего мы все равны, и всем отвечать нам перед ним по всей

строгости.

Олег поглядывал на Томаса искоса, помалкивал. Вообще-то из молодого рыцаря выйдет хороший хозяин, уже сейчас в нем иногда проглядывает необходимая занудность, без нее не обойтись в построении и упрочении. Лихость и удаль необходимы, когда ломать и рушить, а чтобы строить, да, нужно вот так вдалбливать прописные истины.

Крестьяне кивали, соглашались, еще бы не соглашаться, когда этот рыцарь со своим другом в одиночку отогнал нападающих, трупы сраженных складывают на обочине, а за хозяином в замок уже послали для опознания.

Томас отклонил честь встретиться с сеньором и принять от него благодарности, добрые дела должны твориться не в расчете на вознаграждение, вообще их в идеале нужно делать тайком, но раз уж не получилось...

– Сэр калика, – позвал он нетерпеливо, – ты еще долго будешь возиться с этим окороком?

– Увязываю в дорогу, – ответил калика обидчиво. – Или думаешь, вот прямо щас сожру?

– Зная тебя, не удивлюсь.

– Ну, спасибо!

– Всегда рад сказать тебе приятное. Для язычника чревоугодие – похвала?

– Ничего, я тоже найду, чем похвалить христианина!

Крестьяне высыпали все проводить нежданных спасителей, отдохнувшие кони понесли бодро, весело помахивали

гривами. Оглянувшись, Томас увидел облачко пыли, приближающееся со стороны замка.

– Надеюсь, – сказал он строго, – примет меры к такому соседу.

– Тебе бы королем быть, – вздохнул волхв. – Никому бы не спустил...

– Да, я такой!

– И воцарилась бы жизнь безопасная, – сказал калика, – спокойная, тихая, мирная, болотная, затхлая...

Томас, что сперва слушал с удовольствием, насторожился, повернулся к нему с огнем и вопросом в глазах.

– Это как это затхлая?

– Не знаю, – ответил Олег. – Видел только, где жизнь слишком тихая и мирная, все постепенно загнивает. Наверное, в самом деле боги создали шук, чтобы караси не дремали, не жирели. Вроде бы и несправедливо к карасям, но если по-другому не получается?

Томас с неудовольствием отвернулся. Калика столько прожил, а не понимает, что если всех преступников перевешать, а зло наказать, вот тогда жизнь и настанет всюду радостная и счастливая.

Глава 5

Дорога постепенно понижалась, по обе стороны медленно вырастают горные кряжи, словно поднимаются из воды. Лес

светлый, редкий, солнечные лучи просвечивают насквозь, отдельными группками держатся сосны, березки, буки. Олег присвистнул, указал на аккуратные пеньки. Кто-то срубил три толстых дерева, стволов не видно, но и следов от колес не видать, будто неведомый великан унес на себе.

Томас начал осматриваться, обрадованно указал на тропку, похожую на звериную. Он же первым пустил по ней коня, тропка после недолгих петляний между деревьями слилась еще с одной, потом еще, стала втрое шире, уже не терялась под огромными узорными листьями папоротников.

Когда превратилась в дорогу, что почти не виляет между деревьями, а прет уверенно и целеустремленно, Олег заметил с привычной угрюмостью в голосе:

– Если прибавим ходу, заночуем в городке.

– Ты там бывал?

– Нет, но слышал, что городок, как и все другие. Разве что...

Он умолк, Томас выждал, спросил в нетерпении:

– Что с ним не так?

– Да все так, – отмахнулся Олег. – Нам ведь только заночевать? Ну и все, а утром уберемся. Никакие странности нас коснуться не успеют.

Томас похлопал коня по шее, шпорами колоть не стал, бедное животное и так едва тащит ноги, огляделся, в лесу темнеет куда быстрее, чем за его пределами.

– В город вряд ли, – сказал он, – но между лесом и городом

с десятков сел, иначе не бывает. Переночуем под крышей, а утром вместе с крестьянами, что поедут на рынок...

Олег буркнул:

– Тогда город нам зачем?

– Не знаю, – ответил Томас. – Как-то принято заезжать в города.

– Эх, Томас, падешь ты жертвой комильфо.

– Сам ты, – обиделся Томас на всякий случай. – И даже выхухоль!

Город в беспокойном месте, потому, помимо высокой стены из грубого камня, еще и ров: шириной шагов в сорок-шестьдесят, а про глубину лучше и не думать, за городом небольшая речушка, так что воды попадает достаточно. Он прямо под стеной, так что сумевшим каким-то чудом перебраться ничего не даст, а со стен их легко поразить камнями, стрелами, кипящей смолой или маслом.

Единственный мост переброшен через ров, правда – широкий, шесть всадников проедут в ряд, его охраняют вынесенные далеко вперед две массивные каменные башни. На широких площадках, укрытых надежными парапетами, может разместиться по полсотни лучников, так что мост защищен надежно, Томас отметил это сразу и принялся искать уязвимое место в обороне, как будто он уже привел сюда войско.

Олег ехал молчаливый, на рыцаря поглядывал искоса, ход

его мыслей понятен, стоит только посмотреть в честное открытое лицо. Что ж, пусть осаждает эту твердыню, мозгу надо ставить перед собой трудные задачи и стараться их решать, только тогда человек – человек, а не довольное жизнью животное.

Внизу у основания башни стол и две лавки, трое воинов отдыхают, но четвертый стоит у самого моста и внимательно всматривается в каждого, кто пешим или конным прибывает в город. Одного заснувшего возчика на груженной горшками подводе разбудил и заставил поднять голову, всмотрелся в опухшее от перепоя лицо с подбитым глазом, махнул рукой: проезжай.

– Даже плату не берут, – заметил Олег.

– Значит, везет что-то нужное городу, – объяснил Томас.

– Гибкое управление, – сказал Олег, Томас уловил нотку одобрения пополам с непонятной иронией. – Молодцы, держат нос по ветру.

Олег сидит в седле вроде бы до пят погруженный в мысли, однако Томас чувствовал, что отшельник видит и слышит все, что происходит вокруг, не пропускает ни косого взгляда в их сторону, ни скрип седла под проехавшим всадником, ни промелькнувшую по земле тень от некой птицы: явно сразу определил и что за птица, голодная или нет, молодая или старая, самец или самка – калика как-то умеет замечать такие мелочи, что ускользают от любого разумного человека, особенно – христианина, а этот же все замечает, замечает,

замечает...

Город уже разросся и укрепился, заметно по свежей кладке каменной стены, окружившей старую часть и внутренний ров. Там свой мост, поменьше, у моста по два стражника с каждой стороны внимательно осматривали телеги, а из башен за въезжающими бдительно смотрят лучники и арбалетчики. У входов в башни лениво переговариваются латники, но хоть лица и беспечные, взгляд настороженный, а ладони всегда вблизи топоров.

Олег вздохнул, чувствуя дурноту. Такого в скитаниях по восточным странам еще не видел, чтобы вот так каждый город был государством, каждый сеньор сидел в замке, как в осажденной крепости, а по дорогам нельзя проехать без большого вооруженного отряда. Во всех восточных странах, где он почти безвылазно провел несколько столетий, даже самый мелкий деспот сразу устанавливает жесткую единоличную власть, и по всей его территории все передвигались свободно и безбоязненно. И чем страна больше, тем длиннее караванные пути. А уж империи так и вовсе...

Томас смотрел перед собой прямо и бестрепетно. Спина ровная, нижняя челюсть своим положением выказывает волю и решимость все одолеть, смолоть и бросить коню под копыта.

– Это близость Адова Урочища, – обронил он сурово. – Люди боятся, Олег! Только и всего.

– Тогда все Оловянные Острова, – ответил Олег, – адово

урочище.

– Оловянные... Ах да, ты вот о чем! Олег, тут отродясь не было никогда олова.

– Выкопали, – буркнул Олег.

– Думаешь?

– Знаю, – ответил Олег еще сумрачнее, – какие здесь рудники были, какие рудники!.. А вот там стояла большая пристань...

Томас чуть повернулся, новенькая кожа седла протестуяще закрипела.

– Олег, – сказал он настороженно, – ты не объелся ядовитых грибов? А то наши друиды от них, говорят, и перемерли... Какая пристань, когда реки нет и в помине.

– А это что, не река?

Томас засмеялся с покровительственной ноткой.

– Эх, сэр калика... Не видел ты настоящих рек!

Олег вздохнул.

– Ну... наверное. Возможно. Впрочем. И здесь когда-то... была. Каких я тут щук ловил...

Томас зябко передернул плечами. Щук он ловил! Тут мороз по коже, когда пытается представить себе эти бездны, когда здесь несла воды большая река, да не просто воды, а речные суда! – а сейчас, столетия тому поменяв русло, течет в сорока милях отсюда, оставив здесь чуть ли не ручеек... А он тут, оказывается, всего лишь щук ловил.

– А какой король тогда правил? – спросил он. Напомнил: –

Когда ты здесь щук ловил?

Олег в удивлении сдвинул плечами.

– Король? А, шутишь... А я уж подумал, что ты всерьез. Кто ж такую мелочь, как короли, помнит.

Хозяин гостиницы сам выбежал принять коней, так старательно вилял хвостом и заглядывал в глаза, всячески стараясь угодить гостям, что даже Томас понял, насчет свободных комнат проблем не будет. Он заплатил вперед, надменно повелев, чтобы комнаты лучшие, еда лучшая и вообще все – лучшее, он благородный рыцарь, а не мелочь какая-то купеческая или ростовщическая.

Олег прошел вслед за Томасом в трапезную, всего один стол занят, остальные пять свободны. Немолодая женщина, явно жена хозяина, чем-то на него похожа, быстро вытерла чистой тряпкой стол, сама же метнулась на кухню и вскоре вернулась с подносом, заставленным множеством мелких тарелочек.

Томас нахмурился, подозревая какое-то коварство: после предательства баронов, избравших другого короля, он видел коварство гораздо чаще, Олег все понял и заверил благодушно:

– Это салаты и холодные закуски. Чтобы аппетит раздражить.

– Да у меня он и так в порядке, – проворчал Томас. – Куда уж дразнить? Вот-вот начну грызть край стола...

Он с тем же подозрением поковырял пальцем в салатах, Олег посмеивался и отправлял сочные листья в рот. Томас, наконец, разохотился, тем более что травы перемешаны с тонкими ломтиками мелко нарезанного холодного мяса. Когда хозяйка, наконец, вернулась с горячим мясом, он уже порыкивал довольный, встретил ее широким жестом.

– Хорошо у вас готовят!.. Именно это я и люблю.

Она присела в почтительном поклоне.

– Спасибо, господин рыцарь.

– На здоровье, – сказал он добродушно. – Как вообще идут дела? Кто в городе правит? Об Адовом Урочище что слышно?

Она принялась отвечать быстро и словоохотливо, но когда Томас спросил об Урочище, сразу посуровела, слова начала подбирать очень осторожно, что Томас, как заметил Олег, явно одобряет: о Враге и его слугах лучше вообще не упоминать, а то они слышат всякий раз, если называют их имена, и могут появиться в любой момент.

Олег смотрел с насмешкой, как оба, Томас и хозяйка, дружно перекрестились, пошлепали губами, это на тот случай, если какой демон и явился, чтобы защититься крестным знамением и святой молитвой, чертовы язычники, хоть и называют себя христианами.

– Говорят, – прошептала она осторожно, – Язва разрастается. Уже дошла до реки. Все надеются, что через реку уж никак не переберется, больно глубокая, широкая и быстрая.

Из нашего града туда отправились семь священников и сорок монахов! Отец Септимий поклялся, что не уйдет оттуда, пока не загонит Язву вспять. Или не падет сам, не отступив, ибо он – воин Христа...

Олег хмыкнул.

– Слишком хвастливые речи для священника.

– Он не всегда был священником, – объяснила хозяйка. – Только в прошлом году принял сан. А до этого был известным рыцарем...

– Как его имя? – спросил Томас.

– Отец Септимий.

– Да в задницу этого Септимия! Как он назывался раньше?

Она ответила, вздрогнув от грозного рыка:

– Господин барон Генрих Герхоун...

Томас ахнул, откинулся на спинку кресла, глаза выпучил в великом удивлении.

– Это такой черный, высокий, нос горбатый, а на правой щеке шрам, как будто звезда упала?

Она несколько раз кивнула, очень довольная, что может подтвердить.

– Все точно, господин рыцарь. И еще один шрам, поменьше, над бровью. Я не раз его видела вблизи, рассмотрела.

– Он, – сказал Томас обрадованно и в то же время в задумчивости. – Точно он... Но почему?... Ты иди, иди по своим делам. Олег, ты что-то понимаешь?

– Ты о чем?

– Почему рыцарь стал монахом?

Олег пожал плечами.

– Говорят, когда черт стареет, в монахи идет.

Томас нахмурился, рука его цапнула кувшин с вином, медленно и задумчиво налил полный кубок, но видно, что мысли порхают далеко от выпивки. На гнусный выпад язычника отвечать не стал, задумался.

Олег медленно и с наслаждением пожирал хорошо приготовленное мясо, затем налег на сыр, он здесь трех видов, свежий и хорошо пахнущий. Явились мастеровые, сразу заказали вина, заняли столик у самой двери, что Олегу не понравилось, при желании могут, слегка отодвинув лавку, вроде бы нечаянно задевать всех, кто входит или выходит.

Вино им принесли в кувшинах, а из еды они заказали головку сыра на всех. Томас тоже все слышал, скривился, но, когда принесли сыр, уважительно покачал головой, мастеровые не прогадали: в головке не меньше двадцати фунтов.

Он слышал, как один из мастеровых с хохотом поинтересовался у соседа:

– Ты Расскажи, Расскажи, как устраивался дворецким!

Тот отнекивался, здоровенный рыжий парень с простецким лицом, но остальные нажали, он сказал нехотя:

– Да все было неплохо, меня даже приняла сама графиня, а не метр... мерд... ну управляющий замком. Провели меня в гостиную, там графиня сидит с подругой, языками чешут.

Осмотрели меня, расспросили, не болею ли чем. Я объяснил, что об меня можно бревна ломать. Потом графиня говорит: покажи, дружок, руки. Я показал. Она осмотрела и говорит, руки хорошие, сильные, а что мозоли, так все скроется под белыми перчатками. Потом говорит: покажи икры. Я штанины задрал, она посмотрела – хорошо, говорит, вполне подходит для норманнских коротких панталон. А потом говорит – теперь покажи референции. И тут, похоже, я совершил ошибку...

После паузы раздался громовой хохот. Мастеровые гоготали так, что из кухни высунулся испуганный хозяин, сперва посмотрел на Томаса, тот заулыбался тоже, и хозяин исчез, успокоенный.

– Бывает, – согласился мастеровой, который завел разговор. – У меня тоже было нечто похожее...

Он начал длинно и путано рассказывать, и снова у Олега сложилось впечатление, что тот больше присматривается и прислушивается к чему-то, а рассказывает заученно, потому что в разговор, как и в костер, нужно вовремя подбрасывать дровишки.

Томас велел подать вина, хорошего вина, а не этой бурды, на него начали коситься с враждебностью, как на всякого чужака, который говорит слишком громко.

Однако разговор там продолжался, кто-то начал о битвах и сражениях, заговорили о сражениях, Томас не слушал и, лишь когда увидел внимание на лице язычника, повернул в

их сторону голову.

– ...и тогда он покончил с собой, – заканчивал рассказ мастеровой торжественно, – чтобы смыть пятно с имени и не пятнать герб бесчестным поступком.

Все молчали, только один из них, постарше, перекрестился и сказал задумчиво:

– Вроде бы все верно... но церковь запрещает убивать себя. Это грех! Самоубийц даже не хоронят, как людей, а только за оградкой, как ворье, злодеев, клятвопреступников и отцеубийц. А также сыноубийц.

Олег толкнул Томаса.

– А что скажет герой турнира? Ну почти герой.

Томас прорычал рассерженно:

– Грех или не грех самоубийство, не мое дело. Но это – воинское преступление! Такое же, как дезертирство.

Разговоры затихли, на рыцаря посматривали с ожиданием, но Томас молчал, мужчины не говорят много, и тогда старший мастеровой сказал хитрым голосом:

– Что-то я такого не заметил в Библии... Или это вы, благородный сэра, прочли в других трудах святых апостолов?

Томас покосился подозрительно, не пытаются ли его оскорбить, предполагая, что он грамотный и даже читает всякие там книги, буркнул:

– А что непонятно? Господь дал человеку жизнь и велел пройти до конца, выполнить свой долг, а потом отчитаться об исполнении. А кто сам на себя наложит руки – тот дезер-

тир, чего тут крутить?

Они переглянулись, Олег насторожился, что-то промелькнуло между этими мастеровыми, что с каждым мгновением меньше похожи на мастеровых, но тут же исчезло. Снова они пили и ели, говорили о пустяках, а Томас, допив вино, со стуком опустил кубок на столешницу.

– Пойдем посмотрим комнату, – велел он Олегу. – Думаю, этот хитрец попробует нам подсунуть какую-нибудь дрянь...

Глава 6

Комнату, которую предложил хозяин, Томас одобрил, однако неожиданно забраковал Олег. К неудовольствию Томаса, выбрал поменьше, с одним-единственным окошком, не такую светлую, а на вопль рыцаря хладнокровно заметил, что им здесь не жить, завтра утром поедут дальше. Зато перед окном закатное небо, а не раскидистый клен, с которого он может попасть стрелой в горящую свечу в комнате, а если из арбалета, то и в сам фитиль.

Томас сказал с отвращением:

– До чего же это, должно быть, неприятная жизнь – всего бояться!

– Зато живой, – ответил Олег автоматически, потом задумался, посмотрел на Томаса со странным вопросом в глазах. – А что ты хотел сказать?.. Впрочем, не надо, знаю, что скажешь.

– В самом деле знаешь?

– В самом.

– Откуда?

– У тебя такое... лицо. Совсем не королевское. Хитрости мало, скажем мягко. Я не сказал, что дурак, не сверкай глазами!.. Ты честен и прост, как твой прекрасный боевой конь. И хитростей у тебя не больше, чем у него, когда надувает пузо, чтобы подпругу не затянули туже... Но дело не в этом. Город, как мне кажется, уже немножко отравлен.

Томас подскочил в тревоге.

– Ты чего? Все такие довольные!

– Под боком Адова Урочища? – напомнил Олег. – Выходцы из ада уже поднялись на поверхность, а здесь рассуждают, какой король у какого область оттяпает, кто у кого жену увел... Разве что не кровь отравлена, а души... Ладно, это слишком сложное для тебя. Ложись, спи.

– Рано, – ответил Томас. Он взял плащ и набросил на плечи. – Пока мы ехали сюда, видел, как хозяин одной лавки показывал мне меч в ножнах?

– Нет, – ответил Олег, но Томасу показалось, что отшельник говорит неправду. – Как-то не заметил.

– У него оружейная лавка, – сказал Томас задумчиво. – Довольно богатая. Думаю, ему есть чем похвастать.

– Томас, – сказал Олег укоряюще, – мы едем по весьма важному делу. Можем и головы сложить! А ты по лавкам заглядываешь, как женщина?

Томас сказал оскорбленно:

– Женщины не заглядывают по оружейным лавкам! А если бы заглядывали, туда бы перестали ходить мужчины. Есть, знаешь ли, места святые для мужчин... Не скаль зубы, я имел в виду, что почти святые! Для нас самое дорогое – оружие. Я не тряпки собираюсь смотреть, обувь или дорогие притирания!

– А мог бы, – заметил Олег ехидно. – На Востоке вон и мужчины красят волосы, бороды, ногти, натираются благовониями...

– С ума сошел, – сказал Томас возмущенно. – Вся Европа рухнет, если здешние мужчины начнут краситься!

Олег смолчал, а Томас застегнул пряжку ремня и пошел к выходу. Олег вздохнул, оглянулся на лук, сиротливо стоящий у изголовья кровати, но махнул рукой и вышел следом.

Солнце опустилось за городскую стену, край блестит, словно плавится в жарком огне, но между домами уже залег полумрак, что медленно переходит в темень. В некоторых домах зажглись светильники, а перед самыми богатыми горят даже перед домом. С далекого перекрестка доносились звуки музыки, веселые песни, крики гуляющих.

Томас неодобрительно покачал головой. Вечерами народ должен ходить в церковь, а не устраивать гулянки на ночных улицах. Он хотел было высказать такое вслух, но покосился на язычника, этот обязательно спросит, когда был в церкви сам Томас, а тут не вспомнишь, разве что в прошлом месяце,

когда загнал не то ливень, не то злые собаки.

Темная громада церкви вырисовывается на фоне красного закатного неба справа над крышами добротных домов. Олег заметил, что «громада» – слишком громко, у богатых крестьян курятники повыше и покрупнее, а это каменное здание даже в щелях между камнями дало вцепиться сорной траве, стыд какой.

Томас, похоже, тоже заметил неухоженность такого важного для христиан места, как церковный дом, покосился на калику с предостережением в холодных синих глазах: только скажи что похабное, однако калика поглядывал по сторонам, прислушивался к крикам, шорохам и, казалось, ничуть не удивился, когда навстречу вышли четверо мужчин и остановились, перегородив узкую улочку. Все четверо вытащили из ножен длинные ножи, смахивающие на короткие мечи.

Томас поперхнулся на полуслове, но, взглянув на невозмутимого волхва, надменно фыркнул, красивым жестом отбросил за спину плащ и выхватил меч. Олег оглянулся, там тоже появились четверо таких же оборванцев, но у одного топор, у другого нож, у двоих настоящие мечи.

– Ребята, – сказал Олег просительно, – такой хороший день был... не надо портить дурной дракой!

Один из стоящих впереди отмахнулся раздраженно:

– О тебе речи не было. Отойди в сторонку, тебя не тронут.

– Как скажете, – сказал Олег обрадованно.

Он отступил к стене, прижался к ней спиной, а когда чет-

верка начала наступать на застывшего рыцаря, быстро метнулся вперед и неуловимо быстро опрокинул всех четверых, а Томас мгновенно развернулся и принял удар напавших сзади. За спиной слышались крики, в которых было больше изумления, чем ужаса, глухие удары и короткие стоны.

Томас выдерживал град ударов, одного сразил с великим трудом, второму рассек живот, остались двое, он подбодрился, но те вдруг посмотрели мимо него, закричали и, роняя кинжалы, бросились вдоль домов. Томас оглянулся, в их сторону шел Олег, деловито вытирая платком с головы одного из нападавших короткий меч. Тот покраснел от набалдашника до острия, с него срываются красные тягучие капли. Четверо вяло трепыхаются в лужах крови, стонут, один попробовал ползти, но уперся головой в стену и все греб руками, словно веслами, пытаясь продавить макушкой камень.

– Ты дерешься не по-рыцарски, – обвинил Томас. – И меч украл.

– Вот новость, – удивился Олег. – А я и не знал. Кому вернуть с извинениями?

– Зато с успехом, – закончил Томас менее охотно. – В уличных схватках все трюки хороши.

– Буду знать, – заверил Олег. – А если что, у тебя спрошу. Хорошо?

– Спрашивай, – согласился Томас горделиво. – Я много чего знаю.

Его дыхание быстро выравнивалось, доспехи все еще бле-

стят, ножи попортили только плащ, да на панцире осталась пара царапин. Олег внимательно посмотрел на Томаса, не прикидывается ли, но тому в самом деле явно не пришло в голову мысли: а с чего вдруг набросились на них, двоих мужчин, когда для грабежа есть жертвы куда богаче и не такие зубастые?

– Ладно, – сказал Олег вслух, – набросились так набросились. Где твоя лавка?

Томас вытянул руку.

– Уже пришли.

Хозяин лавки испуганно выглядывал из окна. Томас улыбнулся ему издали, Олег видел, как побледнело и перекопилось лицо хозяина, тут же исчезло. Послышался грохот железных засовов. Дверь распахнулась, хозяин дрожал и мелко кланялся.

– Я видел... ужас какой!.. как на вас напали!.. Куда стража смотрит!

Он отступил, гости вошли, Томас сразу начал осматривать развешанное на стене оружие, Олег же еще от двери заметил ровным голосом:

– Да, в самом деле. И как будто знали, куда мы идем.

Хозяин побледнел, губы прошептали:

– Да вы что?

– В самом деле, – сказал Олег.

– Не может того быть! – воскликнул хозяин.

– Да вот... чуть было не получилось...

Хозяин пролепетал:

– Почему вы так решили, что... знали?

– Город велик, – пояснил Олег, он рассматривал его пристально и холодно. – Но засаду устроили именно здесь...

От стены послышался довольный голос Томаса, он снял и вертел в руке меч, дважды взмахнул, снова восторженно ахнул, протянул в сторону Олега.

– Смотри, какая прелесть!

Олег в полном равнодушии оглядел меч – длинный, с вытянутым лезвием, выкованный любовно и тщательно, не простой меч и даже не баронский, а как будто для воинственного короля, чтобы и воинская красота видна во всем, и тщательно подобранная и умело закаленная сталь, где синеватые узоры в металле скромно указывают на невероятную прочность, а у самой гарды сверкает великолепный рубин.

– Неплохо, – одобрил он. – Как я понимаю, ты шел сюда за ним?

– За ним, – ответил Томас гордо. – У меня чутье на хорошее оружие!

Олег повернулся к застывшему хозяину лавки.

– Вы именно это оружие хотели подарить моему другу?

Хозяин дернулся, жалко промямлил:

– Подарить?.. Это же меч королей... Однако же, принимая во внимание...

– Да-да, – подтвердил Олег строго. – Именно, принимая во внимание. Надеюсь, ты уговоришь доблестного рыцаря не

отказываться.

Хозяин съезжился еще больше, повернулся к ничего не понимающему Томасу. Видно, как сердце его разрывалось, когда бросал жалобные взгляды на драгоценный меч, но вздохнул и сказал потухшим голосом:

– Мне было видение, доблестный рыцарь, что этот меч нужно подарить именно вам. Я едва дождался, когда вы въедете в город, сразу же подал вам знак, а потом считал минуты, когда переступите этот порог.

Томас жадно прижал меч к груди, по его глазам Олег видел, что купить такое сокровище Томасу не по карману, но и принять в дар не решается, все-таки от простолюдина, другое бы дело – от короля или хотя бы герцога. Да хрен с ними, даже от графа бы взял, а тут какое-то двойственное ощущение, надо подумать, нет ли урона рыцарской чести...

Олег наблюдал за ним внимательно, заверил:

– Нет урона, нет. Хозяин уже получил высокое вознаграждение за свой поступок. От своего видения.

Томас все еще переминался, с жадностью смотрел на меч, но все-таки со вздохом протянул его хозяину.

– Это очень ценная вещь. Я не могу ее принять.

Хозяин было дернулся взять в руку, Олег многозначительно обронил:

– Но жизнь еще ценнее.

Хозяйская рука упала как подрубленная, Томас сказал с еще более тяжким вздохом:

– Ты прав. Как часто наши драгоценные жизни зависят от меча, коня или лопнувшей пряжки!

– Это верно, – согласился Олег. Он повернулся к хозяину: – У тебя как насчет коней?

Тот открывал и закрывал рот, покрылся разноцветными пятнами, а Томас напомнил рассудительно:

– Коней покупать не стоит, у нас хорошие кони. Ты даже тех, что я выиграл на полутурнире, и то продал... Я этого ни на что не променяю.

Олег подумал, кивнул.

– Ладно. Мы принимаем в дар только меч. Пойдем, а то уже вроде бы пора ужинать.

Томас переступил с ноги на ногу, промямлил:

– Ну, если было видение... с ним разве поспоришь? Видению сверху виднее...

Хозяин бросил испуганно-благодарный взгляд на Олега, прошептал:

– Не всегда, не всегда. Иногда и видения ошибаются.

– Это мы не так понимаем, – строго разъяснил Томас. – Видения всегда говорят многозначительно туманно, облекая слова в замысловатые кружева, что нас и обманывает.

Олег взял самые роскошные ножны, украшенные драгоценными камнями дивной огранки, меч подошел точно, крестообразная рукоять с щелчком вошла в желобок. На улице уже собирался народ над плавающими в темных лужах трупами, Олег повел Томаса кружным путем, чтобы не встре-

чаться со стражей. Томас так и прижимал всю дорогу к груди драгоценный меч, только спрятал под плащ, чтобы не привлекать жадные взоры. Олег посоветовал старый меч выбросить вместе с ножнами, а взамен на перевязь подцепить подарок, Томас возмутился до глубин души:

– Этот меч знаешь сколько мне служил?

– Неделю? – спросил калика скептически.

Томас задохнулся от возмущения.

– Я что, такой молокосос?

Олег зевнул на ходу.

– Нет, я думал, ты в самом деле бывал в жарких боях. А там оружие долго не живет... Ага, вот еще что! Ты задержись здесь. Ненадолго... Впрочем, лучше я сам позову.

Томас спросил встревоженно:

– Ты чего?

– Вожжа под хвост попала, – объяснил Олег раздраженно.

– Это как?

– Наше языческое, – объяснил Олег еще терпеливее. – В смысле вожжа под хвост! Тебе этого не понять, христианин. Когда вот такая луна с рогами вверх, должен я войти первым, а ты – когда свистну. Понял?

– Что за дурацкие ритуалы, – пробурчал Томас с отвращением, но Олег уже быстро шел через темный, плохо освещенный двор.

Томас потоптался на месте, чувствуя, что его где-то обманули, затем вспомнил, что он – христианин, а это значит,

должен нести свет в заблудшие души, а не потакать в их суевериях. Ишь – луна кверху рогами! – ерунда какая, придурастые язычники, другое бы дело – покраснела или обрела двойной ореол, это ясные предзнаменования от Господа, а так все ерунда...

Прижимая к груди драгоценный меч обеими руками, он быстро прошел к ступенькам, там слабо горит единственный светильник, бодро нырнул в полутьму холла, из угла донесся стон. Томас перекрестился, чтобы отогнать привидения, и бестрепетно начал подниматься по лестнице вверх. На ступеньках разлито что-то темное, поскользнулся, но удержался, упершись в стену, там тоже мокрое и липкое.

Ругаясь на нерадивых хозяев, поднялся к своей комнате. Дверь распахнута, в глубине спиной к нему Олег, выглядывает из окна. Не поворачиваясь, сказал чуть громче обычного:

– Вымой руки и ложись спать. Утром выедем пораньше.

Томас взглянул на ладонь, которой уперся в коридоре в стену, при свете ярких свечей видно, вся в крови. С беспокойством посмотрел на Олега.

– А ты как узнал?

– По запаху.

Олег повернулся, зеленые глаза горят, как у волка, дыхание постепенно выравнивается, но ощущение такое, что пробежался на высокую горку.

– А чего мое одеяло на полу? – спросил Томас с подозре-

нием. – Ты об него сапоги вытирал?

Олег взглянул на одеяло, брезгливо поднял за край, понюхал. Взгляд стал отстраненным, наконец, произнес после паузы и с некоторым удивлением:

– Вообще-то чисто...

– А как иначе? – спросил Томас раздраженно. – Я велел подать все чистое!.. Другое дело, если ты уже успел высморкаться...

Олег хмыкнул, выронил одеяло и снова вернулся к окну. Томас примостил меч у изголовья, любовался с разных углов, сел на ложе и принялся снимать сапоги. Олег снова высунул голову наружу, голос его прозвучал с непонятным облегчением:

– Все-таки уполз... Хоть и с перебитыми руками. До чего же я стал мягким!

– Это как? – переспросил Томас.

Олег повернулся от окна, лицо удивленно-грустное.

– Да каждая байка о голодной жене и пятерых детишках действует на меня безотказно. Разве бы мог подумать каких-нибудь сто, а лучше – тысячу лет назад! Мягкий я стал, брат Томас. Наверное, старость подкрадывается.

– К тебе подкрадешься, – буркнул Томас с неприязнью. Он смерил взглядом могучую фигуру язычника, где ни капли жира, а только вздутые мышцы, твердые, как корни старого дуба, его вечно молодое лицо с ярко-зелеными глазами, которые невольно приковывают внимание, его длинные му-

скулистые руки с широкими ладонями. – У тебя ж глаза на затылке!

– Я не трусливый, – сказал Олег, словно оправдываясь. – Я... осторожный. Хотя, ладно, и трусливый малость. Стараюсь избегать всяких неприятностей. И не всяких – тоже. Поэтому и осторожничаю.

Глава 7

Не просыпаясь, Томас протянул руку, пальцы что-то нащупали в воздухе, сжались. Олег уже одевался, хмыкнул, рыцарь и во сне все щупает свой новый меч, не налюбуется.

– А меч-то сперли, – произнес он негромко.

Томас подхватился, словно подброшенный катапультиой. Глаза дикие, на лице ярость, судорожно огляделся.

– Что?.. Кто посме...

Он поперхнулся, меч в ножнах стоит у изголовья, ждет хозяина, еще более яркий и блистающий, чем вчера при свечниках на бараньем жире. Крестообразная рукоять украшена множеством рубинов, камнями войны, ножны сдержанно блистают накладками из золота.

– Ты... чего?

– Да чтоб не будить долго, – объяснил Олег. – А так ты рр-р-раз – и готов!

– Свинья, – сказал Томас. – У меня чуть сердце не выскочило. Мог что-нибудь помягче. Ну, там город сгорел или са-

рацины напали...

– А ты бы проснулся?

– Вряд ли, – признался Томас.

– Вот видишь!

Томас торопливо оделся, а когда шагнул к дверям, Олег сказал негромко:

– И железо все надень. Да и меч захвати, больше сюда не вернемся.

Томас удивился, но посмотрел на каменное лицо язычника, вздохнул.

– Да, ты прав. Что-то мы разнежились. Все жрем да на чистых простынях спим. Мужчина должен спать на голой земле, а есть запеченное на костре.

– Рад, что ты все понял, – ответил Олег.

Томас с его помощью нацепил доспехи, Олег скрепил ремнями половинки панциря. Новенький меч, как влитой, покоился на перевязи. Томас даже шлем не стал нести по обыкновению в руках, сразу на голову, а в руки взял старый меч в ножнах и щит.

Пока спускались, Томас сунул старый меч в мешок, возгораясь новеньким оружием, даже не обратил внимания, что Олег против обыкновения не выпускает из рук лука с натянутой тетивой, даже стрела покачивается в пальцах, готовая прыгнуть расщепом на тугую струну.

И когда вывели коней, Олег все поглядывал по сторонам, на своего гуннского жеребца запрыгнул, не касаясь седла,

сразу же с высоты оглядел окрестности, лук в руках, стрела на тетиве, взгляд безостановочно шарит по окнам, крышам, заборам, деревьям.

Томас наконец заметил, сказал одобрительно:

– Птичку подстрелить хочешь? Подожди, выедем за ворота...

– Да, – согласился Олег, – за воротами как-то проще. Городской стражи нет, народ под ногами не мельтешит...

– Вот-вот, – сказал Томас. – Ты только выбирай потолще. Я люблю толстеньких.

– Все любим толстых, – отозвался Олег безучастно, – хотя и брешем насчет худеньких и стройных. Что язычники, что христиане.

Томас красиво и гордо ехал впереди, народ любовался его статной фигурой и блестящими доспехами, кричали «ура», а одна девушка даже бросила ему цветы, отчего воспаленный Томас сразу же приколот один себе на плащ, а ошалевшая от счастья девушка едва не выпала из окна, стараясь заинтересовать своим предельно низким вырезом на платье.

За воротами дорога пошла широкая и утоптанная, часто встречаются подводы, то и дело гонят скот на продажу. Олег, наконец, убрал лук, долго конские копыта звучали сухо и звонко, затем стук сменился мягким шагом. Томас вскинул голову, огляделся.

– Ты чего свернул?

– Так прямее, – буркнул Олег.

Томас повертел головой.

– А мне говорили, что эта дорога ведет в направлении Адова Урочища.

– Но не прямо, – уточнил Олег. – Мы просто срезаем петлю.

Томас посмотрел по сторонам, везде одинаковая равнина, кое-где невысокие зеленые холмы, отдельными стайками держатся деревья, отражая совместный натиск степи, зверья, засухи и ветра.

– И как все помнишь, – сказал он с недоверием. – Или, как птица, по солнцу находишь дорогу?

– Да такие места забыть непросто, – ответил Олег задумчиво. – В древности... это значит – давным-давно, здесь отгремела величайшая битва...

– В древности, – повторил Томас саркастически, – это так давно, что уже подзабыл, из-за какой ерунды тогда столкнул королей лбами?

Олег оставался серьезен, задумчив и как-то торжественно светел.

– Тогда не было королей, – ответил он мирно. – И никого я не подталкивал. По крайней мере сознательно. Я сам тогда был... впрочем, неважно. Так вот после той величайшей из битв окрестные ручьи от пролитой крови выходили из берегов, реки до самого моря текли красными, а земля так пропиталась кровью, что в ней что-то изменилось. Родилось великое Зло. И это Зло в земле и сейчас. Спит, но даже во сне

от него плохо всем, кто проходит наверху. И горе великое наступит, когда Зло проснется...

Томас взглянул с недоверием.

– Это ты всерьез?

– Да, а что?

– Да того лохматого в дупле ты вот так же дразнил...

Олег невесело усмехнулся.

– Смеемся, когда надо плакать. На самом деле все так и есть. А смеемся над собой и другими потому, что все вновь и вновь. Так часто, что уже и говорим о нем одними и теми же словами. За шанс вырваться из этого заколдованного круга что только не отдашь!

Томас зябко передернул плечами.

– То-то мне как-то не по себе, – признался он. – Это все от Зла, которое мы топчем?

Олег кивнул.

– Да, конечно. Все от Зла, но сейчас мы просто устали, проголодались, надышались ядовитого смрада в городе... когда же они перестанут выливать нечистоты из окон прямо на улицу? Вон у римлян даже водопровод был... а еще за нами следят из дальнего леса, ближних кустов и даже с неба... Вот и не по себе.

Он сказал так буднично, что Томас не сразу сообразил, подскочил в седле, начал судорожно оглядываться.

– Правда? То-то у меня мурашки по телу! Или врешь? Ты ведь язычник, тебе соврать – что своим богам жертву при-

нести!

– Следят-следят, – заверил Олег. – Потому мы и едем вот так, от деревьев и кустов подальше, чтоб ничего в нас не бросили... А ты в самом деле ничего не замечал? Ну и ну... на-верное, о Высоком мыслишь?

Томас продолжал оглядываться. Теперь, после слов калики, в самом деле начал замечать то шевеление, то блеснувший лучик от доспехов, то доносился запах скверного вина. И чем больше смотрел, тем больше замечал, наконец, весь лес начал казаться затаившимися недругами, как и кусты, а вся высокая трава выглядит ошестинившейся острыми пиками, где залегли просто тысячи всяких разных любителей легкой наживы.

– И давно они? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал так же буднично.

– Почитай, с города, – ответил калика. – Не с этого, а еще с того, где ты с Гакондом разговаривал. Как только он тебе дал грамоту, так и началось.

Томас бросал по сторонам осторожные взгляды.

– С тех пор и... так вот почему ты петляешь, как заяц!

– Лучше дурить, чем убивать, – ответил волхв. – Конечно, это не совсем по-рыцарски, но зато больше по-христиански, как думаешь?

– Не знаю, – ответил Томас сердито. – Как думаешь, их там много? Смогут ли атаковать в открытую?

– А зачем, – спросил Олег, – если могут устроить заса-

ду или подобраться в узком месте? Им нужно только определить, какой дорогой поедет. Правда, у нас кони получше, обогнать и устроить засаду не всякий сможет. Так что большое войско не жди.

Томас подумал, кивнул.

– Да его и не нужно. Если эти соглядатаи как-то связаны с Адовым Урочищем, то достаточно одному обогнать и сообщить там, что двое очень наглых едут в их сторону. Один из них считает себя хозяином земель, которые они уже захватили...

Калика сказал с уважением:

– Верно мыслишь. Скорее всего так и будет.

– Так чего же рассказываешь о погоне и засадах?

– А чтобы ты не очень волновался, – хладнокровно объяснил калика. – А то ты прямо с лица меняешься, когда боишься.

Томас подпрыгнул в седле, глаза стали дикими.

– Это я боюсь?

Он поднял забрало, красивое мужественное лицо надменно и задумчиво, в глазах гордость, в седле подчеркнуто негибамый, прямой. Рыцарь Храма, как он с гордостью себя называет. Проводник и распространитель христианства... э-э... современного его варианта, хотя каждый его проповедник и носитель уверен, что буквально слово в слово повторяет заветы Христа и послушно следует его курсу. Впрочем, за короткую человеческую жизнь трудно заметить, насколько

ко изменилось христианство.

Олег посматривал искоса, Томас хорош, ему и не пикнешь, что у него, как у всех рыцарей, вместо христианского смирения – гордость, что входит в число семи смертных грехов, вместо прощения – обязательность мести... а про такую особенность, как воспеваемое во всех рыцарских романах всеми бардами, скажем прямо, прелюбодеяние, то есть культ прекрасной дамы и все эти истории про Тристана и Изольду, Ланселота и Гиневру – разве не демонстративное нарушение главной заповеди?

– Томас, – спросил он вдруг, – а как насчет того, что, если я вдарю тебя в правую щеку, ты должен смиренно подставить мне левую?

Томас насупился, спросил с подозрением:

– Это где ты услышал такую глупость?

– В твоих Святых Книгах, – ответил Олег с готовностью. – Правда, ты их не читаешь, это так в народе называются Евангелия.

Томас покачал головой:

– Брехня.

– Я брешу? – спросил Олег.

– Ты, – ответил Томас надменно. – Или повторяешь чужие брехни.

Олег покрутил головой.

– Томас, Томас!.. Но там же ясно написано! И не какой-нибудь апостол, а сам Христос сказал!

Еще надменнее Томас поинтересовался:

– Ну и как он сказал?

– Тому, кто ударит по правой щеке, подставь левую!

Томас вздохнул, благочестиво перекрестился.

– До чего же дикость этих язычников поразительна, – сообщил он в пространство. – Ну прям дети. Правда, и дети бывают умненькие... Увы, язычники все из неумненьких. Дурковатых. Повторяют и повторяют одну и ту же глупость. Наш полковой прелат специально останавливался на этой заповеди, открывал Книгу и показывал всем, что там вовсе не то написано.

– А что? – спросил Олег с интересом.

– Там написано, – ответил Томас напыщенно, он выпрямился еще больше и выгнул грудь, – там написано четко и ясно: «Ударившему тебя по правой щеке обрати левую». Понял?..

Олег спросил озадаченно:

– А не один... хрен?

– Дикий ты человек, – повторил Томас с чувством глубочайшего превосходства. – Подставь – это чтоб ударили, а обрати – это разворот для ответного удара! Вот смотри: тебя бьют по правой. Ты разворачиваешься для удара, тем самым обращая к противнику левую щеку... не подставляешь, а обращаешь! И тут же наносишь сокрушительный удар, усиленный праведным гневом. Ведь удар всегда сильнее, если он праведный. Тогда не делаешь его щадящим, смягчающим,

дозированным, а бьешь... хорошо бьешь! До конца. Святое Писание надо уметь читать, невежа.

Он с высоты христианского полета озирает копошащегося во тьме невежества бедного язычника, снисходительно обливал его пометом, по доброте даже похлопал бы по плечу, но уж слишком на разных высотах, так что лишь поплевывал из недостижимой выси, осиянный ярким светом всепобеждающей веры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.